

RUSSIAN LITERARY ARCHIVES

Edited by

DMITRY ČIŽEVSKY and MICHAEL KARPOVICH

**РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ**

Под редакцией
М. КАРПОВИЧА и ДМ. ЧИЖЕВСКОГО

Нью Йорк, 1956

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

RUSSIAN LITERARY ARCHIVES

Edited by

DMITRY ČIŽEVSKY and MICHAEL KARPOVICH

**РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ**

**П о д р е д а к ц и е й
М. КАРПОВИЧА и ДМ. ЧИЖЕВСКОГО**

**Н ь ю И орк
1 9 5 6**

Copyright 1956, by the President and
Fellows of Harvard College.

Published under the auspices of the Department of Slavic Languages and Literatures of Harvard University and the Harvard College Library, with the assistance of the Committee for the Promotion of Advanced Slavic Cultural Studies and the Humanities Fund.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник издается отделением славянских языков и литератур Гарвардского Университета совместно с Библиотекой того же университета.

За исключением писем Лескова и стихов Маяковского, подлинники печатаемых рукописных материалов принадлежат Гарвардской библиотеке и хранятся в ее отделе редких книг и рукописей (Houghton Library).

Опубликование этих материалов, охватывающих довольно большой период в истории русской литературы, от Пушкина до Цветаевой включительно, и представляющих значительный интерес по своему содержанию, едва ли нуждается в оправдании.

«Русский литературный архив» не задуман как периодическое издание, но мы надеемся, что при благоприятных условиях за этим сборником появятся и дальнейшие.

М. Карпович

Дм. Чижевский

«МОРЮ», СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА, РУКОПИСЬ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

Приготовил к печати Дм. Чижевский

В библиотеке Гарвардского Университета (Houghton Library) находится написанная рукою Пушкина рукопись стихотворения, обычно печатаемого под названием «К морю». Рукопись написана на обеих сторонах листа бумаги размера 20 x 32 см. Ниже я печатаю рукопись с сохранением орфографии автора. За основу принят первоначальный текст, а варианты, поправки и дополнения Пушкина воспроизводятся внизу страницы с указанием номера строки. Строки стихотворения нумерованы мною. «Нрзб» обозначает не поддающееся прочтению слово, число перед сокращением «нрзб.» указывает на число непрочитанных слов.

[1 страница]
послѣ 36 N.

посл. НУ N и (нрзб.) NB.

МОРЮ

- (1) Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
- (5) Как друга ропоть заунывный
Въ прощальный разлученья часъ

(6) Над словами «Въ прощальный» написано «Какъ зовъ его», слово «разлученья» зачеркнуто. Строка принимает вид: «Какъ зовъ его въ прощальный часъ».

Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ

- Моей души предѣлъ желанный!
(10) Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

- Какъ я любилъ твои отзвы
Глухія звуки, бездны гласъ,
(15) И тишину въ вечерній часъ,
И своенравныя порывы!

- Безпечный парусъ рыбаей
твоею прихотью хранимый
скользитъ отважно средь зыбей...
(20) Но ты взыгралъ, неодолимый —
И стая тонетъ кораблей.

- Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный неподвижный брегъ
Тебя восторгами поздравить
(25) и по хребтамъ твоимъ направить
мой поэтический побег!

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ.
Вотще рвалась душа моя,
[2 страница]

- Могучей страстью очарованъ
(30) У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? куда бы нынѣ
Я бѣгъ безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ,

---

(17) Над зачеркнутым словом «Безпечный» вписано «смиренный». Строка в окончательном виде читается «смиренный парусъ рыбаей».

(19) Над зачеркнутым словом «отважно» вписано «безпечно». Строка в окончательном виде: «скользитъ безпечно средь зыбей».

(32) «бѣгъ безпечный» зачеркнуто, сверху написано «путь отважный». Окончательный вид строки: «Я путь отважный устремилъ».

- (35) Одна скала, гробница славы.
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы..
Тамъ угасаль Наполеонъ.

- Тамъ онъ почилъ среди мученій —
(40) И въслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался Геній,
Другой властитель нашихъ думъ...

- Взволнуйся, море, непогодой
Вой, сынъ любимый, твой пѣвецъ
(45) Исчезъ, оплаканный свободой,
оставя міру свой вѣнецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ —
Онъ Духомъ созданъ былъ твоимъ

---

(43) В строке зачеркнуто «уйс» (так!) и «море». Над строкой над зачеркнутым «уйс» 1 нрзб. слово, как кажется, из 6 букв, по всей видимости «м...ь» и зачеркнутое «м». Еще выше над началом строфы знак, которым выделены переработанные строки от 43-55, затем неразобранный знак, и зачеркнутое «ты». Строка не получила окончательной формулировки. Против строки вписано на левом поле 2 строки:

Исчезъ оплаканный свобод..
Оставя міру свой вѣнецъ

(44) «Вой» исправлено на «ТВой». Затем зачеркнуто «ТВой, сынъ любимый». Над этими словами вписано теперь с трудом читаемое (на сгибе бумаги) слово: «вѣр.й» («вѣрный?»), далее на некотором расстоянии зачеркнутое слово: «б.ы..л.» (?) и далее: «онъ былъ, о море». Таким образом строка последовательно принимала вид:

- а. Твой сынъ любимый, твой пѣвецъ
б. Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ

(45) В слове «свободой» малое «с» переделано в большое.

(46) Зачеркнута вся строка. Над словом «міру» вписано и зачеркнуто «намъ». Затем вписано «Кумиромъ избранныхъ сердець», — это окончательный вид строки.

Вся строфа (строки 43-46) зачеркнута двумя тонкими линиями. Возможно, что вместо нее Пушкин предполагал включить в стихотворение написанные на левом поле строки 47-50.

- Онъ былъ какъ ты глубокъ и мраченъ
(50) Какъ ты ничемъ неукротимъ
Міръ опустѣлъ... и чтожъ? куда-же

- Меня бы вынесъ океанъ?
Судьба земли повсюду таже
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
(55) Ужъ просвѣщенъ иль тиранъ
Прощай-же, море, незабуду

Твоей торжественной красы
И долго, долго помнить буду
Твой гулъ въ вечернія часы

---

(49) Зачеркнуты слова «Онъ былъ какъ ты глубокъ» и над зачеркнутым вписано: «Какъ ты глубокъ, могущъ», затем над словами «глубокъ, могущъ» поставлены цифры «2» и «1». Таким образом, строка последовательно принимала вид:

- а. Какъ ты глубокъ, могущъ и мраченъ
б. Какъ ты могущъ, глубокъ и мраченъ

(51) Зачеркнуто «и чтожъ», над «куда-же» вписано «теперь», зачеркнуто, над ним вписано «увы!», затем зачеркнуто и «теперь» восстановлено пунктиром под этим словом. После «теперь» стоит зачеркнутое «меня». Строка, очевидно последовательно принимала такой вид:

- а. Міръ опустѣлъ...теперь куда-же
б. Міръ опустѣлъ...меня куда-же
в. Міръ опустѣлъ...увы! куда-же
г. = а.

(52) Зачеркнуто и позже восстановлено «Меня». Над этим словом вписано «играя». «бы» переделано в «бъ» и сверху вписано «ты». Строка, очевидно последовательно принимала вид:

- а. Играя бъ вынесъ океанъ

Этот вид строки, очевидно соответствует виду «б» строки (51).

- б. Меня бъ ты вынесъ. океанъ?

(56) Перед строкой такой же знак, как перед строкой (43). Вероятно, Пушкин отметил этими знаками ту часть текста, которая еще должна была быть переписана или подвергнуться дальнейшей отделке.

(58) Зачеркнуто «помнить» и сверху вписано «слышать». Строка получила вид: «И долго, долго, слышать буду».

ночи. 368.

ночи 44. а 52

Копию

Нприман, чудовищна, чудовищна!
Въ новобранни папъ реформирован
мнѣ камулетъ бранелъ арышъ
и сумуеубъ реформированъ.

Камулетъ реформированъ реформированъ
Въ реформированъ реформированъ
мнѣ реформированъ реформированъ, мнѣ реформированъ реформированъ
реформированъ и въ реформированъ папъ

ночи реформированъ реформированъ!
Камулетъ реформированъ реформированъ
реформированъ и мнѣ реформированъ,
реформированъ реформированъ реформированъ!

Камулетъ реформированъ реформированъ
реформированъ реформированъ, реформированъ реформированъ,
и мнѣ реформированъ реформированъ,
и реформированъ реформированъ!

реформированъ реформированъ, реформированъ
реформированъ реформированъ реформированъ
реформированъ реформированъ реформированъ
но мнѣ реформированъ, реформированъ—
и реформированъ реформированъ.

и реформированъ реформированъ реформированъ
реформированъ реформированъ реформированъ реформированъ
реформированъ реформированъ реформированъ
и реформированъ реформированъ реформированъ
реформированъ реформированъ реформированъ!

мнѣ реформированъ, мнѣ реформированъ... и реформированъ реформированъ.
реформированъ реформированъ реформированъ,

(60) В лѣса въ пустыни отдаленны
перенесу тобою полнѣ
твои скалы, твои заливы
и блескъ и шумъ и говоръ волнѣ

АП

---

(60) Зачеркнуто «отдаленны» и сверху вписано «молчаливы». Вид строки: «Въ лѣса въ пустыни молчаливы».

(63) Слово «шумъ» зачеркнуто, вписано сверху «тѣнь». Окончательный вид строки: «И блескъ и тѣнь и говоръ волнѣ».

Примечания:

Вверху страницы — записи небрежным почерком, похожим на почерк Пушкина, например во вставке над строкой (44). Неразобранны 2 или 3 буквы перед *НВ*. Значение этих замечаний неясно.

В ряде случаев Пушкин пишет слитно с последующим словом «и», «не». Отметить надо еще:

(2) Написано «передомной».

(40) «въслѣдъ» — так!

(52) Запятая вставлена, повидимому, только тогда, когда Пушкин изменил «бы» на «бъ ты». Впрочем в копии кн. Вяземской (см. далее) читаем первоначальный текст нашей рукописи с запятой!

В почерке Пушкина иногда трудно различить большие и малые буквы. В начале некоторых строк явственны малые буквы (в напечатанном выше тексте). Кажется, Пушкин в строке (55) написал слова «Просвѣщенъ» и, может быть, «Тиранъ» с заглавных букв.

1.

Окончательный вид Гарвардской рукописи очень близок к первопечатному тексту в «Мнемозине» IV (начало 1825 г.) и цитате в «Московском Телеграфе» (1825, 1). Отличия незначительны. Исправлена орфография (строки 14, 16 и 59: «глухіе» и т. п.; 22: слитное написание «навѣкъ»; 40: «въслѣдъ»; некоторые мелкие изменения). Переставлены строки 44-47: их окончательный порядок 46-47-44-45, что, впрочем, уже намечено в нашей рукописи (см. выше «Варианты»). Текст «Мнемозины» содержит ряд отклонений от первоначального текста нашей рукописи. Некоторые из них, возможно, объясняются опечатками. Текст напечатан без разделения на стро-

фы. В строке (21) читаем «тонет стая», в строке (25) «набег», в строке (29) «могущей», строка (45) читается:

Ревн, волнуйся непогодой

Особый интерес представляют опущенные в «Мнемозине» строки 52-55. Строка 51 напечатана там: «Міръ опустѣль.....». Сохранилась копия, написанная рукой кн. В. Ф. Вяземской (Академическое издание Сочинений Пушкина II, 2, 1949, стр. 1141). В ней строки 52-54 соответствуют первоначальной редакции нашей рукописи (интересно отметить, что строка 53 написана «Меня бы вынесъ, океанъ», т. е. имеется запятая, показывающая, что слово «океанъ», воспринималось автором и переписчицей, как звательный падеж!). Строка 55 заменена рядом точек, что мог сделать сам Пушкин, опасаясь перлюстрации письма, но могла опустить «опасную» строчку и кн. Вяземская «из осторожности» (там же, стр. 859)¹. К сожалению, Академическое издание ничего не сообщает о вариантах этого списка к остальным частям стихотворения. Во всяком случае, текст «Мнемозины» очень близок к Гарвардской рукописи.

Эта близость к тексту «Мнемозины» и к копии кн. Вяземской показывает, что Гарвардская копия — непосредственная предшественница посланной Вяземскому 9-10 октября 1824 г. рукописи, которая была передана редакции «Мнемозины». Пушкин начал писать рукопись, как «беловик», но, как с ним часто случалось, стал вносить поправки и даже вставил целую строфу. Рукопись поэтому пришлось переписать еще раз, при чем были сделаны дальнейшие поправки, получили окончательное оформление строки (44-47) и, возможно была изменена и «дополнена» интерпункция. Возможно, что это сделал Вяземский или редакция «Мнемозины».

Существенны изменения интерпункции, меняющие интонацию фраз. Такова замена запятой точкою в строке (34). В рукописи следующая (35) строка является как бы пояснением к строке (33): «один предмет»; в печатном тексте строка (35) превращена в номинативное предложение. Отсутствие интерпункции в нескольких местах в рукописи заставляет сомневаться, что интерпункция печатного издания во всем соответствует интонационной конструкции пушкинского текста. Следует напр. отметить строку (47), где тире рукописи заменено запятой и после строки (48) поставлено двоеточие; таким образом, в нашей рукописи строки (48-50) представлялись пояснением строки (47), в печатном тексте строфа

распадается на 2 равных по объему интонационных отрезка, строки (49-50) поясняют первую половину строфы.

О существовании нашей рукописи были сведения в научной прессе²: это именно тот «беловик», который был в 1921 г. куплен в Одессе проф. П. А. Михайловым и увезен в Париж. Там автограф был приобретен С. П. Дягилевым, а после его смерти библиотекой Гарвардского Университета³.

П р и м е ч а н и я:

¹ Что опущенные строки представлялись «опасными» («тиран»!) показывает сделанное в «Мнемозине» примечание к строке точек, заменившей строки (52-55): стихотворение согласно этому примечанию «отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина». Списки, «ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями». Это примечание должно было снять с Пушкина ответственность за опущенные строки.

² См. заметку М. А. (Лексеева): «Автографы Пушкина в Одессе» в сборнике «Пушкин. Статьи и материалы» Одесса 1925, стр. 57 и Академическое Издание Пушкина II, 2 стр. 1141.

³ См. мою заметку в «Harvard Library Bulletin» VIII 1954, 3, 374.

2.

История возникновения стихотворения освещена достаточно детально¹. Пушкин набросал «первую редакцию», не содержащую строф о Наполеоне и Байроне, еще в Одессе, вероятно, в июне 1824 г. Самая идея стихотворного прощания с морем могла возникнуть у него после конфликта с гр. Воронцовым, когда стало ясным, что Пушкину в той или иной форме придется оставить службу под начальством Воронцова. Хотя Пушкину до 29 июля оставалась неясна его дальнейшая судьба, но уже тогда он мог думать о том, что ему придется покинуть Одессу и берег моря². К сожалению, одесские наброски Пушкина не сохранились и известен только исправленный Пушкиным беловик под названием «Морю», возникший в Михайловском в сентябре (не позже 25-го)³. В этой редакции находим варианты строк нашей рукописи (1-12, 22-30, 56-63). В Михайловском Пушкин между 26 сентября и 8 октября написал строки 13-21⁴. Тогда же ему пришла в голову мысль, вставить в прощание с морем строфы о Наполеоне и он пишет не менее 9 строф, сохранившихся в черно-

вой редакции⁶. Но еще во время пребывания в Одессе Вяземский пытался побудить Пушкина написать стихотворение «на смерть Байрона», скончавшегося в апреле 1824 г.⁶. Вероятно, уже после того, как были написаны строфы о Наполеоне, Пушкин вспомнил, что возможно упомянуть в стихотворении «Морю» и английского поэта, «Чайльд-Гарольд» которого еще в 1820 г. внушил Пушкину основные мотивы его первого «морского» стихотворения «Погасло дневное светило». Хотя Пушкин и писал Вяземскому (письмо от 9-10 октября 1824 г.), что «затеял» по Байроне «целую панихиду» (конечно, стихотворную), но набросаны были только две строфы о нем, вошедшие в окончательную редакцию стихотворения. Пушкин вычеркнул из своего черновика большую часть строф о Наполеоне, к тому же частью вряд ли цензурных. Получилось стройное «отступление» о Наполеоне и Байроне из пяти строф (теперь строки 31-55). Именно эту «вторую редакцию» Пушкин переслал Вяземскому в письме от 9-10 октября 1824 г.

Эта редакция появилась в «Мнемозине» с пропуском второй половины строки (51) и строк (52-55). «Мнемозина» получила список («подлинник») от Вяземского. Именно поэтому кн. Вяземской и сделан уже упоминавшийся список стихотворения. Стихотворение уже в октябре было представлено цензору И. Снегиреву. IV выпуск «Мнемозины» вышел в начале 1825 г. Конечно, от Вяземского получил список стихотворения Н. Полевой, напечатавший в своей заметке о Вальтере Скотте в 1 номере «Московского Телеграфа» за 1825 г., еще до выхода «Мнемозины», строки (45-50) и половину строки (51).

Подготавливая издание своих стихотворений в 1825 году Пушкин изменил заглавие «Морю» на «К морю» и сделал поправки. В издании 1826 г. целиком напечатаны строки (51-52), но изменены по сравнению с нашей рукописью и копией кн. Вяземской:

Миръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня бѣ ты вынесъ, океанъ?

Строки (53-55), вероятно, тогда же приняли их окончательный вид:

Судьба земли повсюду та же
Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ
Иль просвѣщенъ иль тиранъ.

Строка (45) напечатана:

Шуми, взволнуйся непогодой:

В строке (19) поставлено «безпечно», в строке (32) — «путь

отважный». В издании 1829 г. вторая половина строки (51) и строка (52) снова опущены и в строке (32) читаем «путь беспечный».

Работая над подготовкой издания 1826 г. Пушкин в мае 1825 г. извлек из своих старых рукописей стихотворения «Морю» 16 строк о Наполеоне и вставил их в стихотворение «Наполеон», написанное в 1821 г. и еще не печатавшееся. Там они и остались до наших дней⁷.

П р и м е ч а н и я:

¹ См. Академическое издание II, 2, стр. 1140-1142, где указана литература, а также варианты на стр. 848-859. Существенные дополнения даны *Н. Измайловым* «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». VI 1941, стр. 21-29.

² Неправ *Измайлов* *op. cit.* стр. 25, полагая, что Пушкин только после 29 июля мог написать заключительную строфу стихотворения («В леса, в пустыни молчаливы» и т. д.). Для этого у него уже не оставалось времени, так как на следующий день после объявления приказа о высылке он уже выехал на север.

³ См. текст рукописи (в реконструированном виде) в статье *Измайлова*, цит. в примечании 1.

⁴ 9-10 октября рукопись «Морю» уже была отослана Вяземскому,

⁵ Этим строфам посвящена цит. работа *Измайлова*.

⁶ См. ниже главу 5.

⁷ См. ниже главу 6.

3.

Место стихотворения в творчестве Пушкина определяется отчасти его тематикой, но в гораздо большей степени лексикой и стилистикой. Тематика стихотворения во всяком случае примечательна: три основных его темы — море, Наполеон, Байрон принадлежат к характерным для романтики. Пушкин принадлежит к первым, кто эти темы ввел в русскую поэзию или поставил их по-новому. Во всяком случае пушкинское стихотворение в значительной степени определило собою разработку этих тем в русской поэзии первой половины 19 века.

Нашему стихотворению посвящено немало комментариев. Поэтому нам достаточно отметить только некоторые его черты. Прежде всего это — *стройность композиции*. Та кажущаяся совершенно безыскусственной легкость, с которой те-

кут мысли автора, и та естественность, с которой одна тема сменяется другой, не ех абсурдо, а через незаметные переходы и модуляции, представляются нам особенно удивительными, если мы ознакомимся с той упорной и длительной работой, которую Пушкин проделал над набросками стихотворения¹. Романтическая поэтика требовала от поэзии впечатления легкости, и «Морю», конечно, производит (как видим, совершенно иллюзорное) впечатление произведения, вылившегося из души поэта без труда, как плод свободного и легкого вдохновения.

Рамка стихотворения — прощание с морем. Море охарактеризовано словами, которые становятся после Пушкина обычными в романтической поэзии. От картины спокойного моря (строки 1-4) Пушкин переходит к образу бурного моря (16). И затем на судьбе «беспечных» (вар. «скромных») рыбацких челноков снова повторяет это противопоставление (17-21). Следует (намеченное уже в строке 12) размышление поэта о своих планах «побега» в Константинополь и причинах, удержавших его «у берегов» (22-30). Это типичное для романтической поэзии введение личных мотивов, понятных только немногим, в данном случае некоторым одесским друзьям и Вяземским; вспомним о рассеянных в строфах «Евгения Онегина» намеках на лица и события, понятные только узкому кругу читателей — друзей и врагов². Что Пушкин не осуществил своего плана «поэтического побега» по причинам романтическим («могучей страстью очарован»), возможно, только «поэтическая правда», т. е. вымысел... Во всяком случае, эти строки перекликаются со строфой 50 тогда уже напечатанной I-ой песни «Евгения Онегина»:

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора, — зываю к ней;
брожу над морем, жду погоды,
слежу ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами спора,
по вольному распутью моря
когда ж начну я вольный бег?
Когда ж покину скучный брег
мне неприязненной стихии...?

От личного мотива — непосредственный искусный возврат к очень общей теме (31-55): Пушкин набрасывает образы великих людей — героя и поэта, Наполеона и Байрона — утверждая через их сопоставление родство между ними, и вообще духовную близость героя и поэта (см. ниже). Набрасы-

вает в нескольких строках, связывая духовные облики обих с образом стихии — моря. И это отступление от основной темы обрамлено созвучными друг другу строками (31-34 и 51-55), представляющими тонкий переход от личных мотивов к философски-поэтическим общим темам и затем возвращающим стихотворение к теме моря (51-55), которой и посвящены заключительные строфы (56-63); в них снова звучит личный мотив: предстоящее поэту вынужденное удаление от «берегов» (60).

Сплетение образов природы и духа, размышлений о личной судьбе поэта и исторических судьбах человечества приближает стихотворение к философской поэзии романтики и к той романтической философии, которая Пушкину вряд ли была тогда ближе знакома и равный по тонкости и силе пушкинскому язык для которой нашел в русской поэзии только Тютчев³.

Впечатлению легкости несомненно содействует и смена 4-х и 5-ти-строчных строф и многочисленные, частью смелые переносы предложений из строфы в строфу, очень заметные в Гарвардской рукописи (и в других опубликованных набросках), но затертые интерпункцией печатных изданий.

Лексическое богатство стихотворения, как показывают рукописи, далось Пушкину не легко. В печатном тексте и в том тексте, какой дает нам Гарвардская рукопись, следует отметить те группы слов романтического словаря, которые остались типичными для русской романтической поэзии до 40-х годов 19-го века, и еще позже использованы эпигонами романтики, в первую очередь А. Толстым и Фетом⁴. В отличие от своей позднейшей поэтической техники, в частности от строф «Евгения Онегина», где такие группы («семантические поля») представлены многочисленными, «скупченными», сгруппированными в немногих строках словами⁵, в нашем стихотворении Пушкин ограничивается немногими представителями каждой группы. «Байронические» группы «свобода» и «сила» представлены словами: свобода, своенравные, прихоть, отважный, Свободой, неукротим (и антоним — тиран), с одной, порывы, неодолимый, бури шум, могущ, с другой стороны. Между этими группами есть, конечно, переходы: некоторые из приведенных слов могут быть отнесены и к одной и к другой группе. Только немногими, но характерными словами представлена группа «глубина»: бездна (слово, играющее в русской романтике огромную роль), глубок. Характерны эмоциональные слова, частью еще примыкающие к «элегической

лексике» раннего Пушкина, и употребленные тут для характеристики и моря и души поэта: заунывный, грустный, тихий, туманный, мрачен. «Психологизирующие» материальный мир (здесь — море) эпитеты встречаем в словах этого ряда, но и других рядов: морю приписывается грусть, своиравные порывы и т. д. (ср. Байрон любимый сын моря), — гордая и торжественная краса, и особенно — язык: поэт ведет беседу с морем, морю приписаны «бездны глас» и «говор». И примечательно, что слово Дух применено в первую очередь к морю! Типичные Пушкинские слова русской романтики: заветный, ропот, хладный. Положительную (хотя и роковую для «заветного умысла» поэта) окраску играет слово «страсть»⁶. Еще существеннее резко отрицательное отношение к «просвещению»⁷.

Использованные Пушкиным в стихотворении лексические группы придают всем образам стихотворения яркую *динамичность*. Здесь не только проявляется характерное для Пушкина стремление к изображению движения, — этой черты его поэзии не следует преувеличивать⁸ — но и характер самого изображенного предмета: спокойное или бурное, но море всегда «живое». Впрочем в стихотворении упоминается «неподвижный берег», а «угасание» Наполеона, смерть Байрона и предстоящая самому автору ссылка антитетически подчеркивают динамику основного образа — моря.

Всё стихотворение построено на широком *параллелизме* между духом моря и духом героев. Но через него проходит ряд *антитез*: морю противопоставлен берег: скучный, неподвижный, пустыни молчаливы, мир опустел (мир — именно тот «берег», куда океан мог бы «вынести» поэта), — этот «мир» характеризуется в следующих строках, как находящийся во власти просвещения или тиранов. На скале — т. е. опять таки «на берегу» — Наполеон «погружается в хладный сон», «угасает» «среди мучений»... Герою и поэту противопоставлен «смиранный (вар.: беспечный) парус рыбаей» Два раза повторена антитеза спокойного и бурного моря. И заканчивает стихотворение антитеза «молчаливых пустынь» и (предносящегося поэту в воспоминании) моря, и здесь еще характеризуемого антитезой: в первоначальном тексте «блеск» — «шум», исправлено на смелое «блеск — тень»...

К характерным чертам стиля стихотворения принадлежит и его *эвфония*: и этой черты поэтического языка Пушкина не следует преувеличивать⁹. Но здесь ряд мест носит слишком определенные черты «эвфонической игры». Первые три стро-

фы и заключение построены на явно-выраженной смене «р» и «л», в других местах частое повторение отдельных звуков, в частности глухо-звучащих «у» и «ы» (вторая, четвертая и восьмая строфы). Есть отдельные места с накоплением сходно-звучащих слов («з» в строках 13-14 и 46-47) и т. п. Особое место занимает стихотворение и в развитии Пушкинского 4-хстопного ямба, о чем здесь не будем говорить.

Стихотворение в целом несомненно поэтический *ответ* Пушкина самому себе: те же антитезы — море и «берег», штиль и буря уже использованы поэтом в стихотворении «Земля и море» (1821 г.), кончающемся противопоставлением мореплавателя — «игралища слепой пучины» и самого поэта «внимающего» «в надежной тишине» «шум ручья долины»:

Я удаляюсь от морей

В гостеприимные дубравы...

Это один из примеров той романтической «амбивалентности» высказываний в поэзии, с которой у Пушкина встречаемся не раз¹⁰.

Мы конечно, не исчерпали всего композиционного, стилистического и лексического богатства замечательного стихотворения. Но нам еще надо бросить взгляд на развитие его основных тем в поэзии Пушкина и его современников¹¹.

П р и м е ч а н и я:

¹ Доказательством служит хотя бы огромный (и неполный!) список рукописных вариантов стихотворения: в Академическом издании он занимает 11 страниц!

² Ср. *мой* комментарий к «Евгению Онегину». Cambridge, Mass. 1953.

³ Я не побоялся бы говорить о «бессознательном шеллингианстве» Пушкина. Материал дает интересная статья Г. Глебова «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». II 1936.

⁴ О словаре романтики см. *мой* статьи «On Romanticism in Slavic Literatures» (выходит в издательстве Мутон и Ко.) и «Einige Aufgaben der slavischen Romantikforschung» в журнале «Die Welt der Slaven» 1955, 1.

⁵ Примеры в *моем* цит. комментарии к «Евгению Онегину», введение.

⁶ Ср. *мой* цит. в примечании 4 статьи.

⁷ Это отрицательное отношение к «просвещению» связано не только с романтикой, но и с «руссоизмом» (ср. «Цыган»).

⁸ См. П. Бицилли: Этюды о русской поэзии. Прага. 1926.

⁹ В. Брюсов: *Мой Пушкин*, 1923, несомненно преувеличивает эту черту поэтического языка Пушкина.

¹⁰ Примеры амбивалентных высказываний Пушкина можем найти на протяжении всей его жизни: «свободолюбивым» стихотворениям раннего периода противостоит «Свободы сеятель пустынный» (1823), вступление к «Медному Всаднику» является как будто ответом на стихотворение Пушкина: «Город пышный, город бедный» (1828). Я не говорю о противоречивых высказываниях об одних и тех же лицах и событиях: в таких противоречиях можно видеть изменения взглядов поэта (отзывы о греческой борьбе за свободу, о Байроне и ряде знакомых). Ср. еще главу 4.

¹¹ В настоящее время в интерпретации «К морю» преобладает оценка политических мотивов, как будто всё стихотворение состоит из одной строчки «иль просвещение иль тиран», при чем и первая половина строчки игнорируется! Кстати связь «просвещения» с «тиранией» особо рассмотрена в «Феноменологии Духа» Гегеля, которая в России тогда вряд ли была кому-либо известна; кроме того у Пушкина мы имеем скорее противопоставление обоих понятий, что, впрочем, не вполне ясно. — Из старых комментариев следует отметить статью Н. Лернера в издании Сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгеровой (издательство Брокгауз-Ефрон), том III СПб. 1909, стр. 513-515.

4.

Один из основных образов бытия в поэзии русской романтики — образ стихии, в частности водной стихии. Красочные и живописные образы моря и водопада встречались еще в поэзии бароко и классицизма. Характерные картины водопада у Державина («Водопад») и Капниста («На смерть Державина»): жемчуг, серебро, яхонты и сапфиры — чисто декоративная оптическая характеристика стихии, к которой присоединяется еще акустическая: «рев» и «гром». Бурное море у Ломоносова (в незаконченной «Петриаде») также изображено только живописно. Символическое значение водной стихии остается в бароко и классицизме одним и тем же: это символ тленности, преходящего и «быстро-» или «мимо-текущего» времени. Приписываемое Гераклиту «всё течет» стоит за этой символикой. Но и символика в произведениях классицистов необязательна: в картине водопада она есть у близкого к бароко Державина, отсутствует у Капниста и Карамзина.

Совсем иное встречаем в романтике, необыкновенно

продуктивной в создании и использовании новых поэтических образов или переосмыслении старых¹. Водная стихия «сродни» душе человека, в особенности душе поэта. Динамичность, изменчивость, широчайший диапазон проявлений — именно те черты, которые романтики ценили в жизни человеческого духа — ими в высшей степени обладает именно вода². И с этой «живой» стихией романтик вступает в беседу: «прислушивается» к ее голосу (Боратынский «с безумным ожиданьем» — «Водопад» 1821 г.) и даже понимает ее речь:

И мнится, сердцем разумею
речь безлагольную твою.

(там же). Исчезает оптический красочный образ, особенно естественный в применении к водопаду. Марлинский пишет в 1828 г. обращенное к бурному сибирскому потоку Шибую стихотворение. В нем встречаем и отзвук державинского «Водопада»:

и над тобой, краса природы:
полувоздушный перлов мост
сгибает радужные своды,
блестя, как райской птицы хвост...

Эту «живописную» строфу поэт из окончательной редакции вычеркнул! И в поэзии русской романтики постоянною темой становится символика водной стихии. Три темы повторяются в бесчисленных стихотворениях: 1. *море*, 2. *«пловец»*, 3. *водопад или горный поток*. Примечательно: Россия менее всего страна мореплавателей, которых в ней очень мало. Но «морские» стихотворения пишут и поэты, никакого отношения к морю не имевшие. А водопадов в России вообще почти нет: Державину посчастливилось увидеть Кивач; Капнист изображает стилем державинского «Водопада»... водяную мельницу в своей Обуховке! Карамзин описывает швейцарские водопады. Между тем водопад — одна из любимых тем русской романтической поэзии³. Почти всегда символический образ «пловца», конечно, почти всегда погибающего или готового погибнуть, старше романтики и восходит еще к поэзии бароко⁴.

Стихотворения с тематикой моря, пловца, водопада появляются на Руси почти ежегодно в 20-х и 30-х годах 19 века.

1. *Тема моря* дана Байроном. Уже в переводе отрывка из «Чайльд-Гарольда» Батюшковым «Есть наслаждение и в дикости лесов» (1819-20) встречаем строку:

шуми же ты, шуми, огромный океан...

«Шуми, шуми, о водопад!» из «Водопада» Державина (строфа 70) затем повторяется в стихотворениях русской романтики неоднократно. «Погасло дневное светило» Пушкина дает тему моря только в повторяющемся

шуми, шуми, послушное ветрило,
волнуясь подо мной, угрюмый океан!

В следующем году Пушкин пишет «Земля и море», в котором характерно «отталкивание» поэта от опасного бурного моря. Небольшое стихотворение «Кто, волны, вас остановил» (1823) — призывание «грозы — символа свободы»; за ним сейчас же следует также небольшое стихотворение «Завидую тебе, питомец моря смелый», в 1824 году, еще в Одессе, возникает набросок «Кораблю». «Морю», таким образом, не первое «морское» стихотворение Пушкина, но первое — с развернутой тематикой и характерной лексикой. В нем несомненно отражения поэзии Байрона, в частности «Чайльд-Гарольда»⁴. «Морю» оказало сильное влияние на «морскую поэзию» русской романтики. Ему предшествуют, правда, три стихотворения сходного характера: «Море. Элегия» Жуковского (1822), «Буря» Борагынского и «Море» П. Плетнева (оба 1824 г.). Но во всей позднейшей русской романтической «морской лирике» заметны только отзвуки «Морю» Пушкина. Из позднейших «морских мотивов» произведений Пушкина некоторое влияние оказал образ моря, как хищного зверя («Медный Всадник»). Только «Элегия» Жуковского еще находит отражение в «морской лирике» русских поэтов, а у некоторых поэтов присоединяется еще непосредственное влияние Байрона. «Морские стихотворения» следуют друг за другом непрерывной цепью: начинается эта цепь, однако, не сразу после появления «Морю». Отметим наиболее интересные стихотворения:

- 1828: Языков: Пловец (Нелюдимо наше море). — Вяземский: Море. — Козлов: К морю (посвящено Пушкину); Буря. — Лермонтов: Корсар (издано позже).
- 1829: Марлинский: Осень. — Шевырев: Петроград (стихотворение, повлиявшее на «Медного Всадника» Пушкина).
- 1830-31: Полежаев: Море. — Лермонтов: Волны и люди. — Тютчев: Конь морской.
- 1832: Лермонтов: Моряк. — Подолинский: Сонет (Свинцовым туманом натиснуто море).
- 1833: Козлов: Ночь. — Вяземский: Поучение в Ревель. —

- Лермонтов: Гроза; Ревет гроза; один из набросков Демона.
- 1834: Вяземский: Балтийское видение.
- 1836: Тютчев: Сон на море. — В. Тепляков: Фракийские элегии (Вступление, Томис и др. отрывки).
- 1838: С. Стромиллов: Море.
- 1839: Бенедиктов: Море. — Языков: Морская тоня; Маяк; Буря; Корабль.
- 1840: Некрасов: Непонятная песня.
- 1841: Языков: Песня Балтийским волнам.
- 1842: Языков: Море.
- 1844: Боратынский: Пироскаф.
- В 40-х гг. кончается Пушкинская традиция⁷. Но и влияние «Элегии» Жуковского прекратилось не раньше «Непонятной песни» Некрасова. Морю позже посвящаются рефлексивные стихотворения, в которых исчезает пушкинская символика. Впрочем, Тютчев еще в 1871 г. пишет политическое стихотворение «Черное море»: в рассуждения об успехе русской дипломатии, добившейся отмены 14 пункта Парижского трактата 1856 г. (запрещение России иметь на Черном море военный флот), вплетает почти целиком первую строфу «Морю».
2. *Тема «пловца»* развита в «К морю» в строках 17-30 в двух различных аспектах. Она, как упомянуто, не нова. Конечно, у Пушкина были более старые образцы, в частности во французской поэзии. У современников Пушкина теме «пловца», очень часто в чисто символическом значении, встречаем нередко: Жуковский пишет «Пловца» в 1811 г. Батюшков «Два челнока» в 1815 и переводит эпиграмму из греческой антологии в 1816-17. За ними следуют Вяземский в 1821 г. («Утро на Волге»), Козлов в 1822 и 1823 гг. («К другу Жуковскому» и «Пловец»), Кюхельбекер («Пловец») в 1823 г.; в 1824 Веневитинов («Послание к Рожалину») и В. Туманский («Элегия»), также «Сонет» (Я плыл...) Дельвига (около 1822). Тема пловца, находящегося во власти «неодолимого» моря повторяется в нескольких из этих стихотворений. А за стихотворением Пушкина следует целый ряд, впрочем не всегда зависимых от него. В частности, автобиографические строки 22-30, конечно, не находят подражателей... Отметим снова только наиболее существенное:
- 1825: Туманский: Сетование (символический «пловец»).
- 1827: Козлов: Новые стансы.
- 1828: Полежаев: Песнь погибающего пловца. — Козлов: Буря. — Языков: Пловец (Нелюдимо наше море).

- 1829: Вяземский: Волнение (в конце).
 1830: Лермонтов: Гроза шумит.
 1831: Языков: Пловец (Войт волны...). — Лермонтов: Романс.
 1832: Лермонтов: Желание (вторая строфа); Парус.
 1833: Козлов: Два челнока.
 1834: Денис Давыдов: И моя звездочка.
 1835: Тимофеев: Разлука.
 1836: Козлов: Разлука.
 1838: Огарев: Христианин.
 1839: Языков; Пловец (Еще разыгрывались воды).

Символический характер многих стихотворений слишком явственен и уже поэтому мало напоминает прикрытую символику пушкинских строк. А автобиографический характер некоторых стихотворений (Полежаев, Давыдов) отводит авторов от воспоминаний о пушкинском стихотворении.

3. Неожиданно близки «К морю» некоторые из стихотворений *о водопадах и горных потоках*. О водопадах упоминает Батюшков («Переход через Рейн» 1814). Но создателем романтической русской «поэзии водопадов» надо считать Боратынского с его «Водопадом» 1821 г. Следы влияния этого стихотворения в «Морю» Пушкина несомненны. Боратынский повторяет державинское «шуми, шуми», и дает впервые «неживописную», неоптическую картину водопада. Для романтического восприятия стихии особенно характерна беседа с нею, прислушивание к ее голосу, предчувствие какого-то ответа, хотя бы и «безглагольного», характеристика водопада, как «бездны», применение к нему эпитета «мятежный», как и вся лексика⁹ и т. д. Стихотворение заканчивает строфа:

Как очарованный стою
 над дымной бездною твоею
 и, мнится, сердцем разумею
 речь безглагольную твою.

За Боратынским следуют другие поэты: Марлинский в стихотворных строках статьи «Поездка в Ревель» (1821), юный Шевырев («Сила песнопения» 1824). Кюхельбекер в оде «Смерть Байрона» (1824) сравнивает поэзию Байрона с водопадом. Море Пушкина повторяет некоторые из образов и слов стихотворения Боратынского: что Пушкин *обращается* к морю, как к живому существу, возможно, основано на более старой традиции (такие обращения есть и в других «морских» стихотворениях Пушкина 1820–24 гг.), но это не только обращение к морю, а *беседа, разговор* с ним; Пушкин слышит речь моря, голос «бездны», его «зов» и «ропот», «шум», характеризованный

«психологическими» эпитетами, морю приписывается «своеобразие», «прихоть» (ср. выше); строки

Моей души предел желанный! и т. д.

созвучны с переживанием Боратынского, стоящего над «бездной» водопада, «как очарованный». Природа сливается с душою и является в такой же степени «живою», как и поэт. Еще более созвучны «Водопад» Боратынского и «К морю» Пушкина их общим настроением: пейзаж дан в обоих, как «психологический пейзаж», с минимальным употреблением рисунка и красок, с преобладанием акустических элементов и слов, изображающих не ясные эмоции, а неопределенные настроения. Психологическая картина природы создается не рисунком (стоит сравнить прежние «морские стихотворения» Пушкина и его же «Нереиду» 1820 г.), а лексикой, подготовляющей путем накопления «дифференциалов настроения» общее впечатление. У Пушкина психологический характер морского пейзажа еще подчеркнут во второй редакции вплетенными в контекст образами Наполеона и Байрона, обрисованными при помощи таких же лексических «дифференциалов настроения». Оба стихотворения именно этими чертами повлияли на всю позднейшую русскую романтическую поэзию водной стихии. За стихотворением Пушкина следовал ряд стихотворений с темой «водопада» или «бурного потока»:

1826: Вяземский: Водопад (вызвавший интересный обмен мнениями с Пушкиным).

1827: Языков: Ручей. — Ф. Глинка: Карелия (отрывок о Киваче).

1828: Марлинский: Шebutуй.

1829: Марлинский: Финляндия; Сон.

1830: Языков: Водопад.

1832: Полежаев: Водопад.

1838: П. Ершов: Сон (водопад во сне).

1840: В. Раевский: Дума.

Кроме того упоминания водопадов и бурных горных потоков встречаем в стихотворениях самого Пушкина («Кавказ» и «Терек», оба 1829 г.), где находим уже и образ водной стихии, как дикого зверя. Нередки упоминания и бегло намеченные картины водопадов в неупомянутых выше стихотворениях Козлова, а также у Кюхельбекера, Лермонтова и В. Телякова. Только у последнего мы встречаем оптическую картину водопада («Кавказ» 1832).

«К морю» оказалось образцом для поэтов ближайших десятилетий во многих отношениях. Несомненно влияние его

эвфонического рисунка на эвфонию многих позднейших стихотворений на «морские» и сродные темы (напр. «Русалка» и «Тамара» Лермонтова, где тою же игрой звуками «р» и «л» передан шум реки¹⁰). «Морю» несомненно оказало влияние еще на символистов: и своими образами, и лексикой и эвфонией; в частности такое влияние несомненно у Бальмонта и Брюсова.

После «Морю» Пушкин, как уже упомянуто, не раз возвращается к теме моря. Но особо примечательно, что и теперь у него встречаются стихотворения, рисующие море отрицательными чертами! Пушкина увлекала возможность противоположных высказываний на ту же тему. В 1821 г. написано было «Земля и море» (см. выше). В 1826 г. распространяется, оказавшийся неверным, слух, что замешанный в дело декабристов Н. И. Тургенев «привезен на корабле в Петербург» (письмо Вяземскому от 14 августа): «Вот каково море наше хваленое!» пишет Пушкин и посылает Вяземскому (в том же письме) восьмистишие, кончающиеся строками:

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Конечно, эти строки о море — «древнем душегубце» (там же) написаны «на случай», но все же характерны для «амбивалентности» поэтических высказываний Пушкина.

П р и м е ч а н и я:

¹ См. об этом мою статью *Einige Aufgaben der slavischen Romanikforschung* в журнале *Die Welt der Slaven*. I 1955, 1.

² Здесь я не могу заниматься рассмотрением вопроса о символике стихий, как он поставлен еще романтической натурфилософией и отчасти современными нам представителями психоанализа.

³ См. об этом мою работу *On Romanticism in Slavic Literatures* (см. примечание 4 к главе 3).

⁴ См. в *моей* книге «Філософія Г. С. Сковороди» Варшава. 1934, стр. 196, 201-202.

⁵ Уже у Батюшкова «Пленный» (1814): шумы, шумы волнами, Рона! Позже это словосочетание, вероятно припомнилось поэтам, как пушкинское (из «Погасло дневное светило»). Море также в начале «Тени друга» Батюшкова (1816).

⁶ Но я совершенно не могу согласиться с тем, что на стихотворении Пушкина заметно влияние стихотворения Ламартина «Adieux

à la mer» (1820-22 г.). Ср. *Н. Лернер* в издании Сочинений Пушкина под ред. *С. Венгерова* III СПб 1909, стр. 516. Стихотворение Ламартина только повторяет и разводит поэтической «водой» Байрона.

⁷ Я опускаю здесь стихотворения, в которых образ моря использован исключительно символически, напр. «океан света» в «Элегии» Туманского (1824), «океан красоты» у Веневитинова («Смерть Байрона» 1825), «Море сна» Кюхельбекера (1832) и т. п.

⁸ Те «подражания» «Пловцу» Жуковского, о котором упоминает *Ц. Вольпе* (Стихотворения Жуковского, Большая Библиотека Поэта. 1939, I, стр. 373), вероятно, в действительности просто примыкают к более старой традиции.

⁹ См. мои цит. в примечаниях 1 и 3 статьи.

¹⁰ *Н. Лернер* цит. сочинение, стр. 517.

5.

Байрон, как известно, сыграл в развитии поэтического стиля Пушкина немалую роль. С 1818 г. Байрон начинает все чаще и чаще упоминаться в русской журнальной прессе¹, первый заговорил о нем, странным образом, журнал «литературного старовера» Каченовского «Вестник Европы». Умножаются и переводы, впрочем по большей части слабые². Внимания заслуживает перепев двух строф «Чайльд-Гарольда» (IV, 178-179) Батюшковым (1819-20): «Есть наслаждение и в дикости лесов». Но «открытие» Байрона все же — дело романтиков. В 1819 г. поэзией Байрона заинтересовался кн. П. А. Вяземский. Он «изучает» Байрона и рассказывая о своих занятиях в письме А. И. Тургеневу, запрашивает его, читает ли Пушкин по английски, очевидно желая и его убедить заняться Байроном³. Пушкин английского языка тогда не знал. О его знакомстве с русскими ранними и французскими переводами у нас нет сведений. Но в начале своей южной ссылки, странствуя по северному Кавказу и Крыму с семьей Раевских, Пушкин читает Байрона вместе с знающим английский язык Н. Н. Раевским-сыном, читает между прочим «Корсара». Е. Н. Раевская в это время переводила Байрона на французский язык⁴. И в первом же, привлечшем всеобщее внимание южном стихотворении Пушкина «Погасло дневное светило» (1820) слышны отзвуки «Чайльд-Гарольда». Вяземский с удовлетворением это отмечает в письме А. И. Тургеневу⁵. В письмах с юга Пушкин упоминает Байрона не раз.

Он интересуется переводом «Шильонского узника» Жуковским и в сентябре 1822 г. с восторгом отзывается о нем в письме Гнедичу⁶. Еще раньше он советует Дельвигу писать поэму в духе Байрона⁷. В 1821 г. набросан отрывок «Из Байрона» (всего 3 строки из «Гяура»): «Нет ветра...»; в следующем году написано стихотворение «Гречанке» (К. Полихрони, будто бы бывшей возлюбленной Байрона); но, конечно, больше всего отзвуков Байрона в «южных поэмах» Пушкина. Очень скоро современники начинают связывать имя Пушкина, как поэта и человека, с Байроном. Это делает А. И. Тургенев в письмах Вяземскому и И. И. Дмитриеву в 1821 г.⁸. О поэмах Пушкина в стиле Байрона пишет Е. Н. Орлова-Раевская в 1822 г. родным⁹. О байронизме Пушкина начинают упоминать рецензенты его произведений. В 1822 Пушкина сравнивают с Байроном его друзья: Вяземский («Сын Отечества» номер 49) и П. Плетнев («Соревнователь Просвещения» номер 20) в своих статьях о «Кавказском Пленнике». За ними следуют другие критики: в 1822 г. О. Сомов («Соревнователь Просвещения», 23), в 1823 г. Булгарин («Северный Архив», 5), в 1824 г. В. Н. Олин («Литературные листки», 7), в 1825 — Н. Полевой («Московский Телеграф» 1) и Д. Веневитинов («Сын Отечества» 8, статья о «Евгении Онегине»). Так создается *communis opinio*. Что Пушкин «байронист» известно всем. Даже в решившем дальнейшую судьбу поэта письме гр. Воронцова к Нессельроде от 24 марта 1824 г., в полуофициальной отрицательной характеристике Пушкина, Воронцов считает нужным упомянуть, что Пушкин, как поэт, «слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон)»¹⁰. В апреле 1824 г. А. Ф. Воейков в письме Н. М. Языкову пишет о Пушкине просто «наш Бейрон»¹¹, а через несколько дней Н. М. Языков пишет брату по слухам, что Пушкин написал поэму («Евгений Онегин») «вроде Шильдгарольда и Дон Жуана»¹².

Пушкин, по всей вероятности, из французских газет конца мая 1824 г. и перепечаток этого известия в русских (кажется, первое известие появилось в «Русском Инвалиде» от 23 мая, номер этот, впрочем пришел в Одессу не раньше 5-го июня) узнает о смерти Байрона. Он записывает это известие только после приезда княгини В. Вяземской 7-го июня¹³. Возможно, что Вяземский уже тогда через жену начал прямое наступление на поэта, требуя от него стихотворения «на смерть Байрона». Уже 25 мая он писал А. И. Тургеневу, что Байрона должны «воспеть» Жуковский и Пушкин. Жене

в Одессу Вяземский напоминает об этом плане несколько раз: «заставь его (Пушкина) написать на смерть Байрона». И в шутку он даже грозит, что, если Пушкин этого не сделает, он не вышлет ему «денег» (какого-то гонорара)¹⁴. Пушкин, правда пишет 24–25 июня Вяземскому, что «рад» смерти Байрона, «как высокому предмету для поэзии». Но здесь же некоторые оговорки, в частности о том, что о участии Байрона в борьбе греков за свободу он писать не может: его разочаровывает знакомство с современными греками; и «гений Байрона бледнел с его молодостью», «первые звуки (его поэзии, Д.Ч.) к нему уже не возвратились». Впрочем, Пушкин обещает «вирши на смерть его превосходительства». Это первые скептические высказывания Пушкина о поэзии Байрона, по крайней мере о его поздних произведениях. Но не написал Пушкин о Байроне тогда по другим причинам. Вяземская пишет мужу, что Пушкин слишком «занят и увлечен» Онегиным¹⁵. В действительности Пушкин был «занят» совсем другим: в это время разворачивается его конфликт с Воронцовым, закончившийся 29-го июля высылкой Пушкина в Михайловское. В этом конфликте вероятно, сыграл роль и роман Пушкина с Воронцовой, на что намекает мужу Вяземская: она сравнивает «ребячества» Пушкина с проказами пажа Керубино (из «Женитьбы Фигаро»). Вяземский в начале сентября горько упрекает Жуковского, что ни он ни Пушкин не написали ничего о Байроне, только Кюхельбекер «провыл на его могиле»¹⁶.

Пушкин, впрочем, утешил Вяземского очень скоро: уже 9–10 октября он посылает Вяземскому «маленькое поминаньице за упокой души раба Божия Байрона», — это вторая редакция «К морю». Вяземского это стихотворение привело в совершенно оправданный восторг: «прелестное стихотворение» пишет он Тургеневу, а Пушкину 9 ноября сообщает: «Твое море прелестно! я затвердил его наизусть, а это по мне великая примета»¹⁷. Между тем в печати начинают появляться отклики на смерть Байрона; нас интересуют поэтические отклики. Ода Кюхельбекера, которую Вяземский (вероятно, не вполне серьезно, назвал «воем», — он Кюхельбекера в общем ценил) появилась в «Мнемозине», этом замечательном журнале-альманахе русских романтиков, который автор оды издавал вместе с кн. Вл. Одоевским (III выпуск, не позже конца октября 1824 г.). В 10 номере (декабрь) 1824 г. «Новостей Литературы» напечатано стихотворение И. И. Козлова «Байрон», а в IV выпуске «Мнемозины» (вышел не позже

января 1825 г.; часть материала выпуска, в том числе «К морю», была подана цензору И. М. Снегиреву в октябре) появилось и «прелестное стихотворение» Пушкина с примечанием к 42 стиху для тех, кто сам не догадался бы, кто именно «другой властитель наших дум» — «Байрон». В начале 1825 г. ода Кюхельбекера вышла отдельным изданием с приложением портрета Байрона. Между тем Пушкин в свою очередь напоминает Вяземскому его обещание написать статью («прозу») о Байроне (письмо Пушкина от 29 ноября 1824 г.)¹⁸. Вяземский, однако, только в 1826 г. напечатал в «Московском Телеграфе» (номер 13) интересный стихотворный «отрывок» «Байрон». В 1828 г. в альманахе «Альбом Северных Муз» А. Ивановского было напечатано написанное еще в 1825 г. стихотворение Рылеева «На смерть Байрона» (конечно, анонимно), а в 1829 в I-м томе посмертного «Собрания сочинений» Д. Веневитинова его «Четыре отрывка из неоконченного пролога» «Смерть Байрона». Кроме того, вышло еще несколько по большей части очень слабых стихотворений второстепенных поэтов¹⁹.

Характерно, что Козлов свое стихотворение посвятил Пушкину, а Кюхельбекер в своей оде в двух строфах упоминает о Пушкине:

Певец, любимец россиян,
в стране Назонова изгнания...

и даже представляет его себе на берегу моря («К морю» Пушкина в это время еще не было написано, во всяком случае не было еще второй редакции, в которую включены были строфы о Байроне). Ода Кюхельбекера начиналась словами, приводившими читателю на память Пушкинское «Погасло дневное светило»:

За небосклон скатило шар
златое, дневное светило...

Ведь Пушкин представлялся современникам в каком-то смысле созвучным Байрону гением²⁰.

Интересно, что и другие поэты в своих, посвященных смерти Байрона стихотворениях, пользуются тем образом, который у Пушкина оказался основным: поэзия Байрона и сам поэт сравниваются с водною стихией: у Кюхельбекера тень Байрона — «призрак исполина» шагает над «равниной вод». Он пронесится в сопровождении героев своих произведений, как «водопад между скалами», который

ревет, пугает взор и слух,

ярсь, стремится в край надзвездный —
вдруг исчезает в мраке бездны.

У Козлова Байрон влечет «в даль» «тайный призрак»
и волны под ним зашумели.

И личная судьба Байрона, которой главным образом и посвящено стихотворение Козлова, — водопад:

Так светлые воды, красуясь текут
и ясность небес отражают;
но, встретя камня, мутятся, ревут,
и шумно свой ток разделяют.

Вяземский, начиная свой «отрывок» с рассуждения о сущности поэзии, рисует образ поэта вообще; это

беглец, объятый дикой думой,
любил паденье вод внимать с скалы угрюмой...

в его душе

водопад ревет, ласкается ручей...

Наконец, и отрывки Веневитинова рисуют картину бурного моря:

взвились молнии роковые,
и вмиг зажглись валы морские...

(это, впрочем, метафорическое описание морского сражения);
или —

валы Архипелага
кипят...

Но наиболее яркий образ поэта-моря дал Пушкин в 10 строках:

Он был, о море, твой певец.
.....
Твой образ был на нем означен,
он духом создан был твоим:
Как ты глубок, могущ и мрачен,
как ты, ничем неукротим.

Пушкин соединил в немногих строках типично романтическую лексику с типично-романтическими образами. Поэт создан «духом» стихии, запечатлен ее «образом», родственен и даже равен ей. А контекст стихотворения расширяет тематику краткого упоминания о Байроне: поэт поставлен рядом с Наполеоном, что сразу выдвигает новую тему «поэт-герой». О том же гораздо многословнее говорят и стихотворения Рылеева, Кюхельбекера, Вяземского и Веневитинова, отчасти Козлова. Но все они ставят эту тему «биографически», Байрон-герой — борец за свободу Греции. В стихотворении Пушкина поэт *внутренне* родственен и даже равен герою — «по

силе и страданиям» (Мережковский). Через несколько лет Кюхельбекер пишет на эту тему два сонета «Герой и Певец» (1829); источник этих сонетов, несомненно «К морю». И еще Мережковский посвятил стихотворению Пушкина одну из лучших страниц своих «Вечных Спутников»²¹. Для читателя «К морю» все образы всего стихотворения в целом связываются с Байроном: поэт, «создан духом моря», несет на себе его образ, — следовательно его поэзия «бездны глас», «грустный» и «призывный», ее характеризуют «своенравные порывы», «неодолимость», «торжественная» и «гордая» красота, она открывает путь к неведомым странам, к Свободе и уводит от мира, находящегося вне поэзии («куда же меня б ты вынес, океан»), и стоящего «под стражей» «Просвещения иль тирана»... Эта тема — «поэт и водная стихия», как мы уже видели, с гораздо меньшим богатством образов и лексики, повторена в других русских стихотворениях памяти Байрона. И позднейшее «Сравнение» умершего юношей второстепенного романтика А. Крюкова (1828) только повторяет тему Пушкина (и сонетов Кюхельбекера)²².

«Морю», таким образом, принадлежит не только к двум рядам русских стихотворений, посвященных морю и памяти Байрона, но и к необычайно многочисленным стихотворным размышлениям русской романтики на тему «призвание поэта» и «судьба поэтов». Проследить эту традицию, развившуюся с особенным богатством в русской романтической поэзии, мы здесь не можем. Отметим следует только одно: переосмысление этой темы, нередкой и до романтики и после нее. Романтические стихотворения о поэте, его призвании и судьбах почти совершенно игнорируют вопросы «поэтической техники» (существенные в стихотворениях на эти темы классицистов, и позже — символистов); совершенно исчезает в них проблема конкретной «пользы» поэзии (обычная у классицистов и представителей «гражданской поэзии» эпохи реализма)²³; совершенно по-новому ставится проблема воздействия поэта на современность и историю («потомков») — колеблясь в оценке этого воздействия между приписыванием поэту роли «учителя» или «вождя» и полным отрицанием какой бы то ни было действительности и актуальности поэзии, романтики сосредоточили свое внимание на характеристике и оценке духовного мира самого поэта, на его собственном понимании своего призвания и задач поэтического творчества. И если речь заходит о «влияниях» поэта, то и здесь романтиков интересуют не объективные реальные воздействия поэзии

в настоящем и будущем; их занимает по преимуществу вопрос о роли поэта во *внутренней духовной жизни* его современников и «потомков». Конечно, у Пушкина, только одной стороной своего творчества примыкающего к романтике, мы часто встретим вовсе неромантические мотивы²⁴. Но несмотря на то, что Пушкин в своей оценке Байрона в «Морю» только бегло бросает ряд метафор, характеризующих его тогдашние воззрения на призвание поэта, это стихотворение, наряду с написанным одновременно «Разговором книгопродавца с поэтом» и возникшими несколько позже стихотворениями «Поэт» (1827) и «Поэт и чернь» (1828) — типично романтическое произведение на тему «поэт»²⁵.

Впрочем, стихотворение «Морю» было написано в то время, как Пушкин начал отходить от «байронизма». Довольно грубое, несмотря на смягчающий контекст: «я рад смерти Байрона» в письме Вяземскому (24–25 июня 1824 г., см. выше, — оба не церемонились в своих письмах) является, собственно говоря, только выражением убеждения, что Байрон уже сыграл до конца свою роль в истории мировой поэзии. Байрон был сродни Пушкинскому «Демону» (1823), разочарование в котором звучит уже в посвященном ему стихотворении... В 1825 г. он уже противопоставляет Байрону Андре Шенье («Андрей Шенье»). В письмах 1825 г. пренебрежительные отзывы и о трагедиях Байрона и о вышедших тогда его «разговорах» (брату — январь или февраль; также рукописная заметка 1827 г.). И хотя встречаем не раз еще положительные отзывы о Байроне, но отзыв о нем и героях его произведений в 1835 г. (заметка — «Лорд Байрон») уже иронически отрицательный. И характерно нарастание отрицательных нот в упоминаниях о Байроне в «Евнии Онегине»²⁶.

П р и м е ч а н и я:

¹ Ср. статью *Н. Дашкевича* в издании Сочинений Пушкина под редакцией *С. А. Венгера*, II. СПб. 1908, стр. 424–450. *В. Жирмунский*: Байрон и Пушкин. Ленинград. 1924 ограничил исследование специальной темой, его же статья: Пушкин и западные литературы в сборнике Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. III 1937, стр. 73 и следующие содержит интересные замечания. Для нас существенна книга *В. Маслова* Начальный период байронизма в русской литературе. Киев. 1915, также в «Киевских Университетских Известиях» 1915, 6. Там указана более старая литература.

- ² Библиография статей в цит. книге *Маслова*.
- ³ Остафьевский Архив. I. 1899, особенно стр. 327.
- ⁴ *М. Гершензон*: Семья декабриста. Былое 1906, 9 и 10.
- ⁵ Остафьевский Архив II 1899, 133 письмо от 31. 12. 1820.
- ⁶ Письма Пушкина Гнедичу от 27. 6. 1822 и Вяземскому от 1. 9. 1822, в которых Пушкин упоминает о переводе Жуковского, которого он еще не читал. Восторженный отзыв об этом переводе в письме Гнедичу от 27. 9. 1822.
- ⁷ Письмо Дельвигу от 23. 3. 1821.
- ⁸ Остафьевский Архив II, 187 и Русский Архив 1867, 4, 664.
- ⁹ *Гершензон*, цит. статья, Былое 10, стр. 308.
- ¹⁰ Письмо Воронцова было известно уже Анненкову в 1874 г., полностью напечатано в украинском издании «О. С. Пушкін» Киев 1938, стр. 199-200.
- ¹¹ *Б. Модзалевский* в сборнике «Время Пушкина». СПб, 1923, стр. 64.
- ¹² Языковский Архив, I. СПб. 1913, 136.
- ¹³ Рукою Пушкина 1935, стр. 301.
- ¹⁴ Остафьевский Архив. V, 2 1909, 100, III, 48, 59, V, 1 1909, 11, 15, 17.
- ¹⁵ Остафьевский Архив V, 2, 112-113.
- ¹⁶ К биографии А. С. Пушкина. II. Москва 1885, стр. 26.
- ¹⁷ Остафьевский Архив III, 87.
- ¹⁸ Переписка Пушкина. СПб. 1906, стр. 145. — Для нашей темы не имеет значения пародия Пушкина на «Оду» Кюхельбекера: «Ода его сиятельству гр. Д. И. Хвостову» 1825; в ней смерть Байрона упомянута только потому, что этой теме была посвящена ода Кюхельбекера и главная задача Пушкина — ироническое освещение того «одического» жанра, на сохранении которого в романтической литературе настаивал «архаист» Кюхельбекер. Ср. полемику с Кюхельбекером в «Евгении Онегине» 4, строфы 32-33. Вряд ли можно видеть в этой пародии пример «амбивалентного» высказывания Пушкина. Напомню еще, что в 1825 г. Пушкин заказал в годовщину смерти Байрона «обедню по боярине Георгии» (письма Вяземскому и брату Льву от 7 апреля 1825 г.).
- ¹⁹ См. указатель к книге *Маслова*: эпиграмма Б. Федорова «Благонамеренный» 1826, 33 и «Новости литературы» 1826, 17, А. М. Бестужев-Рюмин, альманах «Сириус» 1826, М. М. в книге «Опыты сонетов» М. 1828, А. Крюков: Сравнение (Байрон — водопад), Северная Пчела 1828, 127. В 1825 г. А. Полежаев перевел «медитацию» Ламартина «L'homme. A lord Byron». В 1828-9 г. Тютчев переводит длинное и довольно слабое стихотворение Цедлица «Байрон», оставшееся, впрочем, неизвестным до 1924 г. (опубликовано в «Русском

Современнике» 1924, I). Первоначально исследователи (*Н. Сурина* «Тютчев и Ламартин» Сборник «Поэтика» I 1927 148-167, особенно стр. 155 и следующие) приняли перевод Тютчева за подражание Ламартину; мне представляется возможным, что Тютчев в своем не очень точном переводе использовал и некоторые элементы «медитации» Ламартина. Граф М. Д. Бутурлин (в 1824 или 25 г.) написал английскую оду на смерть Байрона (см. Русский Архив, 1897, 2, стр. 23).

²⁰ Позже на преувеличенном сближении Пушкина с Байроном построены направленные против Пушкина, как поэта, статьи Надеждина-Надоумко.

²¹ *Мережковский*: Вечные Спутники. Изд. 3-ье. СПб. 1906, 54.

²² См. прим. 18. Стихотворение Крюкова перепечатано в приложении к книге *Маслова*. Весьма неточным биографическим датам о жизни Крюкова (родился в 1813 г., умер в 1833) противоречит появление его в печати уже в 1827 г..!

²³ Понятие «пользы» вообще нашло в романтике резкое осуждение. Этому вопросу будет посвящена глава в *моей* (готовящейся к печати) «Сравнительной истории славянских литератур».

²⁴ Об отношении Пушкина к романтике ср. мои статьи «Puškin und die Romantik», *Slavische Rundschau* 1937, 2, 69-80, статью под тем же заглавием, *Germanoslavica* V, 1937-38, 1, 1-31 и *Puškin medzi romantizmom a klasicizmom*, *Slovenské Pohľady* 1937, 1, 36-41, 2, 75-83. Статьи эти представляют собою части не напечатанной целиком работы и не совпадают по материалу.

²⁵ В дополнение к сказанному в тексте надо отметить первое русское стихотворение, посвященное Байрону: «Байрон в темнице» П. А. Габбе (родился в 1796 г., выслан за границу в 1833 г., дальнейшая его судьба неизвестна) напечатано в «Сыне Отечества» в 1822 г., номер 43. Некоторые сведения об авторе см. Остафьевский Архив II, 2 1901, стр. 462-464. Интересно позднее (1864 г.) стихотворение «Байрон» Вяземского (Полное Собрание Сочинений XII 1896, стр. 59-63), в котором поэт, вспоминая о русском байронизме иронически упоминает и о море:

Все, кто расстроенный, кто бледный
в корсары шли; но море где?
И, за неимением моря, бедный
барахтался в своем пруде.

Вяземский вспоминает далее и байронизм Пушкина.

²⁶ Об отходе Пушкина от байронизма см. цит. статьи *Дашкевича*, стр. 440 и следующие и *Жирмунского*, стр. 79 и следующие.

Последняя основная тема, которую Пушкин затрагивает в своем стихотворении — Наполеон. Конечно Наполеону было посвящено немало стихотворений во время «освободительной войны», стихотворений за немногими исключениями весьма слабых¹. Падение Наполеона, однако, заставило даже его бывших врагов, еще до того, как обнаружился реакционный характер Венского конгресса, пересмотреть свое отношение к полководцу и политику. Это произошло и во Франции. Но наиболее интересно, что Наполеона, как великую историческую фигуру начинает воспевать (со значительными ограничениями, правда) Байрон; его стихотворения «Наполеону Бонапарту» (1814 г.), «Ода на Ватерлоо» (1816) и сатира «Бронзовый век» (1823) не могли не произвести впечатления... Особенно существенным казалось признание, что Наполеон, хотя бы и против своей воли послужил «делу свободы»: так уже в первом стихотворении Байрона. А в III песне «Чайльд-Гарольда» Байрон уже совершенно откровенно говорит о народах, оставшихся в цепях и после мнимого «освобождения» Европы.

В русской литературе первое значительное стихотворение о Наполеоне после его падения написано Жуковским (1816 г., напечатано тогда же): стихотворение, написанное по просьбе английского посольства в Петербурге, замечательно отсутствием резких выражений по адресу Бонапарта². Уже здесь Наполеон связан с образом моря:

Где тот, пред кем гроза не смела
Валов покорных воздымать,
когда ладья его летела
с фортуной к берегу пристать?

. . . . .

И где он?.. Мир его не знает!
Забыт разбитый истукан;
лишь пред изгнанником зияет
неумолимый океан.

И всё, что рушил он, природа
уже красою облекла;
и по следам его свобода
с дарами жизни протекла!

Пушкин выписал несколько строф этого стихотворения, которые некоторыми исследователями были приняты за собственное произведение Пушкина. Заслуживает внимания еще стихотворение Федора Глинки (Сын Отечества 1821, 73). И Глинка рисует грандиозную картину жизни, падения и смерти Наполеона, с использованием образа моря:

как кораблей бегущих тень,
исчезли дни, величья полны...

А теперь «молва и слава» снова звучит, «но — не о нем», — о борьбе Греции за свободу. Возможно, что уже в 1821-2 г. написано и замечательное стихотворение «Могила Наполеона» Тютчева (частично напечатанное в «Галатее» 1829, 2): слава Наполеона «еще гремит... в колеблющемся мире...»

И ум людей твою тенью полн,
а тень твоя, скитаясь в крае диком,
чужда всему, внимает шуму волн³
и тешится морских пернатых криком⁴.

Пушкин отдал еще в Лицее дань военной антинаполеоновской лирике (Воспоминания в Царском Селе 1814, Наполеон на Эльбе 1815, где Наполеон: губитель и т. п., Принцу Оранскому 1816: Наполеон-злодей и т. п.). Но в 1821 г. — уже после знакомства с Байроном — написана ода «Наполеон», по признанию Пушкина его «последний либеральный бред» (А. И. Тургеневе 1.XII.1823). Здесь отчасти восприняты оценки Байрона, отчасти — собственные мысли Пушкина. Наполеон теперь без оговорок «великий человек» и память о нем связана с образом моря:

О ты, чьей памятью кровавой
мир долго, долго будет полн,
приосенен твою славой,
почий среди пустынных волн.

Наполеон вырос из «яркого дня свободы» — французской революции. Наполеон еще и теперь представляется поработителем Европы, но Пушкин уже ставит себе (в отрывке «Зачем ты послан был» 1824 г.) вопрос об историческом призвании Наполеона, хотя отрывок и содержит только характеристику победы Наполеона над революцией. В стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге» (1824) тень Наполеона является после Венского конгресса Александру I. Теперь господствует «железная стопа», «поправшая» те надежды на свободу, которые вызвало падение Наполеона... Тень Наполеона — грозное напоминание «владыке севера» — по

крайней мере о непрочности созданного «Священным Союзом» положения... За этими набросками следует «Морю». Вторая редакция (Михайловское после 25 сентября) соединяет тему «прощанье с морем» с воспоминанием о Наполеоне и Байроне. Соединение обоих имен не было необычным (едва ли не первым тут был Беранже⁵). Но в нашей редакции стихотворения уже значительно сокращены девять замечательных строф о Наполеоне, которые были Пушкиным написаны. Четыре строфы были снова вписаны в беловую рукопись, предназначавшуюся для издания Стихотворений Пушкина 1826 г., но напечатаны не были. Пушкин включил их в ранее написанное стихотворение «Наполеон» (см. выше), где они, как 13 и 14 строфы стали едва ли не центром стихотворения. Наполеон, по мнению Пушкина, «искупил свои стяжанья» страданием

тоскою душною изгнанья
под сенью чуждою небес...

И Пушкин представляет себе, что будущий

...путник слово примиренья
на оном (надгробном. ДЧ) камне начертит.

В «Морю» остались только яркие, но мало содержательные строки о Наполеоне... Этим, впрочем, судьба Наполеона в поэзии Пушкина далеко не закончилась: в 1830 г. он пишет стихотворение «Герой» — разговор поэта с другом. Пушкин перенес сюда ряд ярких формул из не появившегося в печати стихотворения «Недвижный страж»⁶: здесь соединены изображение Наполеона, как «избранного героя» поэта, и образы «мученья казнию покоя» и «недвижимого» «угасания» Наполеона на «скале» среди океана... Но главным поэтическим образом, характеризующим Наполеона, становится его посещение зачумленных в Яффе⁷:

...кто жизнь свою своей
играл пред сумрачным недугом,
чтоб ободрить угасший взор,
клянусь, тот будет небу другом,
каков бы ни был приговор
земли слепой...

Этим как бы снимается то равенство между Наполеоном и Байроном, как «теоретиками эгоизма», которое утверждалось Пушкиным в «Евгении Онегине»;

Мы все глядим в Наполеоны,
двуногих тварей миллионы

для нас орудие одно;
нам чувство дико и смешно...

(2, 14, написано в 1825 г.) и:
лорд Байрон прихотью удачной
облек в унылый романтизм
и безнадежный эгоизм.

(3, 12 — 1826)⁸. Еще один пример амбивалентности высказываний Пушкина! И для последнего «лицейского праздника», состоявшегося при жизни Пушкина 19 окт. 1836 г., он набрасывает несколько строф стихотворения «Была пора...»: последние из них посвящены 1812 г. и Наполеону...⁹

После пушкинских написано несколько примечательных стихотворений о Наполеоне. Отчасти они — несомненно под влиянием все большего расстояния от событий 1812 г. — склоняются к безоговорочной положительной оценке исторической роли Наполеона. Таковы стихотворения декабристов, А. Одоевского «Сен-Бернар» (1831) и Н. Лорера¹⁰. Одоевский строит свое стихотворение на эффектном противопоставлении Наполеона и «медного всадника», Лорер оценивает историческое значение Наполеона без всяких оговорок положительно. Несколько стихотворений посвятил Наполеону Лермонтов; Наполеон (1829), Наполеон (Дума) (1830), Эпитафия Наполеона (1830), Св. Елена (1831), Два великана (1832) и затем перевод «Волшебный корабль» (1840, стихотворение Цедлица «Das Geisterschiff»). Последнее стихотворение Лермонтова о Наполеоне «Последнее новоселье» (1841) возникло под впечатлением перенесения тела Наполеона в Париж. В том же году написаны стихотворения на эту тему гр. Е. Ростопчиной, С. Подолинским и А. Хомяковым; стихотворение Лермонтова представляется ответом некоторым из них. Наполеон, по мнению Лермонтова, не только пробудил стремление к свободе, но и был носителем идеи свободы. Жуковский еще в 1836 г. перевел стихотворение Цедлица «Ночной смотр» (Die nächtliche Heerschau). Наряду с переведенным Лермонтовым «Волшебным кораблем», это одна из самых популярных баллад русской литературы. В 30-х и 40-х годах возникает замечательный «триптих» Тютчева «Наполеон». В трех стихотворениях триптиха (напечатанного в Москвитянине 1850, 2) повторены и заострены уже ставшие традиционными темы стихотворений о Наполеоне: Наполеон как сын Революции, «Земной» подвиг Наполеона, разбившийся о «подводный веры камень» — Россию, предчувствие дальнейших столкновений Запада и Востока, — как предзнаменование их Тютчев вос-

принимает перенесение праха Наполеона в Париж. И еще в 1853 г. Тютчев стихотворение «Неман» почти целиком посвящает Наполеону: Наполеон «могучий, южный демон», Тютчев видит его при переходе французских войск через Неман: «на высоте, как некий бог», и почти как рефрен звучит повторяющееся в конце двух строф упоминание о «чудных очах» Наполеона... Тема Наполеона в русской литературе жива до наших дней. Достаточно вспомнить Наполеона у Достоевского, напр. в «Преступлении и наказании» (и еще ярче в его случайных высказываниях) или у Мережковского!

Пушкин стихотворением «Морю» в известном смысле прощается с теми образами Наполеона и Байрона, какие приносились ему в период его байронизма. Но, как мы видели, они не перестали быть живыми ни у Пушкина самого, ни у его преемников и эпигонов. А как воспоминанье о стихотворении «Морю» звучат прекрасные строки одной из начальных строф, посвященных его менявшей свой облик «Музе», в начале VIII песни «Евгения Онегина» (1831-2):

Как часто по берегам Тавриды
она меня во мгле ночной
водила слушать шум морской,
немолчный шопот Нериды,
глубокий, вечный хор валов,
хвалебный гимн Отцу миров...¹²

П р и м е ч а н и я:

¹ Среди авторов были Державин, Крылов, Карамзин, Жуковский, Батюшков и, как увидим, и юный Пушкин. Обзор этой поэзии дал *Н. Сидоров*: в сборнике «1812-1912. Отечественная война и русское общество». Том V. Москва 1912, стр. 159-172.

² Напечатано в «Сыне Отечества» 1816, 14.

³ В «Галатее» только вторая строфа с пропуском. Здесь было напечатано «внимая», что очевидная опечатка. Обе строфы стихотворения вошли в Собрание Стихотворений Тютчева 1854 г. Тютчев, как и в других случаях, не сохранив рукописи, не мог восстановить цензурного пропуска двух строк.

⁴ Стихотворение написано, по всей вероятности, вскоре после смерти Наполеона. Отнесение его к 1829 г. не имеет под собой никакого основания.

⁵ См. *Л. Козловский*: Наполеон и поэзия в цит. в примечании 1 сборнике, том VI. Москва. 1912, стр. 155-169. Ср. *М. Розанов*: Пушкин и Байрон. Там же стр. 170-189.

⁶ Некоторые из них были применены Пушкиным в так наз. «10-ой главе» «Евгения Онегина», сожженной осенью 1830 г. Вероятно, в стихотворение «Герой» эти строки вошли уже после того, как Пушкин решил уничтожить «10-ую главу».

⁷ Возможно, что, кроме «Наполеоновской легенды» на Пушкина повлияла известная картина Гро (A.-J. Gros) «La Peste de Jaffa» (1804).

⁸ Ср. еще упоминания о Байроне и Наполеоне в «Евгении Онегине» 7, 19, 22 и 37. О фразеологии высказываний Пушкина о Наполеоне ср. В. Ходасевич: О Пушкине. Берлин. 1937, стр. 92-95. Некоторые замечания в примечаниях к изданию Сочинений Пушкина под ред. С. Венгерова. II 1908, стр. 573-576 (Н. Лернер).

⁹ О строфах «Морю», посвященных Байрону, см. статью Н. Измайлова, цит. в прим. 1-м к параграфу 2-му.

¹⁰ Стих. Лорера (1795-1875), по языку вряд ли позже 1840 г., напечатано впервые Огаревым в сборнике «Русская потаенная поэзия» Лондон. 1861. Это единственное сохранившееся стихотворение недурного прозаика Лорера. Перепечатано с рукописи в сборнике «Декабристы. Поэзия, драматургия, проза...» 1951, стр. 196.

¹¹ Третья часть «триптиха» написана, вероятно, вскоре после перенесения тела Наполеона. Первая его часть написана до 1836 г. и была в 1837 г. представлена Пушкиным в цензуру вместе с другими стихотворениями Тютчева для «Современника», но не разрешена к печати. Что эти строки навеяны характеристикой Наполеона у Heine (Französische Zustände) нельзя утверждать с определенностью (ср. статью Ю. Тынянова: Тютчев и Гейне в книге Архаисты и новаторы, 1929, раньше «Книга и Революция» 1922, 4).

¹² Здесь и лексические намеки на стихотворения крымского и одесского периода: кроме «Морю» («слушать шум морской»), намеки на стихотворения «Таврида» (1822), «Нереида» (1820) и, может быть, «Редеет облаков летучая гряда» (1820, ср. «во мгле ночной», «немолчный шопот»). Это — типичные для Пушкина личные намеки, частью непонятные современникам (стихотворение «Таврида» при жизни Пушкина не печаталось), типичная черта и всей русской романтической поэзии. Ново — упоминание об «Отце миров»...

ДВА ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Приготовил к печати Ю. П. Иваск

Публикуемые нами два письма князя Петра Андреевича Вяземского (1792-1878) к редактору *Revue Encyclopédique* Жюльену — Marc-Antoine Jullien de Paris (1775-1848) датированы 20-м июля 1823 г. и 21-м мая 1824 г. (старого стиля). Особенный интерес представляет первое письмо, публикуемое впервые. Русский перевод второго письма и страница черновой рукописи были помещены в т. 31 Литературного Наследства под редакцией С. Дурылина. Этот перевод был сделан не с оригинала, а с копии, переписанной С. Д. Полторацким и носящей заглавие: «Lettre du Prince Pierre Wiasemsky à M. Marc-Antoine Jullien... 1824 (Copiée sur le manuscrit autographe, qui se trouve chez M. Auguste Julien fils à Paris, le 28/16 avril 1839)». Мы же помещаем текст оригинала обоих писем. Письмо I Полторацкий не переписал, может быть, потому, что в нем имеется выпад против него самого.

В начале 20-х гг. Вяземский уже хорошо был известен читающей публике того времени, в качестве поэта и литературного критика. Его стихи появлялись в журналах. Он был также автором «возмутительных» (либеральных) стихотворений (Негодование, Сибирякову), которые распространялись в списках. Он состоял членом Арзамаса (под именем Асмодея), дружил с В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, А. И. Тургеневым, Д. В. Давыдовым, В. Л. Пушкиным и А. С. Пушкиным. Он был очень близок к И. И. Дмитриеву и Н. М. Карамзину — мужу его сводной сестры, Екатерины Андреевны Кольвановой. Карамзина он называет своим вторым отцом. Вяземский, арзамасец и «карамзинист», становится критиком-бойцом. Он ведет литературную борьбу с враждебной Арзамасу Беседой любителей российского слова, возглавляемой А. С. Шишковым. Он пишет очерки, посвященные Г. Р. Державину (1816 г.), В. А.

Озерову (1817 г.), И. И. Дмитриеву (1823 г.). Его подход к литературе — новый: литературно-биографический и культурно-исторический. В своих очерках он воссоздает жизнь и творчество поэта, а также и быт образованного общества данной эпохи (нравы, духовные запросы, уровень просвещения). В статьях и поэмах Пушкина Кавказский Пленник (1822 г.) и Бахчисарайский Фонтан (1824 г.) Вяземский защищает позиции романтизма и вступает в полемику с «классиком» М. А. Дмитриевым. Одновременно он обсуждает вопросы литературные и политические в своей замечательной Записной Книжке (с 1813 г.), а также и в письмах к друзьям — к Карамзину, Дмитриеву, Жуковскому, Батюшкову, Пушкину и А. И. Тургеневу. После окончания отечественной войны, в которой Вяземский принимал участие в качестве добровольца-«ополченца», он в 1817 г. получает назначение в канцелярию императорского комиссара в Варшаве, Н. Н. Новосильцева. Он переводит на русский язык польскую конституцию и тронную речь Александра I-го. В Варшаве Вяземский прожил до 1820 г. В этом году он увольняется, как лицо политически неблагонадежное и поселяется в своем подмосковном имении — Остафьеве. Судя по заметкам в Записной Книжке и письмам к А. И. Тургеневу, политические убеждения Вяземского определенно не отличались. Но, несомненно, он был противником крепостного права, сторонником конституционного образа правления и свободы слова. Он восхищался красноречием французских либералов, Бенжамена Констана, генерала Фуа, Казимира Перье и с сочувствием читал *Revue Encyclopédique*, журнал, отражавший взгляды либеральной оппозиции в эпоху Реставрации. Этот журнал начал выходить в 1818 г. Его редактор и издатель, Марк-Антуан Жюльен, в молодости состоял членом якобинского клуба, переписывался с Робеспьером, а при Наполеоне был военным комиссаром.

В письме I Вяземский пишет Жюльену, что варшавский корреспондент *Revue Encyclopédique*, Bernhard, предложил ему сотрудничать в этом журнале. Прежде предполагалось, что это предложение было сделано ему Жюльеном, по совету его русских сотрудников, С. Д. Полторацкого (1803-1884), графа Я. Н. Толстого (1791-1867) или же Геро — Edmond Joachim Héreau (1791-1836), который провел десять лет в России (1809-1819) и был секретарем *Revue Encyclopédique*. Bernhard, по всей вероятности, говорил с Вяземским о журнале Жюльена в Варшаве, т. е. не ранее 1818 г. и не позднее 1820 г. (когда тот там проживал). Из боязни скомпромети-

вать себя сотрудничеством во французском периодическом издании, Вяземский лишь через несколько лет решается написать Жюльену. По его собственным словам, ему пришлось ждать благоприятной возможности для передачи письма (*une occasion plus favorable*) через одного из близких ему лиц. Он посылает Жюльену статью о запрещенной в России книге французского военного врача, М. R. Faure, попавшего в плен, в 1812 г.: *Souvenirs du Nord...* (1821 г.).

В письме I Вяземский отрицательно отзываясь о постоянном русском сотруднике *Revue Encyclopédique*, С. Д. Полторацком; он утверждает, что информация Полторацкого не соответствует фактам. Неясно, какие именно ошибки он имеет в виду. Но очевидно, что заметки Полторацкого ему не импонировали: его отталкивала их благонамеренность; если судить по ним, то у иностранного читателя может создаться впечатление, что в России всё обстоит благополучно. А Вяземский думал иначе: он считал, что ложному патриотизму поддаваться не следует; о России в *Revue Encyclopédique* следует писать объективно, не скрывая ее культурной отсталости. Об этом он с наибольшей определенностью высказывается в письме II.

Вяземский, проживавший в своем подмосковном имении, Остафьево, и в Москве, был в опале и состоял под надзором полиции (с 1820 г.). Самый факт переписки с Жюльеном и, тем более, высказываемые им либеральные мысли, в случае огласки, неминуемо повели бы к ссылке. Поэтому Вяземский просит Жюльена сохранять их отношения в тайне.

К письму II Вяземский прилагает «бюллетень», о содержании которого ничего неизвестно; может быть, он и не сохранился. В том же письме он сообщает Жюльену, что посылает ему отрывки своей статьи о И. И. Дмитриеве. С. Дурылин считает, что он послал те фрагменты, которые были запрещены цензурой, и ссылается на письмо Вяземского А. И. Тургеневу, от 2-го февраля 1823 г.: «Дмитриевскую рукопись начнут списывать с первой недели... Или цензура всё пропустит, или ничего не напечатаю, разумеется, здесь. Но тогда переведу ее с помощью других на французский язык и напечатаю в Париже, как памятник нашего варварства. Клянусь честью, что это сделаю»¹. Далее Вяземский сообщает, что собирается послать немецкие переводы упомянутой выше статьи о Дмитриеве, очерки о Державине (1816 г.) и Озерове (1817 г.). К письму II он присоединяет еще статью о Пушкине: это известный разбор Бахчисарайского Фонтана (1824 г.), написанный

в виде диалога между издателем-романтиком, излагающим его собственные мысли, и классиком (М. А. Дмитриевым).

В *Revue Encyclopédique* мы не находим ни одной статьи о русской литературе, автором которой можно считать Вяземского. Кстати отметим, что в этом журнале печатались в то время лишь заметки о русской литературе (главным образом, С. П. Полторацкого), в библиографическом отделе иностранных книг, а не обстоятельные статьи. Жанр очерков Вяземского для этого отдела не подходил. Но, всё-таки, возможно, что посланный им материал был как-то использован журналом.

С 1825 г. Вяземский в сотрудничестве с Н. А. Полевым начал выпускать Московский Телеграф, журнал литературы, критики, наук и художеств. Близость и сходство этого периодического издания с *Revue Encyclopédique* очевидны и подтверждаются свидетельством современников (Булгарина, Белинского), а также и последующими исследователями, например, Н. Козминым, в его монографии, посвященной Полевому².

Вяземский пытался завербовать в качестве постоянного французского корреспондента, секретаря *Revue Encyclopédique*, Геро (Héreau), но контакт с ним не налачился, и в Московский Телеграф был приглашен русский сотрудник этого журнала, граф Я. Н. Толстой, проживавший в Париже и поместивший в Телеграфе два своих «парижских письма». В 1828 г., из за разногласия с Полевым, который начал сближаться с реакционными журналистами, Н. И. Гречем и В. Ф. Булгариным, Вяземский вышел из редакции Московского Телеграфа.

Публикуемые нами письма Вяземского, несомненно, представляют интерес. Из письма I мы узнаем, что Bernhard предложил Вяземскому сотрудничать в *Revue Encyclopédique* между 1818-20 гг. Для характеристики Вяземского-либерала существенно его признание отсталости деспотической России (в обоих письмах). А для характеристики Вяземского-литератора существенно, что писателями, которыми он хотел заинтересовать французского читателя были Дмитриев, Державин, Озеров, Пушкин (в письме II).

М а т е р и а л ы:

1. С. Дурьлин. Французская литература и П. А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху. Литературное Наследство, 31-32 (1937), стр. 77-108.

2. Г. (Ю.) Иваск, Вяземский-литературный критик, 1955 (докторская диссертация) (Harvard University).

Примечания:

¹ Остафьевский Архив, II, 298.

² *Н. Козмин*. Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой, как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. (Записки Историко-Филологического факультета С.-Петербургского Университета, 70, [1903]) См. также очерк *Б. В. Модзалевского*: Я. Н. Толстой, Русская Старина, 1899, 9, стр. 587-614 (там имеется материал о Вяземском, Московском Телеграфе и сношениях с *Revue Encyclopédique*).

П И С Ь М О I

Monsieur,

Votre correspondant de Varsovie, Mr Bernhard¹, m'avait proposé il y a quelque temps de fournir à la *Revue Encyclopédique*, des notions sur l'état de la littérature et des lumières dans notre pays. J'ignore, s'il vous a fait part de sa proposition et de ma réponse, mais en tout cas, vous verrez par l'inclose, que je m'étois engagé, à entrer par son intervention en rapport avec vous. Depuis lors, plusieurs circonstances, qui pourront vous être indiquées par le porteur de la présente, m'ont mis dans l'impossibilité de me servir de la voie de Varsovie, pour vous communiquer des matériaux propres à faire connaître la vérité sur la Russie et à rectifier les erreurs, que les étrangers répandent sur notre compte. Mes relations avec Mr Bernhard auroient été rompus tôt ou tard et n'auroient servi qu'à le compromettre gratuitement. Je devois attendre une occasion plus favorable. Le départ d'un de mes amis pour Paris, m'offre aujourd'hui la facilité de vous communiquer, Monsieur, un essai imparfait, dont on pourroit néanmoins, tirer à ce que je crois, un parti convenable. La lecture de l'ouvrage de Mr Faure² sur la Russie, imprimé en 1821 et par parenthèse mis à l'index chez nous, a fait naître en moi quelques idées, que j'ai mises sur le papier. Je sens bien, que mon analyse est imparfaite, que la rédaction devoit en être plus châtiée (je ne parle plus des fautes de langue, que comme étranger, je ne pouvois pas éviter), qu'il faudroit même refondre le morceau en entier et surtout je sens bien, que je devois, ne fut-ce que par bienséance,

vous envoyer du moins une copie correcte et soignée d'un travail incorrect et fait à la hâte, mais le départ précipité de celui qui s'en charge, ne me donne point le temps de satisfaire à toutes ces considérations urgentes. Vous voyez, Monsieur, que je compte beaucoup sur votre indulgence et que vous m'inspirez une confiance sans bornes! Je me rassure à l'idée, que si mes observations, dictées par un profond sentiment d'amour pour la Patrie, vous paroissent par la même, mériter un certain intérêt, vous saurez facilement les rendre dignes de voir le jour. Vous trouverez en marge du cahier plusieurs notes faites par mes amis: souvent elles peuvent servir de complément au texte et offrent des aperçus judicieux et pleins de vérité.

Séquestrés du monde actif, par notre position politique, nous sommes encore par surcroît de chagrin, réduits au sort de captifs, qui s'entendroient calomnier publiquement et seroient privés du droit de défendre leur honneur. La presse dans notre pays est inaccessible aux plaintes et réclamations, esclave du pouvoir, elle ne parle que pour lui; nos communications avec l'étranger sont d'un autre côté soumises à des entraves inquisitoriales et nous n'avons pas les moyens de soulager notre cœur au dehors. En un mot, personnages muets et inactifs, sur la scène de la vie publique, nous ne pouvons librement ni dialoguer entre nous, ni parler à la cantonade! Cette gêne, où nous nous trouvons, vous fera voir, Monsieur, combien je mets de prix, à n'être pas connu pour l'auteur de l'analyse ci-jointe, ainsi que des autres écrits, que je pourrai vous communiquer par la suite, si toutefois vous m'autorisez à le faire. En cas, que mon travail ne réponde point au plan de votre ouvrage périodique, vous pourrez, Monsieur, en faire l'usage qui vous paroîtra convenable, soit en le publiant à la suite de quelque ouvrage sur la Russie, soit ailleurs, soit séparément, et si l'impression devoit entraîner quelques frais, vous voudrez bien vous adresser à ce sujet au porteur de la présente. Je crains bien, que vous ne disiez, que j'en agis avec vous un peu trop à la Scythe et que la franchise est bonne, quand elle n'est pas importune. Mais d'un autre côté, je me trouve encouragé par le sentiment que j'ai de votre caractère et de votre esprit, qui se peignent si bien dans vos écrits et dans l'ouvrage publié sous votre inspection. J'aime à croire, que vous m'entendrez et que vous me rendrez justice: passez moi un peu l'ennui, que je vous cause, ne fut-ce qu'en faveur du motif. Nous vivons à une époque, où les hommes de bien de toutes les nations doivent se donner la main; le vers de Térence

Homo sum: humani nihil a me alienum puto!³

devient à plusieurs titres *le vers du siècle*. Si les souverains s'appuient de ce texte pour justifier *le droit d'intervention*, tâchons de rendre à ce vers un sens plus noble, plus conforme à la sagesse et plus utile au bonheur général.

Je ne veux pas finir cette lettre sans vous prévenir, Monsieur, que les articles insérés dans la Revue sur la Russie et signés S. P-y⁴ ne sont pas toujours d'accord avec la vérité, et que dernièrement, on a relevé dans le journal *du fils de la Patrie*⁵, plusieurs erreurs grossières qui s'y étaient glissées. Je me rappelle entr'autre, que vous avez parlé d'un certain *Bibicoff-Worontzoff*⁶, comme d'un écrivain, qui donnoit de grandes espérances. Jamais, nous n'en avons entendu parler et cette réunion de noms n'existent point même parmi nous. Nous avons bien des Bibicoff et des Worontzoff, mais nous n'avons point de *Bibicoff-Worontzoff*. Le mérite des ouvrages et des auteurs Russes est souvent apprécié dans la Revue en sens inverse de l'opinion des juges éclairés. Ces fautes sont d'autant plus inexplicables et saillantes, que plusieurs des articles sur la Russie ont pleins de vérité et prouvent que leurs auteurs puisent à de bonnes sources. — Je pourrai par la suite relever dans une analyse séparée les erreurs de noms et de faits, émises dans ces articles et la livrer à votre disposition.

Agréé, Monsieur, l'assurance de ma parfaite considération et de mon dévouement pour vous et pour tous ceux, qui travaillent avec vous à prouver: "que les belles lettres et les sciences, bien étudiées et bien comprises, sont des instruments universels de raison, de vertu, de bonheur!"

p. Wiasemski.

M. le prince Wiasemski.

Si jamais vous voulez m'honorer d'une réponse, je vous prie, Monsieur, de la remettre au porteur de cet envoi, ou de me la faire tenir à Moscou par l'entremise d'une personne sure, car vous ne sauriez croire, combien nos communications par la poste manquent de sécurité. Notre gouvernement quoiqu'aveugle sous bien des rapports, a le don de déchiffrer comme Oedipe beaucoup d'énigmes, en décachetant toutes nos lettres!

Moscou. Ce 20 Juillet (vieux style), 1823.

П И С Ь М О И

Ostafiewo (à 25 verstes près de Moscou).

Ce 21 Mai (vieux style), 1824.

Monsieur,

C'est avec une véritable satisfaction que j'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre du 1er Mars 1824^r, en réponse à la mienne de l'année passée. Votre confiance me flatte et je me trouverois heureux de pouvoir y répondre d'une manière digne de vous et de votre ouvrage périodique. Mais, en conscience, vous me demandez la chose impossible en exigeant des renseignements sur tous les objets qui peuvent caractériser la marche et les progrès de la civilisation dans notre Patrie. Ignorez vous donc, que la Russie est dans une minorité parfaite et que vous parler d'elle, seroit faire une critique sanglante de la tutelle, qui la maintient dans cette enfance tardive? Vous entretenir de nos académies, de nos établissements et de nos entreprises d'utilité publique, de nos sociétés savantes, philanthropiques etc. etc. etc. seroit faire des articles de gazette; mais aussi, faudroit-il commencer par ce faire une conscience de gazetier et je m'en sens incapable. Je place mon orgueil national, non à me féliciter pompeusement de ce que nous avons, mais à regretter ce que nous manque.

Je ne suis pas de ces gueux^s, qui voudroient faire parade d'une richesse qu'ils n'ont pas, mais bien de ceux qui affichent hautement leurs haillons, car ils se sentent dignes d'un meilleur sort. Et tous mes compatriotes bien pensant partagent certainement mon opinion! A nous voir, nous possédons tout à l'égal des autres nations; mais notre richesse consiste en une dépense de mots et en un luxe de décorations. Comme Arlequin, qui remue des jambes sans quitter sa place, nous faisons semblant de marcher, mais nous n'avancions pas. Certainement après tout, le temps marche pour nous et le cours souterrain, invisible des choses, ne nous en pousse pas moins en avant, sans que ni le gouvernement, ni la plupart de nous autres, y prenions garde. Il est indubitable qu'un beau jour après nous être endormis dans les langes de notre nourrice, nous nous réveilleront *tout d'un coup* grand garçons. Jusqu'à cette époque, laissons aux panégyristes salariés, ou à ceux qui prennent une vanité aveugle, pour de l'orgueil national, à faire l'étalage de nos succès, nous autres sachons nous taire; quand il ne nous est point permis de dire la vérité. Contentez vous donc d'apprendre pour le moment, non ce que

font des hommes, mais ce à quoi s'amuse des enfants. Nous aimons à faire des vers et nous en faisons parfois d'assez bons.

Au sortir du berceau nous bégayons des vers!⁹ Pour la prose, qui demande à être mieux nourrie, nous nous en tirons assez mal, et à l'exception de *l'Histoire de Russie*¹⁰ par Mr Karamsin, nous pouvons dire hardiment, que nous n'avons pas en prose un seul ouvrage de longue haleine; et encore cet ouvrage là est il chez nous un fruit précoce, qui a été mieux apprécié en Europe, qu'en Russie.

Je me suis décidé à joindre à mon bulletin, quelques fragmens de ma notice sur la vie et les ouvrages de Mr Dmitrieff, moins par amour personnel, que parce que ces fragmens peuvent vous donner une légère idée de notre Littérature et de la manière dont on l'envisage chez nous. Si j'avois eu à ma disposition d'autres matériaux plus propres à mon but, faites moi l'honneur de croire, que je n'aurois pas été me mettre en avant. Je crois avoir sous peu une bonne traduction allemande de cette notice en entier, ainsi que de deux autres de mes opuscules littéraires, qui traitent de *Derjeavin* (notre premier poète Lyrique) et d'*Ozéroff* (notre seul poète Tragique, digne de ce nom) et j'espère vous les envoyer¹¹. Il nous est très difficile, pour ne pas dire impossible, de trouver ici quelq'un qui puisse bien traduire du Russe en Français; les Allemands apprennent notre langue avec plus de facilité que vos compatriotes; et d'ailleurs je suppose que le bon allemand est mieux compris chez vous, que le mauvais français, que nous devons vous offrir, faute de mieux. En tout cas, voici un petit bulletin littéraire et quatre extraits de la notice en question; faites en, Monsieur, ce que vous voudrez et ce que vous pourrez. J'y ajoute une traduction allemande d'une préface de ma façon, ajoutée en forme de Dialogue, au nouveau poème de Pouschkin, dont je vous prie d'accepter un exemplaire, comme un léger don de notre Muse du Nord¹². Puisse-je venir un jour le lire chez vous et familiariser vos oreilles difficiles, avec les sons d'une langue, qui n'est pas aussi barbare, qu'on le croit en Europe. Vous trouverez dans cette petite facétie quelques vues sur notre poésie et sur ses rapports avec les poésies dites Classique et Romantique. Je n'ai fait qu'effleurer mon sujet et j'ai du donner à mes reflexions la rapidité d'un Dialogue. En général, jugez moi plutôt sur ce que j'ai indiqué, que sur ce que j'ai dit. Grâce à notre censure, *l'énoncé* est la partie faible, et les *réticences* le côté saillant de tous nos discours. Savez vous, qu'il ne nous seroit point permis d'avancer franchement une opinion purement littéraire, si elle

blessoit les convenances accréditées? Notre Littérature a sa légitimité tout comme le pouvoir.

Je serai charmé de pouvoir vous communiquer quelques matériaux sur la Pologne, mais nos relations avec ce pays sont très gênées: on a beau le *russiser* à toute force et le purifier jusqu'à extinction de chaleur naturelle, il paroît encore trop dangereux et trop épidémique aux yeux du gouvernement, qui a établi entre nous et la Pologne un cordon sanitaire, qu'un autre duc d'Angoulême¹³ tient dans sa main. Il me seroit surtout difficile à moi de pouvoir vous être de quelque utilité à cet égard, vu que mes relations avec les Polonais sont soumis à une surveillance sévère, après un séjour de quelques années que j'ai fait à Varsovie, comme employé auprès du Sénateur Russe Nowosiltzoff¹⁴ et après que j'ai été retiré de cette place comme *entâché de libéralisme*. Au reste les Polonais sont plus actifs que nous et plus avides de célébrité, et je suppose, que vous pourriez facilement établir des relations suivies avec la Pologne par l'entremise des Polonais qui courent beaucoup le monde et viennent habituellement à Paris. Je crois même qu'un d'entre eux nommé Mr *Morozewicz*¹⁵, doit y venir passer l'hiver; je vous invite à rechercher sa connaissance; c'est un jeune homme bien pensant et qui connaît à fond son pays. Le seul obstacle qui se présenteroit à nous dans des pareilles relations seroit la crainte de donner de l'ombrage au gouvernement; car il est constant, que tout Russe, ou Polonais, connu pour correspondre non d'une manière officielle, avec un Journal étranger finit par être mal vu de l'autorité, si toutefois il n'étoit point poursuivi pour les opinions, qu'il auroit énoncé dans ses écrits. Je crois pouvoir affirmer, qu'un de vos correspondants Russes a déjà pâti dans son service, pour les bulletins littéraires qu'il vous a adressés. Du moins, tel est le bruit qui a couru chez nous lors de la disgrâce d'un jeune officier¹⁶. Veuillez bien, Monsieur, vous pénétrer de l'importance de ces considérations et m'épargner tous les désagréments, que pourroit m'attirer votre correspondance. Il ne faudroit pas s'étonner si de petits commérages littéraires alloient passer pour des crimes d'Etat aux yeux de l'autorité et si on leur donnoit assez de conséquence pour en rechercher l'auteur par toutes les voies ouvertes à la Sainte Alliance. En tout cas, je vous prie, Monsieur, de ne jamais me citer publiquement au nombre de vos correspondants, quoique j'aimerais à porter ce titre flatteur et de tenir nos relations dans le plus parfait mystère. Si jamais vous me faites l'honneur de m'écrire, que ce ne soit que par

l'entremise de ceux de mes compatriotes, que je vous aurai adressé, ou de personnes dont la discrétion vous est connue! De mon côté, je garderai la même circonspection. Cette lettre-ci vous sera remise par mon beau-frère le Pce Gagarin¹⁷, appelé à Paris, pour y rétablir sa santé; je prends la liberté de le recommander à vos bontés et vous prie de l'accueillir avec bienveillance. Quand pourrai-je suivre son exemple et venir me guérir parmi vous, si ce n'est pas des souffrances phisiques, du moins du marasme moral, qui est vraiment pour nous la maladie du pays et qui attaque tous ceux d'entre nous, qui auroient besoin de vivre et ne se contentent pas de végéter! L'espoir de venir passer quelques années à Paris est un de ceux qui me sourient le plus. Mais l'époque où je pourrai le réaliser est encore incertaine! En attendant, agréez, Monsieur, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Wiasemski.

P. S. Savez vous, qu'il est rare qu'un des No. de votre Journal nous arrive sans avoir été mutilé par les ciseaux de la Censure! Lé plus grand nombre des cahiers nous arrive avec quelques feuilles de moins!

Recevez avec indulgence le brouillon de mon bulletin et la mauvaise copie des notes qui y sont jointes; je suis à ma campagne et n'ai point les moyens de faire mettre le tout au net. Quand aux noms propres, que vous ne sauriez déchiffrer, donnez vous la peine de consulter l'Anthologie Russe de Mr de St Maur, qui du moins a été fidèle à l'orthographe.

П р и м е ч а н и я:

¹ Mr. Bernhard, которого Вяземский называет варшавским корреспондентом *Revue Encyclopédique*. Данными о его личности мы не располагаем. Имя это отсутствует в самом полном словаре польских псевдонимов А. Бара. По всей вероятности «Bernhard» — условное обозначение того польского журналиста, который доставлял *Revue Encyclopédique* польский материал, встречающийся в этом журнале довольно часто.

² М. R. Faure, родом из Бордо, военный врач, прикомандированный к 1-му кавалерийскому корпусу наполеоновской армии. В 1812 г. был в Москве и 18-го октября того же года оказался в плену. В 1813 г. жил в Орловской губернии, у помещика А. А. Плещеева, которого Вяземский знал. В 1820 г. доктор Фор вернулся во Францию, где выпустил книгу своих воспоминаний о России: *Souve-*

venirs du Nord ou la Guerre, la Russie et les Russes, ou L'esclavage, par M. R. Faure, médecin du 1-er corps de cavalerie pendant la campagne de 1812. Paris. 1821 (эпиграф: Le fléau de l'humanité, c'est le pouvoir absolu. Mme de Staël). В этой книге Фор описывает природу и нравы, возмущается невежеством духовенства и чиновников и осуждает обращение помещиков с крепостными крестьянами, живущими в нищете. (См. ОА, II, стр. 513). Об этой книге появилась в *Revue Encyclopédique* заметка, подписанная P. A. D. (XVI, 1822 г., стр. 359-60). В этой рецензии читаем: "Il (т. е. Фор. Ю. И.) peint avec chaleur ce tableau du misère et de despotisme, qu'offre la population russe. Le style est souvent plein d'originalité mais peut-être est-il quelquefois un peu déclamatoire". Повидимому, Вяземский этой заметки не читал, так как посылает Жюльену статью о записках Фора. О получении его книги он упоминает в письме к А. И. Тургеневу (от октября 1821 г., ОА, II, стр. 214), но дает неверную транскрипцию фамилии Фора: Lefaugre. В том же письме он отмечает: «Много справедливого о России». Очевидно, что в этот «либеральный» период его жизни, книга Фора (запрещенная в России) вызвала в нем живой интерес и сочувствие. О судьбе статьи Вяземского об этой книге нам неизвестно.

³ Теренций, *Neautontimorumenus*, I, 1.

⁴ S. P-у — Сергей Дмитриевич Полторацкий (1803-1884). Его заметки начали появляться в *Revue Encyclopédique* с 1821 г. или с 1822 г. (когда ему было 18-19 лет). Отметим следующие за 1822-23 гг.: RE, 1822, XV, 327-332 XVI, 117-122, 199-201, 390-392, 564-565, 625-627; 1823, XVII, 114-116, 323-324, 579-580, XVIII, 119-122, 212-213, 354-356, 436-440, XIX, 134, 393, XX, 137, 357-359. Как видно, сотрудничество Полторацкого было постоянным. В своих заметках подписанных S. P-у или S. P. он дает краткие информационные сведения преимущественно о русской культуре, литературе и искусстве, например, о Библейском обществе, итальянской опере, Исаакиевском соборе, о литературном обществе в Калуге, о втором издании Истории государства Российского Карамзина, о переводе Жуковским Шильонского узника Байрона, о жизнеописании Суворова Глинки, о книгах Н. И. Греча, о московском университете, элегиях Олина и т. д. Он сообщает также курьезы: напр. о проживающем в Феодосии старце, родившемся в 1702 г. Эту же пеструю «смесь», которую юный Полторацкий наполнял русский отдел хроники *Revue Encyclopédique*, мы находим и в других отделах, посвященных прочим странам. Более подробно Полторацкий пишет о журналах: о Сыне Отечества (RE, XVI, 1822 г. 117-22), о Вестнике Европы (RE, XVII, 1823 г. 115-16) и об альманахе Полярная Звезда (RE, XX, 1823, 357-59). Обличительных тенденций в его заметках нет. С. Д.

Полторацкий воспитывался в Ришельевском лицее, в Одессе. С 1820 г. по 1823 г. он учится в военной Школе Колонновожатых, в Москве; именно в эти годы он начинает сотрудничать в *Revue Encyclopédique*. Позднее он состоит на военной службе (до 1827 г.) и продолжает сотрудничать в журнале Жюльена (до 1831 г.), а также в Сыне Отечества, Литературных Листках и в Московском Телеграфе (после ухода оттуда Вяземского, в 1827-28 гг.). Полторацкий собирает замечательную библиотеку в своем имении Авчурине, Калужской губернии. Он известен, как библиофил, библиограф и автор Материалов для Словаря русских писателей. См.: *J. M. Querard: Serge Poltoratzky. La France Litteraire ou dictionnaire bibliographique*. Т. XI, pp. 578-584. Paris, 1854-57; *А. И. Остроглазов*; *С. Д. Полторацкий, Библиографические Записки, I*. (1892), стр. 15-24.

⁵ *Сын Отечества*, исторический, политический и литературный журнал (1812-1852 гг.); с 1821 г. выходил под редакцией Н. И. Греча и А. Ф. Воейкова (В. Ф. Булгарин вступил в редакцию позднее, в 1825 г.). В этом журнале Вяземский постоянно помещал свои стихотворения и статьи. В 1823-24 гг. он постепенно расходится с Гречем, всё реже печатается в Сыне Отечества и переходит в *Дамский Журнал* князя Шаликова. В 1825 г. он создает вместе с Н. Полевым *Московский Телеграф*.

⁶ Бибиковых-Воронцовых, как правильно указывает Вяземский, в России никогда не было. Называя эту фамилию Жюльен ошибся.

⁷ Письмо Жюльена от 1-го марта 1824 г. никогда опубликовано не было.

⁸ Один из «нищих» (*gueux*), выставляющий напоказ богатства, которых у него нет, это, вероятно, С. Д. Полторацкий. Из письма I мы знаем, что информационные заметки его Вяземский не одобрял (см. прим. 4-ое и *Лит. Насл.*, 31-32, 98).

⁹ «Едва выйдя из колыбели, мы лепечем стихи!» — Это очень характерное для Вяземского замечание. Русская культура и литература для него начинаются в после-петровскую эпоху. Именно тогда Россия вышла «из колыбели» и начала лепетать стихи (Тредьяковский, Ломоносов и Сумароков). Культура Киевской и Московской Руси для него не существовала. Подобно просвещенцам XVIII-го века он полностью отрицал Средние Века, как «темное время». Он умалчивал также о московско-украинском барокко XVII-го века.

¹⁰ Историю Государства Российского Н. М. Карамзина Вяземский считал творением бессмертным, и по содержанию, и по форме. Он знал, что Жюльен собирался перевести эту книгу на французский язык, но их предупредили петербургские французы St. Thomas et Jauffret, которые издали карамзинскую «Историю...» в 1819-26 гг. Ему, вероятно, были также известны лестные отзывы об «Истории...»

в Revue Encyclopédique (IX [1821] г., стр. 382, XVIII, 1823 г., 119-120 и рецензия Héreau, XIX [1823] стр. 688-89).

¹¹ О Дмитриеве, Державине, Озерове, см. предисловие.

¹² О Пушкине, см. предисловие. Гений Пушкина Вяземский определяет, как *легкий* дар нашей северной музыки (*un léger don de notre Muse du Nord*). Позднее он писал о пушкинской поэзии:

Мечты, стих звучный, *легкокрылый*... (курсив мой. Ю. И.).
(из стихотворения Англичанке 1855 г. Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. XI, стр. 192).

А в эпилоге Кавказского Пленника (1820-21 гг.) Пушкина мы читаем:

Так муза, *легкий* друг мечты... (курсив мой Ю. И.)
Здесь Вяземский и Пушкин совпадают: оба ценили в поэзии *легкость*.

¹³ Второй герцог Ангулемский — это цесаревич Константин Павлович (1780-1831), командовавший русскими войсками в Царстве Польском (с 1816 г. до смерти). Louis Antoine de Bourbon Duc d'Angoulême (1775-1844), дофин, старший сын графа Артуа (позднейшего Карла IX), который по поручению держав Священного Союза подавил революцию в Испании. Вяземский и даже Карамзин испанской революции сочувствовали. Называя Константина Павловича «вторым герцогом Ангулемским», Вяземский осуждает обоих и высказывает сочувствие и испанским и польским революционерам. В 1831 г. цесаревич Константин пытался подавить польское восстание, но умер до разгрома его.

¹⁴ Николай Николаевич Новосильцев, граф (1761-1838), с 1815 г. возглавлял русскую администрацию в Польше.

¹⁵ Морозевич: вероятно Kalikst Morozewicz (1799-1874), польский политический публицист, много печатал на французском языке, эмигрант (после 1831 г.). См. Bibliografia Polska K. *Estreichera*, III 1876; Ilustrowana Encyklopedia, III, 1927.

¹⁶ Молодой офицер, сотрудник Revue Encyclopédique: может быть это Петр Андреевич Габбе (по предположению С. Дурыллина, Лит. Насл., 31-32). Он родился в 1796 г., заболел душевной болезнью в 1833 г. Дата смерти неизвестна. Штабс-капитан Лейб-Гвардейского Литовского полка, стоявшего в Варшаве. В 1823 г. был разжалован в солдаты «за дерзкие суждения о высших себя в чине и даже начальниках» (ОА, II, 461-463). О его книге Биографическое похвальное слово г-же Стааль Вяземский дал одобрительный отзыв в Сыне Отечества (№ 29, 1822 г.; Полн. Собр. Сочин. Вяземского, I, 73-83, см. также ОА, II, 461-63). Но факт сотрудничества Габбе в Revue Encyclopédique не установлен.

¹⁷ Один из братьев жены Вяземского: князь Василий Федорович Гагарин (умер в 1829 г.) или князь Федор Федорович Гагарин (1787-1863). См. ОА, III.

¹⁸ Dupré de Saint-Maur, Emile (1772-1854), автор сатирических стихотворений, переводчик русских поэтов, в конце 10-х гг. был в России. В 1823 г. опубликовал *Antologie russe, suivie de Poésies originales* (на эту книгу Вяземский ссылается в письме II), а в 1829 г. *L'Ermité en Russie...* (ОА, 1, 288).

С о к р а щ е н и я :

ОА: Остафьевский Архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, редакция и примечания В. И. Саитова, С.-Петербург, 1899-1909 гг.

РЕ: Revue Encyclopédique, Paris.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ПИСЕМ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Ренэ Галлан (René Galland)

Письма Вяземского характерны для определения знания французского языка представителями русской аристократии в пушкинскую эпоху.

Большинство найденных нами ошибок — орфографические. Ударения расставлены неправильно в следующих словах (цифры в скобках указывают страницы): *châtiée* вместо *châtée* (44); *ne fut-ce* вместо *ne fût-ce* (44); *pâtrie* вместо *patrie* (45); *par la même* вместо *là même* (45); *sure* вместо *sûre* (46); *chôse* вместо *chose* (47); *j'ai du* вместо *j'ai dû* (48); *entâché* вместо *entaché* (49). Буквы добавлены, отсутствуют или заменены другими: *apperçus* вместо *aperçus* (45); *souterrain* вместо *souterrain* (47); *courrent* вместо *courent* (49); *officiële* вместо *officielle* (49); *phisiques* вместо *physiques* (50); *Quand aux noms* вместо *Quant aux noms* (50). Не соблюдены правила о согласовании прилагательных и глаголов: *entre'autre* вместо *entre autres* (46); *cette réunion de noms n'existent point* вместо *n'existe point* (46); *tous mes compatriotes bien pensant* вместо *bien pensants* (47); *grand garçons* вместо *grands garçons* (47); *les opinions qu'il auroit énoncé* вместо *énoncées* (49); *les bulletins littéraires qu'il vous a adressé* вместо *adressés* (49); *ceux de mes compatriotes que je vous aurai adressé* вместо *ad-*

ressés (50). Все эти ошибки могли быть сделаны и природным французом. Лишь некоторые незначительные погрешности указывают, что эти письма написаны иностранцем. Француз не повторит местоимений в следующей фразе: *il me seroit surtout difficile à moi* (49); француз не скажет *russiser* вместо *russifier* (49). Наконец, Вяземский расставляет запяты на русский лад, а не по правилам французского правописания. Тем не менее, следует признать, что Вяземский прекрасно владел французским языком. Он постоянно пользуется литературными идиомами. Несмотря на некоторые указанные выше погрешности его французский стиль, — это стиль образованного француза той эпохи.

ДВА ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ

Приготовил к печати Дм. Чижевский

В библиотеке Гарвардского университета находятся два письма Гоголя.

1.

Первое из них занимает всего одну страницу сложенного вдвое листа размером 14 x 20 см. Оно содержит всего 14 строк:

[Франкфурт]

[6-12 апреля 1844 г.]¹

Христос Воскресе

От всей души и от всего сердца поздравляю Вас с светлым праздником, Марью Петровну со всеми вашими детьми и внуками и всем что Близко [так!] вашему сердцу. О Друзьях моих я вспоминаю всегда, но в день Светлого Воскресенья² больше чем когда либо. Христос Воскрес.

Ваш весь³

Н. Гоголь

Примечания:

¹ Датирую по соображениям, изложенным ниже.

² «В» в слове «Воскресенья» исправлено из «в».

³ «весь» было написано «весь», затем исправлено.

Хотя в письме нет обращения к адресату и нет даты, но и то и другое установить возможно: «Марья Петровна», упоминающаяся в письме, несомненно М. П. Балабина (1820-1901), ученица Гоголя в 1831 г., а после 1836 г. одна из его корреспонденток. В 1836 г. Гоголь снова встретился с нею и с ее родителями и настоящее письмо, несомненно направлено к матери Марии Петровны, Варваре Осиповне Балабиной, фран-

цуженке по рождению. В. О. Балабиной адресовано еще два письма Гоголя (Академическое издание, т. XI, номера 49 и 148). Датировка письма облегчается следующим обстоятельством: привет Марье Петровне показывает, что дочь еще жила с родителями, между тем осенью 1844 г. она вышла замуж за инженера А. Л. Вагнера и рассталась с родительским домом. Что письмо написано именно в 1844 г. показывает его внешнее сходство с рядом писем — поздравлений со Светлым Праздником, которые все относятся к этому году и все, в отличие от обычной формы писем Гоголя начинаются со слов «Христос Воскресе», стоящих над обращением к адресату и дальнейшим текстом письма. Эти письма написаны из Франкфурта, где Гоголь гостил у Жуковского: к матери — 6 апреля, к А. О. Смирновой — 7 апреля, к Л. К. Вельгорской, С. М. Соллогуб и С. И. Соллогуб — 12 апреля (см. цит. издание том XII, номера 174, 175, 176, 178 и 179, стр. 280, 282, 284, 286 и 287). К этим адресаткам надо присоединить и В. О. Балабину. По всей вероятности, письмо написано 12 апреля, но, возможно и несколько ранее. Но именно 12-го Гоголь «вспомнил о своих друзьях»!

Письмо Гоголя, не представляя по содержанию ничего особо интересного, заслуживает внимания. Гоголь относился к семейству Балабиных с особой любовью. Кроме Варвары Осиповны и Марьи Петровны он был знаком, переписывался и встречался (еще в последние годы жизни в Одессе) и с другой дочерью Балабиных, Елизаветой, бывшей замужем за кн. Репниним. Сохранилось 10 писем Гоголя, адресованных Марье Петровне Балабиной (цит. изд. т. XI, номера 30, 62, 86, 110, 122, т. XII, номера 6, 11, 90 и 196). Известны и 4 письма Марьи Петровны Гоголю, все 1844 года (изданы Шенроком в «Материалах» том IV, стр. 922-925). Письма Гоголя Балабиной нередко дышат юмором; одно письмо написано по итальянски. Из писем М. П. Балабиной видно, что не все письма Гоголя сохранились: в частности в начале 1844 г. Гоголь написал ей большое нам неизвестное письмо, в котором высказывал свои взгляды на брак и семейную жизнь. Наше письмо является одним из этих утерянных писем Гоголя Балабиным. Оно показывает, что где-то за границей имеются вероятно и дальнейшие письма из архива Балабиных; одно письмо В. О. Балабиной находится в Берлинской (быв. Прусской) Библиотеке (см. номер 148, в т. XI цит. издания), впервые издано г-жей *Цельм* (Elinor Zelm, Zeitschrift fuer slavischen Philologie, XIV 1937, 1-2, стр. 59). Надо полагать, что и другие утерян-

ные письма сохранились. Переписка Гоголя с Балабичами не оставила следов после 1844 г., а позже он, вероятно, им уже не писал, но передает обычно поклоны через П. А. Плетнева (см. письма Плетневу от 10.VI.1847, 14/26.II.1849, 15.VI.1851).

2.

Второе письмо Гоголя представляет собою только небольшой отрывок, уже опубликованный: в Русской Старине 1918, 1-2, стр. 26 и перепечатанный оттуда в Академическом издании том XIII, стр. 371-2, номер 208. Это заключительные строки письма, направленного Н. Прокоповичу, вероятно из Остенде в августе 1847 г. Печатаю его здесь с сохранением орфографии подлинника, весьма своеобразной и искаженной в публикации Русской Старины:

[то]¹ Въ Неаполѣ пробуду еще до февраля. въ февралѣ отправляюсь на Восток, а оттуда в Россію² и если Богъ устроитъ все благополучно то можетъ быть будущимъ лѣтомъ увидимся въ Петербургѣ. Прощай

Твой Н. Г.

На обороте адрес:

St. Petersbourg - Russie
Его Высокоблагородію
Николаю Яковлевичу
Прокоповичу

Въ Петербургѣ

На Васильевском Островѣ въ 9 линіи
между большимъ и Среднимъ
проспект[ами] въ Собственномъ Домѣ.

Орфография, в частности употребление больших букв и знаков препинания, характерна.

Примечания:

¹ «то» зачеркнуто.

² «в» исправлено из «на».

ОТРЫВОК ЧЕРНОВИКА «ЗАПИСОК ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» ДОСТОЕВСКОГО

Приготовил к печати Дм. Чижевский

1.

Публикуемый ниже отрывок принадлежит библиотеке Гарвардского университета (Houghton Library). Рукопись содержит начало 2-ой главы II-ой части «Записок». Эта глава печатается в современных изданиях под названием «Продолжение», т. к. это непосредственное продолжение 1-ой главы II-ой части «Госпиталь». Рукопись заполняет двойной лист в большую 4° (22½ x 29 см.) и является черновиком; значительное количество поправок растет от «страницы к странице, растет число вставок между строками, последняя страница имеет, кроме того, три обширных приписки на полях и внизу страницы.

Мы можем с некоторой степенью вероятности установить время возникновения рукописи. Она представляет начало той части «Записок», которая появилась в февральском номере «Времени» 1862 г. Здесь были напечатаны главы 2-ая II-ой части (началом ее и является наша рукопись), и 3-ья (начало которой посвящено телесным наказаниям на каторге, а дальнейшая часть снова возвращает читателя в госпиталь)¹. Номер вышел 27 февраля 1862 г.² Так как январский номер вышел 1-го февраля, то надо предполагать, что набор февральского номера мог начаться только в конце января (последние дни перед выходом номера наборное отделение типографии уже не имеет работы, так как типография занята фальцовкой листов и брошюровкой). К этому времени рукопись должна была быть готова в окончательном виде. Но у нас есть и дальнейшие, к сожалению, очень случайные и неточные сведения о подготовке Достоевским «Записок». Уже

в первом письме брату после выхода из каторжной тюрьмы, Достоевский упоминает о том, что его тюремных впечатлений «на целые томы хватит»³. Врангель утверждает, что Достоевский работал над «Записками» уже в Семипалатинске в 1856 г. и даже будто бы читал ему «отрывки»⁴. Вряд ли это сообщение воспоминаний Врангеля, написанных через полстолетия, в 1908 г., соответствует действительности. В письме А. А. Майкову от 18 января 1856 г. Достоевский упоминает о записях своих *личных* переживаний на каторге⁵. Только в конце 1859 года (11 октября) Достоевский уже из Твери пишет брату о том, что «в голове» у него «план» книги «в шесть или семь листов» (т. е. в 96-112 страниц) о каторге⁶. «План», как видим, еще не был ясным: Достоевский написал книгу не в 6-7, а в 20 с небольшим листов! Хотя Достоевский в своих письмах не раз говорит о своих литературных планах, о плане «Записок» он ранее не упоминает вовсе. Вряд ли можно верить сообщению Врангеля, что Достоевский писал ему, что собирается начать печатать «Записки» в январе 1860 года; в сохранившихся письмах к Врангелю такого упоминания нет⁷. Этому противоречит и намеченный Достоевским в конце 1859 года в «Записной книжке» план работы *на 1860 год*⁸. Тут упомянуты (кстати, на четвертом месте в списке пяти тем для работы) «Записки каторжника (отрывки)»... Вероятно, Достоевский начал писать «Записки» только в феврале 1860 года. Во всяком случае, *первая редакция* «Записок» была готова осенью 1860 г. В сентябре она уже находится в цензуре⁹, была несомненно подана туда *не позже* середины августа (возможно, что только часть рукописи), так как в 67 номере газеты «Русский Мир» от 1 сентября было напечатано Введение и 1-ая глава¹⁰. Печатание следующих глав встретило цензурные препятствия (кстати, уже этот факт показывает, что «Записки» вряд ли попали в цензуру сразу целиком). Неожиданно препятствием оказалось не слишком мрачное изображение каторги, а, наоборот, излишне, по мнению цензуры, смягченные краски!¹¹ Три дальнейших главы после некоторых сокращений появились в трех номерах той же газеты только в январе 1860 года¹². Но в это время Михаил Михайлович Достоевский получил разрешение на издание журнала «Время» и Ф. М. Достоевский переносит с апреля 1860 г. печатание «Записок» в журнал своего брата¹³. Весь материал «Времени» поступал в цензуру и у нас нет никаких оснований предполагать, что «Записки» представляли исключение. Возможно, что уже тогда Достоевский перedefельвал

написанное ранее. Неожиданное для автора указание цензуры на возможность и даже необходимость более мрачных картин каторги и намеков, сделанный цензором, бароном Медемом, на то, что цензура может относиться менее строго к «Запискам», если они будут печататься не в газете, а в журнале¹⁴, должны были внушить Достоевскому мысль о переделке и расширении текста. «Дополнение», написанное Достоевским ко второй главе «Записок», показавшейся цензуре слишком мягкой (см. об этом далее), оказалось ненужным или нецензурным и не вошло в печатные издания¹⁵. Вероятно, главы, печатавшиеся впервые во «Времени» (начиная с 5-ой главы I-ой части), Достоевский обрабатывал наново. Вероятно, только теперь возник и план «Второй части»¹⁶: никаких иных оснований для выделения «Второй части» «Записок» в композиции произведения нет. О том, что всей рукописи в готовом виде у Достоевского не было в руках до декабря 1861 года, показывает то «извинение» редакции «Времени» перед читателями, которое появилось в объявлении о выходе в свет январской книжки журнала за 1862 г.: «Вследствие болезни Ф. М. Достоевского в этой книге могла быть напечатана только одна глава «Записок из мертвого дома»¹⁶. Эта глава (1-ая глава II-ой части) обнимала только 17 страниц журнала¹⁷, между тем обычно печаталось около 2-х печатных листов, т. е. 32 страницы «Записок» в каждом номере «Времени». Уже в 1861 г., очевидно, под влиянием блестящего успеха частей «Записок», печатавшихся в газете и журнале, у Достоевского появляется план книжной публикации произведения. В январе 1862 г. книга (или только новые ее части) снова находится в цензуре¹⁸. В середине января Достоевский подписывает с издателем А. Ф. Базуновым договор о печатании книги¹⁹, а 30-го января дается цензурное разрешение на печатание книги²⁰.

В январе 1862 г. рукопись книги должна была быть таким образом готова в ее окончательном виде. К сожалению, у нас нет сведений о произведенных цензурой сокращениях. Только рукопись Гарвардского университета делает вероятным, что такие сокращения были (см. ниже). Окончательная обработка книги перед вторичным ее представлением в цензуру была, по всей вероятности, связана с расширением текста. Очень вероятно, что только для «Времени» и книжного издания была написана *вся* вторая часть.

Из всех этих фактов можно сделать вывод, обладающий значительной степенью вероятности, что окончательная обработка рукописи «Записок» была закончена Достоевским толь-

ко в самом конце 1861 года. Мы знаем, с какой быстротой, граничащей с небрежностью и всегда в самый последний момент, работал Достоевский над рукописями своих произведений. Кстати и он сам признавался в этом в заявлении, напечатанном в «Эпохе»²¹. Окончательная обработка рукописи «Записок» происходила, вероятно, в самом конце 1861 г., непосредственно перед представлением рукописи для книжного издания в цензуру.

Рукопись 2-ой главы I-ой части, печатаемая ниже, очень близка к печатному тексту, но, конечно, не имеет вида рукописи, представленной в цензуру. С нашей рукописи был, конечно, сделан список, как увидим, еще выправленный автором. Эта последняя обработка и могла происходить в конце 1861 или даже начале 1862 г. Возможно, что именно окончательная обработка рукописи, а вовсе не болезнь, о которой говорилось в объявлении о выходе январской книги «Времени», привела к тому, что в конце декабря 1861 г. Достоевский мог дать в начинавшуюся печатью январскую книгу журнала только одну 1-ую главу II-ой части.

Предположение, что издаваемая нами рукопись возникла в самом конце 1861 года, конечно, является всё же только гипотезой. Поэтому я должен был выше очень часто повторять слова «вероятно» и «возможно». Не исключена возможность, что наша рукопись представляет собою последнюю стадию подготовки к представлению в цензуру «Записок» в 1860 году (вероятно, в начале осени), но всё говорит против этой возможности; в частности, надо считать мало вероятным, что уже тогда существовала «Вторая часть» «Записок».

2.

Каков характер нашей рукописи?

Рукопись представляется мне списком, сделанным авторской рукой с какого-то предварительного наброска. Авторский список, конечно, дает автору возможность снова изменять текст (мы хорошо знаем о таком характере работы по некоторым рукописям Гоголя или по не раз выправлявшимся автором «беловикам» Пушкина). Изменения в нашей рукописи, как кажется, подтверждают такое ее возникновение. Достоевский при списывании иногда повторяет слово два раза, иногда начинает писать то же слово во второй раз и, спохватившись, вычеркивает начало вторично написанного слова. Но прежде всего надо отметить, что в лежащем перед нами тек-

сте не заметно никаких изменений плана. Представляет интерес и одно, вычеркнутое Достоевским замечание, которое как будто отвечает на возражения цензуры, сделанные в сентябре 1860 г. против печатания «Записок» в их первоначальном виде: «человеколюбивый образ действий правительства могут принять за слабость определенных законом за тяжкие преступления наказаний»²². Достоевским тогда же (в сентябре 1860 года) было написано и переслано в цензуру «дополнение» ко 2-ой главе I-ой части. Цензура предпочла выпустить из 2-ой главы «опасные» места. Дополнение же появилось в печати только в 1922 г.²³. Надо полагать, что это «Дополнение» показалось цензурному ведомству «опасным» уже в другом смысле: в нем слишком упорно подчеркивалось, что главный элемент всякого тюремного наказания — лишение *свободы*.

После страницы, характеризующей «человеколюбие», доброту и даже «ласковость» врачей, Достоевский вписывает (не вполне обработанную в отличие от окружающего текста) фразу о том, что «народу нравится» «уравнивающее, нивелирующее» отношение врачей к больным, не как к людям, а просто, как к «интересным субъектам» (Достоевскому не пришло здесь в голову более удачное слово «пациентам»). Это настолько противоречило взглядам автора «Униженных и оскорбленных» (не говоря уже о сентиментализме «Бедных людей»), что Достоевский этой фразы не закончил обрабатывать и вычеркнул ее.

Основательной переработке подверглись некоторые места, в особенности заключительная часть нашего отрывка, посвященная наказанию шпицрутенами (палками) крещеного калмыка, Александра. В этом рассказе есть место, свидетельствующее о механическом характере списывания: Достоевский сначала написал: «в святом крещении нарекли арестантом» (вместо «Александром»), но тотчас же исправил свою ошибку.

Дальнейшая судьба рукописи состояла, очевидно, в том, что она была переписана и выправлена Достоевским еще раз, впрочем, уже довольно поверхностно. К поправкам автора относятся, вероятно, случаи замены отдельных выражений и слов другими. Вместо «начальника» напечатано — «кого-нибудь из начальства» (прим. к тексту нр. 31), «хоть не» заменено — «хоть и не так как» (39), «но почти также мучительна как и палки» — «но тоже очень мучительна» (40), «тело» — «кожу» (41), «прорезывают» — «протыкают»

(42), «раннего» (детства) — «нежного» (47), «будет» — «выйдет» (52), «и тут» — «опять» (57). В этих случаях имеем стремление уточнить выражение, иногда стилистические соображения (см. ниже). Есть и несколько более мелких поправок (ср. примечания 3, 14, 16, 25, 27, 38, 51). В двух случаях возможна небрежность переписчика, — пропущены слова: «— вот что ему надо —» (прим. 36), «стонами» (прим. 44). При переписке и печатании были исправлены некоторые особенности правописания Достоевского, писавшего отрицание «не» иногда вместе с глаголом, своеобразно употреблявшего соединительную черту и т. п. Наконец исправлены очевидные описки «у рту» (54), «серду» (56). Исправлено и ошибочное написание «febris catharhalis», но зато сделана ошибка, вошедшая во все издания: вместо написанного Достоевским «Sanus est» во всех изданиях до наших дней печатается «Sanat est» (или «Sanat. est») (прим. 24). Совершенно изменена интерпункция, которой Достоевский, особенно в позднейших частях рукописи, совершенно пренебрег.

Одно место не вошло в печатные издания, а именно два предложения, особенно подчеркивающие «человеколюбие» врачей: «Большая часть их умеет заслужить уважение и даже любовь простонародья. Они ласковы с больными, умеют их ободрить, почти совершенно не смотрят на лица, т. е. совсем одинаковы в своем обращении, не делают выгодных исключений, кому-нибудь одному перед прочими, человеколюбивы» (прим. 13). Это, по всей вероятности, цензурный пропуск, объясняющийся теми же соображениями, которые руководили цензурой в 1860 г., когда было приостановлено печатание 2-ой главы I-ой части «Записок», — «излишняя» мягкость картины. Это соображение очень странно, оно как будто бы исходит из предпосылки, что будущие преступники будут читать «Записки» и узнают из них о «слабости определенных законом за тяжкие преступления наказаний»! Впрочем, каких странных соображений не бывало у русской цензуры и того и последующего времени?

3.

Публикуемый отрывок «Записок» дает некоторое представление о характере работы Достоевского над своими рукописями. Прежде всего здесь встречаем естественные попытки найти более точное выражение, ближе передающее действительную ситуацию слово (вместо просто «уходил» — «про-

сился на выписку», вместо «тело» — «кожу» и т. п.). В ряде случаев Достоевский ищет более выразительного, менее обычного слова (вместо «упрашиваний» — «умасливаний» и т. п.). В некоторых случаях встречаем внимание к ритмике речи (тройкратное повторение слова «очень» — ср. прим. 57 к тексту; «самой тяжелой болезнью» — см. прим. 6 к тексту).

Вряд ли верно мнение Г. Чулкова, что Достоевский вовсе не пытался в «Записках» передать характер рассказа «мнимого автора», А. П. Горянчикова²⁴. Некоторое своеобразие стиля «Записок» в сравнении с другими произведениями Достоевского того же времени может быть отмечено, хотя бы основные черты этого своеобразия и носили по преимуществу «отрицательный» характер. Прежде всего это — некоторая намеренная беспорядочность изложения отдельных глав, но также и намеренная «неуклюжесть» отдельных предложений. Затем: повторения и оговорки, дополнения или ограничения уже сказанного и уступки возможным возражениям читателя. Наконец: сравнительно большое количество модальных слов. В нашем отрывке характерны исправления в рассказе крещеного калмыка: главным способом придать этому рассказу разговорный характер является «замедление» темпа рассказа и по сравнению с первоначальным текстом рукописи; замедление, однако, отнюдь не связано с более подробным изображением отдельных деталей, а сводится к повторению отдельных слов и выражений. Таким же образом строится и речь самого «мнимого автора», Горянчикова, правда, с несколько меньшим «примитивизмом». Характерно для «Записок» и отсутствие «острых формулировок», которые встретим у Достоевского в художественных произведениях того же времени и особенно в полемических статьях «Времени» и «Эпохи»²⁵. В «Записках» Достоевский как будто избегает их. Их заменяют в качестве «языковых пряностей» те отдельные выражения, остроты, пословицы и словечки каторжного языка, список которых Достоевский составил (опубликован Пиксановым)²⁶, очевидно, именно для работы над «Записками»; некоторые выражения из этого списка он использовал и много позже, даже еще в «Братьях Карамазовых». В нашем отрывке к таким выражениям принадлежат «запасные колотья», как кажется, появившиеся только при переработке первоначального текста.

Сравнительное исследование «Записок» и других произведений Достоевского того же времени даст, несомненно, более яркую характеристику стиля «Записок».

Следует отметить еще одно обстоятельство: описание жизни каторги в «Записках» не во всем соответствует фактам: достаточно сравнить с «Записками» письмо Достоевского брату от 22 февраля 1854 года²⁷, чтобы видеть, что Достоевский в художественном произведении, которым несомненно являются «Записки», многое изменил, многое смягчил, а некоторые линии своего рисунка провел резче и ярче, чем на то ему давали право его реальные переживания на каторге. Это совершенно понятно: художественный вымысел всегда последовательнее и «совершеннее» действительности. Именно этим, а не цензурными соображениями (или не только ими) объясняется введение Александра Петровича Горянчикова, как рассказчика и «мнимого автора» «Записок»...

Конечно, издаваемый здесь сравнительно небольшой отрывок рукописи не может дать исчерпывающей характеристики методов работы Достоевского над текстом своих произведений в конце 50-х и начале 60-х годов. Мы могли отметить только черты, проявляющиеся в работе над этим отрывком.

4.

В многочисленных работах, посвященных идеологии (или даже «философии») Достоевского, за немногими исключениями только бегло упоминаются «Записки». Конечно, те романы Достоевского, которые совершенно последовательно примыкают к традиции «дидактического романа», дают для этого гораздо больше материала. Ведь романы Достоевского (особенно «Преступление и наказание», «Идиот» и «Братья Карамазовы», отчасти и «Подросток») являются «дидактическими романами» в таком же смысле, как переводные повести древне-русской литературы («Варлаам и Иоасаф», «Акир Премудрый» или более позднее «Сказание о семи мудрецах» и т. д.)²⁸. Здесь нет, конечно, непосредственной генетической зависимости²⁹, но несомненна общность жанра, в частности — характерное для него соединение интересного, авантюрного или криминального сюжета с «поучениями» и наставлениями... Из дидактических романов Достоевского очень легко извлечь множество теоретических утверждений, принадлежащих или самому Достоевскому или созданным его творческой фантазией его «идейным противникам», которые выступают как действующие лица в каждом романе (ср. напр. идеи Раскольникова, Шигалева или Ивана Карамазова, иногда исследователями принимаемые за мнения самого Достоевского). Но и лишен-

ные явно выраженных дидактических нот «Записки» дают не мало материала для характеристики идей Достоевского, правда, не в их окончательном виде, а «in statu nascendi», в процессе возникновения и эволюции.

Даже в нашем небольшом отрывке мы встречаем несколько идеологических мотивов, очень существенных и повторяющихся в тексте «Записок», а затем в позднейших художественных и публицистических писаниях Достоевского. Интересно, что в двух местах — и только в них — Достоевским подчеркнуты те слова, которые связаны с этими идеологическими мотивами. Это «*среда*» и «*дух*». Или точнее — выражения «среда заела» и «дух народа».

«*Среда заела*» — формула, распространившаяся в 60-х годах по преимуществу в связи с «новым просвещенством», типичным мировоззрением «шестидесятников»³⁰: человек представляется продуктом «среды», будто бы всецело подчиненным ее влияниям и зависимым от нее. С этим взглядом Достоевский борется во всех своих больших романах, но и в публицистических статьях, особенно на темы «юридические»³¹: для него «среда» — только противостоящий отдельному человеку отнюдь не всемогущий фактор; духовное возрождение или перерождение человека возможно независимо от «среды», всегда и везде; понятию «среды» Достоевский противопоставляет понятие духовной общности, в которой «всякий за всех и за всё виноват» и представление о «свободе» человеческого духа.

Представления о «*духе (русского) народа*» играют в «Записках» не малую роль. Конечно в ближайшие годы, во «Времени» и «Эпохе» центрально иное понятие — «почва», понятие оставшееся невыясненным до конца в своем теоретическом содержании и в конкретной характеристике именно «русской» почвы. Но в «Записках» Достоевский не раз, во многих местах, по большей части не употребляя выражения «дух народа»³², возвращается к вопросу о характерных духовных особенностях русского народного характера, которым объясняет многое и в жизни такой узкой и исключительной сферы, как каторга...

В конце нашего отрывка, в основательно переработанном рассказе калмыка Александра повторяется еще один из основных мотивов «Записок»: утверждение, что человек — существо с «*необыкновенной способностью приспособления*» к обстановке. Здесь, правда, эта «приспособляемость» человека показана на довольно примитивном примере чисто «физио-

логического» приспособления, привычки к побоям. Но именно эта примитивность примера показывает особенно ярко, с какой настойчивостью Достоевский и в «Записках» стремится при всяком случае передать своим читателям некоторые свои мысли, в то время еще не достигшие окончательной ясности для него самого³³.

В набросанном и вычеркнутом Достоевским дополнении к первоначальному тексту нашего отрывка шла речь и о том *«уравнивающим, нивелирующим» отношении к человеку*, которое будто бы особенно ценится «простолюдем». Достоевский, как уже упоминалось, очевидно, счел эту формулировку мало удачной. Она, конечно, противоречит тому пониманию «человеколюбия», которое развито в соседних строках нашего отрывка, но сродные мотивы встречаем в печатном тексте «Записок» еще в двух-трех местах.

Приходится очень пожалеть, что русскому читателю Достоевского остается неизвестным написанное Достоевским по требованию цензуры «дополнение» во второй главе I-ой части «Записок»³⁴. В нем с полной ясностью уже намечена тема *«Хрустального дворца»* (конечно, без употребления этого выражения, появившегося у Достоевского после посещения «Хрустального дворца» на Лондонской Всемирной выставке) или идеального «муравейника», в котором человек может найти *всё, кроме свободы*.

Эти беглые замечания об «идеологическом содержании» «Записок», конечно, далеко не исчерпывают вопроса, но сделать их мне казалось необходимым, чтобы указать на необходимость анализа идеологических построений Достоевского даже в небольших отрывках его текстов.

Примечания к введению:

¹ Первая публикация этой главы: «Время» 1862 I, стр. 365 и следующие. При жизни Достоевского «Записки» были напечатаны еще 4 раза: в форме книги в 1862, 1865 (3 и 4 издания) и в 1875 гг.

² Л. Гроссман: Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. 1935, стр. 109,

³ Письма Ф. М. Достоевского. Том I 1928, № 60, стр. 139. Достоевский говорит здесь только о возможных темах и типах для *будущих* литературных произведений. Только вернувшись в Европейскую Россию, он увидел, насколько изменились цензурные условия, и только тогда у него мог возникнуть план изображения каторги в печати.

⁴ *А. Врангель*: Воспоминания о Ф. М. Достоевском. СПб. 1912, стр. 70. Достоевский, конечно, мог читать Врангелю какие-то предварительные наброски своих воспоминаний о каторге; возможно, что это были именно те заметки личного характера, о которых Достоевский говорит в письме Майкову, см. о них следующее примечание. Совершенно ни на чем не основано утверждение *А. Долинина*, что Достоевский «начал работать» над «Записками» не позже 1855 года. См. изданный *Долининым* сборник «Достоевский», том I 1922, стр. 359. Надо, впрочем, заметить, что *Долинин* писал в 1922 году, когда научная работа над биографией и произведениями Достоевского еще только начиналась!

⁵ Письма, I письмо № 75, стр. 164.

⁶ Письма, I № 128, стр. 263 сл.

⁷ См. *Врангель*, стр. 202-203.

⁸ *Н. Бродский*: Один из замыслов Достоевского, «Московский понедельник» 1922, номер 13, цит. у *Гроссмана*, стр. 97.

⁹ *Гроссман*, стр. 103. Прибавим, что в ноябре и декабре 1859 года Достоевский печатает (в «Отечественных Записках») «Село Степанчиково» и корректурой его занят до конца ноября (*Гроссман*, стр. 98), а затем еще в январе 1860 г. занят заботами о печатании двухтомного собрания своих сочинений в издательстве Н. А. Основского; «Собрание сочинений» выходит в свет не раньше начала февраля 1860 г. (цензурное разрешение 29 января 1860 г., *Гроссман*, стр. 101); в декабре он болен (*Гроссман*, стр. 100), а выздоровев, во второй половине декабря занят переездом из Твери в Петербург (там же). Работа над «Записками» могла начаться только в феврале 1860 года.

¹⁰ Библиографические сведения о печатании «Записок» см. в Собрании художественных произведений, изд. Госиздата, том III 1926, стр. 566-567, сведения о выходе номеров «Времени» — у *Гроссмана*, стр. 109.

¹¹ См. ниже.

¹² Номера 1, 3 и 7 от 4, 11 и 25 января.

¹³ См. письмо Достоевского в редакцию «Сына Отечества», Письма I, № 151, стр. 301.

¹⁴ Письмо Достоевского цензору, бар. Н. Медему от 20 сентября 1860 г. Письма I, № 149, стр. 300.

¹⁵ Напечатано впервые *А. Долининым* в цит. сборнике «Достоевский» том I, стр. 359-368, перепечатано в цит. собрании сочинений, том III, стр. 567-568.

¹⁶ Ср. примечание 11 и *Гроссман*, стр. 103. К сожалению, упоминающиеся там письма цензора А. Гиероглифова о «порядке пе-

чатания» «Записок» не изданы, между тем они могли бы пролить некоторый свет на историю возникновения «Записок».

¹⁷ *Гроссман*, стр. 110. Объявление было напечатано в «Искре», № 7 от 16 февраля 1862 г. Никаких иных сведений об этой болезни Достоевского нет. В январской книге «Времени» «Записки» занимают стр. 321-336.

¹⁸ *Гроссман*, стр. 110.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ «Эпоха» 1864 IV, стр. 51-55. В этой заметке Достоевский отмечает, что более тщательно он работал только над «Бедными людьми» и «Мертвым домом» (так!). Но именно это указание на менее спешную работу над «Записками», очевидно, имеет в виду их повторную переработку. Вряд ли работу в течение самое большее семи месяцев (начиная с февраля до — самое позднее — конца августа; весной Достоевский еще съездил в Москву) Достоевский мог бы считать упорной и продолжительной, особенно, если бы в это время была написана вся книга (более 20-ти листов).

²² Сборник *Долиннина* «Достоевский» I, 359-368.

²³ См. прим. 15.

²⁴ *Г. Чулков*: Как работал Достоевский? Москва. 1939, стр. 79. Иное впечатление было, как кажется, уже у *А. Милюкова*, ср. его статью в «Светоче» 1861, 5.

²⁵ Эти полемические статьи частью собраны в издании сочинений Достоевского в издании «Просвещения», том XXIII; более полный список их дан в примечании на стр. 95 цитированной книги *Чулкова*. Перепечатка этих статей была бы очень желательна, так как они почти совершенно недоступны современному читателю и даже исследователю. *Мною* была напечатана небольшая выборка из этих статей в журнала «Orient und Occident» VII 1931, стр. 1-10.

²⁶ *Н. К. Пиксанов*: Достоевский и фольклор. Советская Этнография, 1934, 1-2.

²⁷ *Письма* I, № 60, стр. 137 и следующие. Ср. еще передачу не вошедших в печатный текст рассказов Достоевского о каторге в «Воспоминаниях» *А. Милюкова* Русская Старина 1881, 5, стр. 36-40.

²⁸ О жанре дидактического романа см. замечания в *моей* книге *Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Frankfurt/Main 1948, 92-96* и в печатающейся *History of Old Russian Literature: 11-18 Centuries*.

²⁹ Не следует преуменьшать знакомство Достоевского с произведениями древне-русской литературы: о нем свидетельствует использование Достоевским публикации *И. И. Срезневского* «Хождения Богородицы по мукам» в «Братьях Карамазовых». В конце 50-х гг.

А. Пыпин печатал свои работы о старо-русской повести, в 1860-1 гг. вышли «Памятники древне-русской литературы», обработанные А. Пыпиным и Н. Костомаровым и изданные графом Г. Кушелевым-Безбородко, — издание в четырех томах было рассчитано на «широкую публику».

³⁰ См. об этом мою книгу «Гегель в России», Париж. 1939, стр. 246-259. Возражения о. В. Зеньковского в его «Истории русской философии», том I, Париж 1948, стр. 327, мне не представляются убедительными.

³¹ Ср. почти не замеченную историками литературы книгу В. Сэпир: *Dostojewsky und Tolstoi über Probleme des Rechts*. Tübingen. 1932, стр. 25 и следующие.

³² Следует подчеркнуть, что выражение «дух народа» вовсе не восходит к Гегелю, а гораздо старше и в Россию проникло, вероятно, уже под влиянием Монтескье. В немецкой литературе это выражение обычно уже в 18 веке, в чем легко убедиться просмотрев обширную статью в Словаре Якова Гримма "Geist". Ср. указанную в *моей* книге: Štùrova filozofija života. Bratislava, 1941, стр. 96-97, литературу.

³³ О том методе повторения, «оркестровки» своих излюбленных тем, который Достоевский применяет в своих романах см. замечания в *моей* статье: Schiller und die "Brüder Карамазов" в *Zeitschrift für slavische Philologie*, VI 1929, 1/2, стр. 6-8. Этот же метод применен Достоевским и в «Записках из Мертвого Дома».

³⁴ Ср. примечание 15.

Т Е К С Т*

(лист 1)   ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА

Часть 2-я

Г л а в а 2-я

Гошпиталь¹

Доктора обходили [палаты] по утру; часу в одиннадцатом [являлись они у нас] все вместе, сопровождая главного доктора,

---

* Курсивом (напр. *ученый*) напечатаны слова, вычеркнутые Достоевским в рукописи.

«Нрзб.» — обозначает «неразобрано», цифра перед этим сокра-

а прежде *него* них, часа за полтора, посещал палату [наш] ординатор. В то время у нас был ординатором один молоденький лекарь *ученый* знающий дело, ласковый, приветливый, которого очень любили арестанты и находили в нем только один недостаток: «слишком уж смирен». В самом деле он был *даже* [как-то] не разговорчив, даже как-будто конфузился [нас], чуть не краснел, изменял порции чуть не по первой просьбе больных и даже, кажется, готов был назначать им и лекарства по их-же просьбе. *В нем как бы соединялись вместе и доктор и 1 нрзб. милосердный.* [Впрочем он] Славный² был³ молодой человек. Надо признаться, *что* [много] лекаря [-ей]⁴ на Руси пользуются любовью и уважением простого народа и это, сколько я заметил, *и в чем [я с моей стороны] уверен*, — совершенная правда. Знаю, что мои слова покажутся парадоксом, особенно взяв в соображение вс[е]общее⁵ недоверие *простого* [всего русского простого] народа к медицине и к заморским лекарствам. В самом деле простолюдия скорее несколько лет сряду, *в [страдая] самой[ю] тяжелой[ю] болезни[ью]*⁶, будет лечиться у знахарки или своими домашними, простонародными лекарствами, (которыми отнюдь не надо пренебрегать), чем пойдет к доктору или [лежать] в гошпиталь⁷. *Это зачастую случается.* Но, кроме того, что *в этом тут*⁸ есть одно [чрезвычайно важное] обстоятельство, совершенно неотносящееся к медицине, именно: всеобщее недоверие всего простолюдья ко всему [что носит на себе печать] административному[-го], *форменного; а следовательно и к [мед] медицине*⁹, [—] кроме того народ запуган и предубежден против *медицины* [гошпиталей] разными *формен-*

нением указывает на число неразобранных слов. Так напр. «2 нрзб.» значит: «два слова неразобраны». Дело идет во всех случаях о тщательно зачеркнутых Достоевским словах.

Слова, поставленные в прямых скобках: [ ] добавлены Достоевским между строками или на полях. К сожалению, нельзя было различить слова, вставленные в текст в процессе писания и более поздние дополнения (см. во введении).

Прямые скобки внутри фразы, стоящей в прямых скобках обозначают вторую вставку во вставленный текст.

Курсив в скобках обозначает зачеркнутую вставку или часть ее.

Многоточие обозначает неразборчиво написанное окончание слова.

Жирный шрифт обозначает подчеркивания Достоевского.

ными [страхами, рассказами] нередко нелепыми, но иногда и¹⁰ имеющими свое основание. Но главное его пугают немецкие¹¹ порядки госпиталя, чужие люди [кругом] во все продолжение болезни, [строгости на счет еды] рассказы о настойчивой суровости фельдшеров и лекарей, *строгости насчет еды а главное рассказы о* [о] взрезывании и потрошении трупов и проч и проч.¹² К тому же [рассуждение [-ает] народ] господа лечить будут, потому что лекаря все таки господа. Но при первом [более близком] знакомстве с *доктора* лекарями [(хотя бы и не без исключений, но большею частью)] (*почти всегда*) все эти страхи *исчезает* исчезают в простомодные [очень скоро] *кроме разумеется некоторых исключений*, что по моему мнению, прямо относится к чести и славе докторов наших, *Опять таки 1 нрзб., кроме некоторых исключений, но слава Богу несчастных очень немногих, все [наши] лекаря* [преимущественно молодых]¹³. [Большая часть их] умеет заслужить уважение и даже любовь простонародья. Они ласковы с больными, умеют их ободрить, почти совершенно не смотрят на лица т. е. совсем *неодинаковы* в своем обращении, не делают выгодных исключений *вот... для кому-нибудь одному перед прочими* (лист 1, оборот) человеколюбивы. *а рассматрив... больного вообще как интересного субъекта, а не что [много этим] у простонародья выигрывают потому что [это] понятие о человеке, как о субъекте а не под [имеет в себе что то] уравнивающее, нивелирующее, а это то и нравится народу*¹³. [По крайней мере] Я *видел это между* [пишу о том, что] сам видел и испытал, неоднократно и во всех местах *и скоро и не думаю, чтоб не* имею оснований думать, чтоб в других местах слишком часто поступалось совершенно иначе. Конечно в¹⁴ *многих [иных] местах* [некоторых уголках] лекаря берут взятки, сильно пользуются от своих больниц, *и в[о] многих [некоторых] уголках*, в¹⁵ почти пренебрегают больными, даже забывают совсем медицину. Это еще есть; [но я говорю про большинство или лучше сказать про тот дух, про то направление, которое осуществляется теперь, в наши дни, в медицине. Те же отступники дела, волки в овечьем стаде], что-бы ни представляли *многие из них* в свое оправдание, какбы ни оправдывались [например хоть] *средой*, которая заела и их в свою очередь, — они¹⁶ всегда будут неправы, [особенно] если при этом потеряли и человеколюбие. А человеколюбие, ласковость, братское сострадание к больному иногда, *и это я верно говорю, нужнее* [нужнее больному [ему] всех лекарств] Пора [бы нам] перестать *а* апатически жаловаться на среду, что она нас заела. [Это положим правда, что она много в нас] За-

едает она и (правда) и во 1 нрзб., да не во всех [все]-же и часто иной хитрый и понимающий дело плутик преловко прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и мошенничество [и просто подлость], особенно если умеет красно говорить и [ли] писать. Я [А а нашей медицине видать заметен прогресс и даже 1 нрзб. неотрадные явления исчезают и исчезнут совершенно про все 1 нрзб. в такой [и] нашем 1 нрзб. недалек Впрочем я [опять] отбилсь от темы; я хотел только сказать, что простой народ недоверчив и враждебен [не] к медицине, большую частью до тех только пор, пока с нею лично порядком не познакомился[-тся], пока здоров, неболен¹⁷. [потому что враждебен к госпиталям и к некоторым госпитальным порядкам]^{17, 18} [более]¹⁹ [а к их администрации [медицинской] а а не к лекарям] Узнав (-же) каковы они на деле [он] быстро теряет [многие из] своих предубеждений и опять таки скажу вся слава [честь] в том [этого] принадлежит почти исключительно принадлежит одним лекарям; не Прочая-же обстановка [всех наших лечебниц] до сих пор несколько [во многом] не соответствует некоторым [духу народа]²⁰ ожиданиям и кроме того до сих пор враждебна своими порядками привычкам нашего простолюдья и не в состоянии приобрести полного доверия и уважения народного [Но в том то и дело, что народ умеет отличать лекарей от госпитальной администрации]. Так мне по крайней мере кажется, Что же касается до военных госпиталей А это очень важное дело²¹ [из некоторых моих [собственных] впечатлений],

[Наш] В Ординатор обыкновенно останавливался перед каждым больным, серьезно и [чрезвычайно] внимательно осматривал его и опрашивал, назначал лекарства, переме порции. Иногда [он] и сам видит [замечал], что больной ничем неболен; но так-как арестант пришел или отдохнуть от работу[ы], или полежать на тюфяке [вместо голых досок и наконец] все таки в теплой к [комнате] а не [в] сырой кордегардии и где в тесноте содержатся иногда страшная [тесная] [густые] вуча [и] под бледных и испитых подсудимых (подсудимые у нас почти всегда, по всей Руси, бледные и испитые — признак что их содержание и нравственное [душевное] состояние почти всегда тяжело[ее] чем у решеных) — то наш ординатор споккойно записывал им какую-нибудь Febris catarrhalis и оставял лежать, иногда даже на неделю. Над этой febris catarrhalis²² все смеялись 1 нрзб. [у нас:] Знали очень хорошо, что это притворная болезнь [принятая у нас и всех-т]²³ [принятая у нас по] условные [«запасные»] колотья» как называли арестан-

ты, да какому-то обоюдному согласию между доктором и больным формула для обозначения притворной болезни; «запасные колотья» как переводили [сами] арестанты febris catharhalis²². Иногда больной злоупотреблял мягкосердием лекаря и продолжал лежать, до тех пор пока его не выгоняли силой. Тогда нужно было посмотреть на нашего ординатора: он как будто робел, как будто стыдился прямо сказать больному, чтобы он выздоравливал и скорее бы *просились* [просился] на выписку, хотя и имел полное право, просто запросто, без всяких *скор* разговоров и (лист 2) *упрашиваний* [умасливаний] *прямо* выписать его, написав ему в скорбном листе sanus est²⁴. Он сначала намекал ему, потому²⁵ как бы *упрашивал*: «Не пора-ли дескать? ведь уж ты почти здоров, и проч. а [в палате] тесно и проч. и проч. до тех пор пока больному самому становилось *стыдно* [совестно] и он сам *уходил* наконец просился на выписку. Старший доктор, хоть и был *очень* [и] человеколюбивый и честный человек — [*хороший человек [так что] его тоже*] ([его тоже очень] любили больные), — но был несравненно суровее, решительнее [ординатора] даже *страх* [при случае выказывал суровую строгость] и за это его *вовсе* [у нас] *очень ува* [как-то] особенно уважали. Он являлся в сопровождении всех гошпитальных лекарей, *уже сов*²⁶ [после ординатора], тоже свидетельствовал каждого по одиночке, особенно останавливался над трудными больными, всегда умел сказать им доброе, ободрительное, часто даже задушевное слово и вообще производил хорошее впечатление. Пришедшим с запасными колотьями он никогда не отвергал²⁷ и не отсылал назад; но если больной сам упорствовал, то просто запросто выписывал его: «Ну чтож, брат, полежал довольно, отдохнул, ступай, надо честь знать». Упорствовали обыкновенно или ленивые до работ, особенно в рабочее, летнее время, или из подсудимых, ожидавших себе наказания. Помню с одним из таких употреблена была *даже* особенная строгость, [жестокость даже], чтобы склонить его к выписке. Пришел он главною болезнью²⁸; глаза красные *сам* жалуется *что на* [на] сильную [колючую] боль [в глазах]. Его стали лечить мушками, пьвяками, брызгами в глаз какой-то²⁹ разъедающей жидкостью и проч. но болезнь все-таки не проходила, глаза не очищались. Мало по малу догадались доктора, что *он* болезнь притворная: воспаление постоянно небольшое, хуже не делается, да и не вылечивается, все в одном положении, — случай подозрительный. Арестанты-же все [давно уже] знали что он притворяется и [людей] обманывает, хотя *это* он сам не признавался в этом. Это был молодой парень даже красивый собой, но производив-

ший какое-то неприятное впечатление на всех [нас] — скрытый, подозрительный, нахмуренный, ни с кем не говорит, [глядит исподлобья] от всех таится, точно всех подозревает. Я помню иным даже приходило в голову, чтоб он не сделал чегонибудь. Он был солдат, сильно проворовался, был уличен, и ему выходила тысяча палок и арестантские роты. Чтоб отдалить минуту наказания, как я уже упоминал прежде³⁰, решаются иногда *на стр* подсудимые на страшные выходы: пырнет ножом накануне казни начальника³¹, али³² своего-же брата арестанта — его и судят³³ по новому и отдаляют [-ется] наказание, еще месяца на два и цель [его] достигнута-ается. [Ему] Нужды нет до того, что его будут *колотить* наказывать через два же месяца вдвое втрое суровее; только-бы теперь[-то] отдалить *на* [грозную] минуту³⁴ [хоть на несколько дней]³⁵ а там что-бы ни было; [— вот что ему надо —]³⁶ — до того бывает [иногда] силен упадок духа в этих несчастных. У нас *иные* [иные уже] шептались промеж себя, чтоб остерегаться его; пожалуй зарежет кого-нибудь ночью. Впрочем так только говорили, а особенных предосторожностей никаких не брали; [даже те, у которых койки приходились с ним рядом]. Видели впрочем, что он поночам³⁷ растирает глаза известкой с³⁸ штукагурки, *теб* и чем-то еще другим, чтоб к утру [они] опять *были* [стали] красные. Наконец главный доктор погрозил ему заволокой. В упорной глазной болиezni *чтоб* продолжающейся очень долго и когда уже все [медицинские] средства [бывают] испытаны, чтоб *не лишиться совсем зрения* [спасти зрение, доктора] решаются *иногда* на сильное и мучительное средство: ставят больному заволоку, точно лошади. Но бедняк и тут не согласился выздороветь. Что за упрямый был это характер, или уж слишком трусливый: *Палки* [Ведь] заволока была *почти* [хоть не]³⁹ палки, но почти также мучительна как и палки⁴⁰. *Больному* Больному собирают сзади на шее все тело⁴¹ рукой, сколько можно *более* захватить, прорезывают⁴² все захваченное тело ножом, отчего происходит широкая и длинная рана [по всему затылку] и продевают в эту рану *широкую* холстинную тесемку, довольно широкою, [почти *так* в палец] потом каждый день в определенный час, эту тесемку передергивают в ране, так что как будто вновь ее⁴³ разрезают, чтоб рана вечно гноилась и незаживала. Бедняк переносил [впрочем] с ужасными мученьями [и] стонами⁴⁴ эту пытку [упорно] несколько дней и наконец только согласился *выздороветь* [выписаться]. Глаза его в один день стали совершенно здоровые и как только зажила его шея, он отправился

е на абвахту, чтоб назавтра же выйти⁴⁵ опять на тысячу палок. *Как-то жаль было бедняка.*

(Лист 2, оборот) Конечно тяжела минута перед наказанием, *так* тяжела до того, что может быть я грешу, называя *ее* [этот страх *арестанта*] малодушием и трусостью. Стало быть тяжело когда *решаются на* [подвергаются] двойному, *на трой* тройному наказанию, только бы не сейчас, [оно исполнилось]. Я упоминал впрочем и о таких, которые сами просились скорее на *выписку* выписку, [еще] с незажившей от первых порок спиной, чтоб выходить остальные удары и окончательно выйти из под суда⁴⁶; *Содержание которое* а содержание под судом, на абвахте конечно для *иных* [всех] несравненно хуже каторги. Но кроме разницы темпераментов, большую роль играет в решимости [и бесстрашии] некоторых закоренелая, *древняя* [всегда] привычка к ударам и к наказанию. Многократно битый как-то укрепляется духом [и спиной] и смотрит наконец на наказание [скептически] почти как на малое неудобство и *совсем* [уже] не боится его. Говоря вообще это верно. Один наш арестантик, из особого отделения, крещеный калмык, Александр или Александра, как звали его у нас, странный малый, *пл* плутоватый, бесстрашный и в то же время *смирный* [очень] и добродушный, рассказывал мне как он выходил свои четыре тысячи, рассказывал смеясь и шутя, но [тут-же] клялся пресерьезно, что если с детства, с самого раннего⁴⁷, первого своего детства он не вырос под плетью, от которой буквально всю жизнь его в [своей] орде не сходили рубцы с его спины, то он бы ни за что не вынес бы этих четырех тысяч. Рассказывая он *пресерьезно* [и⁴⁸ как-будто] благословлял это воспитание под плетью. «Меня за все били [Александр Петрович] говорил он [мне раз сидя *иногда* на моей койке, под вечер перед огнями,] за все про все, за что ни попало, били лет пятнадцать сряду, [с самого того дня как себя помнить начал] каждый день, по несколько раз; небил кто не хотел; так что я под конец уж совсем привык» Как он попал в солдаты не знаю, не помню, впрочем, может он и рассказывал; [это был всегдашний бегун и бродяга.] только помню его рассказ о том, как он ужасно струсил, когда его приговорили к четырем тысячам, за убийство начальника. «Я знал что меня будут наказывать строго, и что может из под палок не выпустят и хоть я и привык к плетям, да ведь четыре тысячи палок. — шутка! да еще [все] начальник [ство] [скажи-но было, поклялся что] озлилось!⁴⁹ что не знал я, наверно знал что не пройдет даром; не выхожу, не выпустят⁵⁰ из под

палок. Я сначала попробовал было окреститься, думаю авось простят и хоть мне свои-же [тогда-ж]⁵¹ говорили, что ничего [из этого не будет]⁵² не простят, да думаю все таки попробую, все таки *как-то* [им] жалче *им* будет крещеного-то. Меня и *в само* [в самом деле] окрестили [при святом крещении] нарекли *арестантом* [Александром ну] а палки [мне] все таки *не простили* [палками остались] Хоть-бы одну простили; даже обидно [мне] стало. *Да* [Я и думаю про себя:] постой же я вас [теперь]⁵³ всех [и взаправду] шадую. И ведь что вы думаете Александр Петрович, надул! Я ужасно умел хорошо мертвым представиться, то есть не [то, чтобы совсем] мертвым, а вот-вот сейчас душа вон из тела [уйдет]. Повели меня; ведут одну тысячу: жжет, кричу; ведут другую, ну, думаю, конец мой идет, из ума совсем вышибли, ноги *нейдут* [подламываются], я грох об землю: глаза у меня стали мертвые, лицо синее, дыхания нет, пена у рту⁵⁴ — Подошел лекарь: сейчас говорит умрет. Понесли меня в госпиталь а я тотчас ожил. Так меня еще два раза потом выводили [и уж злились они очень на меня злились а я их еще два раза надул] *на третьей тысяче плечи едв...*⁵⁵ [третью тысячу только одну прошел, обмер] а как попол четвертую так каждый удар *2 нрзб.* [как ножом по сердцу⁵⁶ *пройдет* проходил], каждый удар за три удара *идет*; [шел, так больно били! Остервенились на меня] Эта то вот [1 нрзб.] скаредная последняя тысяча [(чтоб ее!..)] всех *четырех* [трех первых] стояла, и кабы не умер я перед самым концом (всего палок двести только оставалось) *забили-бы* [тут-же] на смерть *Да я и тут надул* [Ну да и я *не про* я не дал себя в обиду и тут⁵⁷ надул и опять обмер, опять поверили, да и как не поверить, — лекарь верит] так что на двух стах то последних, хоть *1 нрзб.* [и⁵⁸ изо всей злости] били потом, так *больно*[-или], что в другой раз две тысячи легче, да нет, *2 нрзб.* [нос утри], не забили, а отчего не забили? А все *так выходит* тоже потому что *надул я их да с издетства под плетью рос.* Оттого и жив до сегодня. Ох били то меня били на моем веку! прибавил он [в конце рассказа] как бы в грустном раздумьи⁵⁹, [как бы силясь припомнить, и пересчитать сколько раз его били. Да нет, прибавил он, перебивая минутное молчание, и не пересчитать]⁵⁹ *2 нрзб.* [*не перечесть*] сколько били; да и куды перечесть! Счету [такого] не хватит». Он *однако-же* [взглянул на меня]⁶⁰ [и рассмеялся, но так добродушно, что я сам не мог не улыбнуться] ему в ответ^{60, 61} [*и рассмеялся* Знаете ли Александр Петрович я ведь и *во сне* [теперь] коли [что] [сон] *вижу* [ночью ви-

жу] так непременно что меня бьют; Оно бы других и снов у меня не бывает. Он действительно часто кричал по ночам⁶² и кричал [бывало] во все горло, так что его тотчас будили толчками арестанты: «Ну что, чорт, кричишь!»⁶¹. Был⁶³ [он] парень здоровый, [невысокого росту] вертлявый и веселый [лет сорока пяти или пятидесяти], жил со всеми *мирно* [ладно], и *хоть* [очень] любил воровать и очень часто бывал у нас бит за это, но ведь ктож у нас не проворовывался, и ктож у нас не был бит за *это*?⁶⁴ это?

Примечания:

1 В печатных изданиях «Продолжение», так как уже первая глава носила название «Госпиталь».

2 В слове «славный» прописная буква заменена маленькой.

3 В печатных изданиях «был славный».

4 После замены слова «что» словом «много», «лекаря» исправлено на «лекарей».

5 Сначала было написано «всобщее».

6 Достоевский исправил «самой тяжелой» на «самою тяжелою», «болезни» на «болезнью». В печатном издании было напечатано «болезнию».

7 Ср. текст введения.

8 Здесь «в этом» заменено «тут» в самом процессе писания, «тут» написано в строчку. Дальше такие места не отмечаются.

9 Начатое слово «мед» вычеркнуто, но затем рядом продолжено «медицине».

10 «и» в печатных изданиях отсутствует.

11 Написано «немѣцкіе».

12 В книжных изданиях, начиная со второго (1862) «и проч.». только один раз.

13.13 Текст начиная со слов «Большая часть их» в печатные издания не вошел. Печатался текст начиная со слов «по крайней мере». О вероятно цензурном характере пропуска см. введение.

14 «в» исправлено из «во».

15 Вычеркнутые слова Достоевский, судя по рукописи, несколько раз менял.

16 Слово «они» отсутствует в печатных изданиях.

17.17 Зачеркнутая фраза между этими цифрами вписана над зачеркнутой предыдущей строкой.

18 Окончание фразы заходит на второй лист.

19 «более» приписано на полях.

20 «Духу народа» вписано очень мелким почерком.

- 21 Последняя фраза, возможно, должна была быть началом продолжения этого абзаца (после слова «впечатлений»).
- 22 Достоевский два раза так написал слово «catharhalis»!
- 23 Вписано над зачеркнутым концом строки, после чего зачеркнуто и под строкой вписано последующее выражение.
- 24 Во всех печатных изданиях «sanat est» или «sanat. est»!
- 25 Так!
- 26 Недописано.
- 27 Так! В печатных изданиях «отвергал».
- 28 В 3. и 4. изданиях (1865) Достоевский исправил на «с главною болезнью».
- 29 В печатных изданиях «какою-то».
- 30 Достоевский ссылается на свой рассказ в первой части, в главе «Первые впечатления» (глава 4).
- 31 В печатных изданиях «кого-нибудь из начальства».
- 32 «али» исправлено из «или». В 5. издании (1875 г.) Достоевский восстановил «или».
- 33 Исправлено; как кажется, из «судит».
- 34 Слово «грозную» вписано над зачеркнутым «на минуту».
- 35 «хоть на несколько дней» вписано на полях.
- 36 В печатных изданиях слова: «вот что ему надо» отсутствуют.
- 37 В слове «поночам» (так!) буква «н» исправлена из какой-то другой, не разборчивой.
- 38 В печатных изданиях «со».
- 39 В печатных изданиях вместо «хоть не» — «хоть и не так как».
- 40 В печатных изданиях вместо «но почти также мучительна как и палки» — «но тоже очень мучительна».
- 41 В печатных изданиях вместо «все тело» — «кожу».
- 42 В печатных изданиях 1861 («Время») — 1865 г. вместо «прорезают» — «протыкают», в 5. издании 1875 г. Достоевский заменил это слово на «протыкая».
- 43 «ее» исправлено из «его».
- 44 В печатных изданиях нет слова «стонами».
- 45 «выйти» исправлено из «выдти».
- 46 См. рассказ о каторжнике Орлове в 4. главе первой части «Записок».
- 47 В печатных изданиях слово «раннего» заменено на «нежного».
- 48 «и» в печатных изданиях опущено.
- 49 Восклицательный знак исправлен из точки с запятой.
- 50 «п» исправлено из «д», вероятно, Достоевский начал писать слово «выдержу».
- 51 В печатном тексте «тогда».

Кавуто.

48, rue de Souai.

Кокресени, 18го дек. 72

Мотепримаат магоа ареша, икрену
Шарогаго граво го дучиеностиво гувембо,
Скумивуе Ханв Гауме мубно. Кочуноав
Доченетекано го гувивав менк Никозоко.
Ово боченалугров менк уно мовд, ради
сук ола ошав мовогр и паринава сиво
матературуно Карперу - димк л митовк те
гачуноав димк рочавитиу; но берупривавк
супраени, воборитк, савкк савивкк и ифр.
рочавитиу. Д. гувивав сиво мовиво гувивуе
нов. парогно "Куррков"; в мтк мк "Гувив"
сав предемивав менк, ност именов Карперовк
маино савривитиуно кечавитиу парин.
Скурано мовтко мю, рмо сав вобрав грк
пароди еруивитиуно вобтив, номтучениу
сино вк гувивитиуно мтк нд иав мурван
"Гувив", - вобтив, го кочуноав сав ошавк
менк Шаропривитиуно и кохавитиу мубиву.

- 52 В печатном тексте вместо «будет» — «выйдет».
- 53 Слово «теперь» отсутствует в печатном тексте.
- 54 Так! В печатных изданиях «у рта».
- 55 Окончание последнего слова — не буква «а».
- 56 Так! Конечно, «сердцу», как и в печатных изданиях.
- 57 В печатных изданиях вместо «и тут» — «опять».
- 58 «и» опущено Достоевским во втором издании (книжном 1862 г.).
- 59_59 Строки, стоящие между этими цифрами приписаны в рукописи внизу страницы.
- 60_60 Дополнение в правом нижнем углу страницы.
- 61_61 Текст между этими цифрами продолжает текст предыдущего дополнения и вписан на левом поле и в левом нижнем углу страницы.
- 62 Слово «ночам» исправлено из какого-то другого слова.
- 63 «Был» переправлено из какого-то другого слова.
- 64 «это?» зачеркнуто, вероятно, только потому, что дополнение 61_61 его окружило и переписчику могло быть неясным, куда это слово отнести.

ЗАПИСКИ И ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

М. А. И Н. А. МИЛЮТИНЫМ

Приготовил к печати Дм. Чижевский

До сих пор нет полного собрания писем Тургенева. Множество еще неопубликованного эпистолярного материала находится в архивах и частных собраниях в России и за границей. Кое что опубликовано в последние годы и в русских и в западно-европейских изданиях¹. Из этих публикаций видим, сколько нового для истории русской и западно-европейских литератур (в особенности немецкой и французской) еще могут дать пока неизвестные письма Тургенева². Библиотеке Гарвардского университета принадлежит ряд писем Тургенева, приобретенных в последние годы из заграничных частных собраний. Из них я публикую в этом сборнике письма Тургенева к Марии Аггеевне и Николаю Алексеевичу Милютиным. Письма эти не являются новостью. Через год после смерти Тургенева М. А. Милютина напечатала в «Русской Старине» 29 из этих писем и одно, сейчас не находящееся в собрании, с небольшими примечаниями («Иван Сергеевич Тургенев в записках и письмах к М. А. и Н. А. Милютиным. 1867-1875». Русская Старина. 1884, книга 1, стр. 175-294). Уже в «Первом собрании писем И. С. Тургенева (СПб. 1885) 20 из этих писем перепечатаны из «Русской Старины». В. П. Гаевский, редактировавший это издание опустил «по незначительности 10 записок к М. А. Милютиной» и перепечатал остальные (стр. 132, примечание 1). При этом в крайне небрежно составленный список писем вошли указания только на 18 из них (одно — № 129 — упомянуто, как направленное Полонскому), а в индекс (стр. 564) вошло только 12! (Пропущены номера 129, 144, 145, 149, 150, 154, 155 и адрес, поднесенный Милютину Тургеневым и напечатанный в «Первом собрании» в примечании на стр. 132-133). Это собрание

писем и до сих пор служит источником для историков литературы. Особый интерес вызвали два письма к М. А. Милютину: письмо от 15/3 декабря 1872 г., в котором Тургенев с горечью говорит о «пародии» на него Достоевского (в «Бесах»), и письмо от 6 марта/22 февраля 1873 г., в котором Тургенев кратко характеризует свое «миросозерцание». Эти письма полностью или в извлечениях перепечатываются до наших дней³.

К сожалению публикация «Русской Старины» далека не только от совершенства, но и от элементарной корректности. В то время считалось возможным и даже необходимым исправлять орфографию писем и вводить новую интерпункцию. Но важнее то, что та рукописная копия, с которой напечатаны письма в «Русской Старине», не была полной и точной. Вероятно сама Милютина «исправила» ряд неточностей, в некоторых случаях «смягчила» тон писем, в некоторых случаях опустила — правда, по вполне понятным причинам — те места, в которых Тургенев говорил о ее собственных литературных опытах, одно резкое место в письме о Достоевском, подчеркнула некоторые слова и т. п. В настоящем издании письма публикуются по живой орфографии, но с сохранением всех особенностей правописания и интерпункции Тургенева, особенно часто пользующегося знаком тире. — К опубликованному ранее письмам присоединено 7 дальнейших, еще не публиковавшихся до сих пор.

**

*

Николай Алексеевич Милютин (1818-1872) принадлежал к виднейшим деятелям крестьянской реформы Александра II. Он окончил Московский Университетский пансион и с 1835 г. служил в Министерстве Внутренних Дел. Уже в царствование Николая I Милютин выдвинулся, как добросовестный и знающий чиновник. Им был напечатан ряд дельных статистических работ. В эпоху великих реформ он принадлежал к кружку великой княгини Елены Павловны; ему принадлежит, осуществленный в 1856 г., еще до крестьянской реформы, проект освобождения крестьян в имении Елены Павловны, Карловке; такое раннее осуществление этого проекта показывает, что Милютин занимался вопросом об освобождении крестьян уже в царствование Николая I. В эпоху реформ он принял деятельное участие в «редакционных комиссиях», особенно с 1859 г., когда он стал товарищем министра внутренних дел С. Лан-

ского. Его назначение встречало серьезные затруднения, так как было известно, что он сообщал сведения Герцену в Лондон. После утверждения проекта освобождения, Милютину, как и Ланскому, была дана отставка. Ближайшие годы он провел по большей части за границей, где, между прочим, завязал знакомства с французскими либеральными политиками. После польского восстания 1863 г. он был снова привлечен к правительственной деятельности, как «статс-секретарь» по делам Царства Польского. Его инициативе принадлежит тот единственный пункт правительственных реформ в Польше, который надо признать хотя бы отчасти прогрессивным: крестьянская реформа в Польше, впрочем, определялась, главным образом, желанием правительства восстановить польских крестьян против помещиков⁴. В конце ноября 1866 г. после одного, очевидно, бурного заседания, Милютин перенес удар и должен был оставить службу. Уже весной 1867 г. он несколько оправился и смог с семьей выехать для лечения в Баден-Баден. Состояние его постепенно улучшалось и через полгода Милютины смогли совершать дальнейшие поездки в России и за границей. Проживая то в России, то за границей (в Германии, в Швейцарии, в Париже) Милютин дожил до января 1872 г. (умер 26 января)⁵.

Милютин был женат на сестре своего коллеги Александра Аггеевича Абазы (1821-1895), экономиста, в 1871-4 гг. государственного контролера, позже (1880-1881) министра финансов. Мария Аггеевна Милютина (1834-1903) была интеллигентной женщиной, с литературными интересами и даже пробовала свои силы в литературе (см. письма №№ 27, 29, 30). Как кажется, ей не удалось опубликовать своих литературных произведений. Но ее перу принадлежат очень живо и интересно написанные воспоминания, напечатанные в «Русской Старине» в 1899 г. Они касаются только ранней поры деятельности ее мужа, до 1859 г.⁶

Тургенев, конечно, знал о Милютине, как деятеле освобождения, и ценил его энергичное сопротивление всем попыткам задержать или сузить крестьянскую реформу. Мы, к сожалению, не знаем, когда Тургенев познакомился с ним лично. С А. А. Абазой он встречался уже в 1862 г. в Париже⁷. 19 февраля 1863 г. в Париже на квартире Н. А. Милютина состоялась небольшая банкет, на котором чествовали, как деятелей освобождения крестьян: Н. А. Милютину, декабриста Н. И. Тургенева и самого И. С. Тургенева (как автора «Записок охотника», как известно, признававшихся литературным

произведением, подготовившим освобождение)⁸. Следовательно, знакомство с Милютиным состоялось не позже этого дня⁹. В 1864 г. Милюгин предлагал Тургеневу поехать с ним на несколько дней в Польшу, очевидно, чтобы познакомить его с крестьянской реформой в Польше. Тургенев отказался¹⁰. Предложение Милютина показывает, что он считал Тургенева своим единомышленником в вопросах крестьянской реформы. В письме В. Боткину от 24/12 декабря 1866 г. из Баден-Бадена Тургенев запрашивает Боткина о состоянии здоровья Милютина¹¹. В начале 1867 г. Тургенев приезжает в Россию, 11 марта/27 февраля он посещает Милютиных (в те же дни он встречается с семьей А. А. Абазы)¹². Вероятно тогда же он посоветовал Милютиным поехать для лечения больного Н. А. в Баден-Баден¹³. Там и начинается их переписка, из которой сохранились печатаемые здесь письма Тургенева. Тургенев в Баден-Бадене, однако, поглощен жизнью семейства Виардо, занят постройкой собственного дома, кроме того имеет круг немецких знакомых и посетителей и встречи с Милютиным не слишком часты¹⁴. Кроме того, Тургенев, закончив работу над «Дымом», «отдыхает». Впрочем он уже тогда начинает работу над рассказом «Несчастная». В лице Марии Аггеевны Милютиной он находит благодарную слушательницу и ценительницу, и даже выслушивает ее замечания, по всем видимостям дельные (ср. письма №№ 11 и 14).

Хотя встречи с Милютиными в Баден-Бадене очень часто оказываются невозможными, но личные и письменные сношения с семейством Милютиных уже не прерываются. Тургенев в следующий приезд Милютиных в Баден-Баден 19 февраля 1868 г. принимает участие в устроенном небольшим числом находившихся там «славянофилов и западников»¹⁵ чествовании Милютина и прочитывает ему адрес (печатается ниже, как № 7). В следующем 1869 году Милютины снова приезжают за границу и, как мы знаем, живут в недалеко лежащем от Баден-Бадена Вильдбаде и в самом Баден-Бадене. Переписка с Милютиными не прекращается и позже — за границей и в России их пути иногда скрещиваются. А после смерти Н. А. Милютина продолжается по крайней мере до 1877 г. переписка с его вдовой (позже вышедшей замуж за некоего г. Стиля¹⁶). Правда, письма Тургенева являются только ответами на письма Милютиной. Сближение с семьей Милютиных поддерживает и то обстоятельство, что у Милютиных и Тургенева оказался ряд общих знакомых: И. П. Арапетов, В. Н. Ханыков, некоторые «люди сороковых годов» и т. д.

В 1876 г. Тургенев пытается устроить переводы стихотворений Гейне, сделанные сыном Милютиных, Юрием, в «Вестнике Европы», а в 1877 г., судя по хронологически последнему письму Гарвардского собрания, Тургенев принимает некоторое участие в подготовке материала для запоздалого чествования памяти Милютина: французской биографии его, написанной Анатолем Леруа-Болье (1884), и записок его вдовы (изданы в 1899). Во всяком случае он получил на просмотр этот материал и остается только пожалеть, что свое мнение он высказал только устно (см. письмо 37).

Интереснее всего письмо Тургенева барону «У. Ф.», помещившему в 1882 г. в «Baltische Monatshefte» резкую статью о польской политике русского правительства; в статье этой среди представителей правительства при «ликвидации» польского восстания 1863 г. упомянут и Н. А. Милютин. Тургенев ответил на эту статью письмом барону «У. Ф.» 13 октября 1882. В этом письме Тургенев пишет: «Le jugement que vous portez sur N. Milutine en est la preuve. Si j'ai beaucoup de réserves à faire sur son activité en Pologne (le mot d'œuvre de Tamerlan a été du reste employé par lui-même, il croyait y reconnaître une triste nécessité) — je n'oublierai jamais les services immenses qu'il a rendu à la Russie dans la cause de l'émancipation; et loin de voir en Milutine un mauvais génie, comme vous dites, je salue en lui un de nos grands — et rares — hommes d'état. Ce n'est certe pas sa faute si le grand acte de l'émancipation des paysans n'a pas produit tous les résultats, qu'on devait en attendre, mais bien celle des autres qui ont réussi à y introduire des clauses funestes...» (ПСП, 500-501). Таково последнее высказанное Тургеневым суждение о Милютине.

Примечания:

¹ Напр. 173 письма напечатаны в «Литературном Архиве» том IV 1953, два письма изданы *Альфредом Раммельмейером* в *Festschrift fuer D. Čuževskuj. Berlin. 1954*, издатель обещает публикацию дальнеших 7 писем Тургенева немецкому писателю Т. Шторму. Это только примеры.

² Опубликованные *Раммельмейером* письма Тургенева содержат интересные данные не только для биографии Тургенева, но и его немецких друзей, Т. Шторма и поэта Т. Мерике.

³ Например в 11 томе Собрания Сочинений Тургенева (Москва 1949) №№ 282 и 308.

⁴ См. П. Щебальский: Н. А. Милютин и крестьянская реформа в Польше. Москва. 1883, раньше напечатано в Русском Вестнике 1882, 10-12. Важны для характеристики деятельности Милютина в Польше (как и вообще его политических взглядов) Воспоминания Б. А. Чичерина. Том I, М. 1929, стр. 111 и далее, том II, М. 1929, стр. 130-135. Интересно, что будучи против немедленного введения (или восстановления) конституционного режима в Польше, Милютин не хотел, чтобы эти мысли были от его или Чичерина имени высказаны в печати, так как считал нежелательными *какие бы то ни было* высказывания против парламентарной системы вообще. «Польскую реформу» он считал временным мероприятием, «на 25 лет»... В литературе о Н. А. Милютине Воспоминания Чичерина не использованы (см. прим. 5).

⁵ После смерти Милютина вышел сборник «Н. А. Милютин. Некрологи» Москва 1873, позже книга А. Leroy-Beaulieu: Un homme d'état russe (N. Milutin), d'après sa correspondance inédite. Paris, 1884. Статья о деятельности Милютина, написанная А. Дживелеговым, вышла в сборнике «Великая Реформа», том V Москва. 1911, стр. 68-86. Имя Милютина и сведения о нем, конечно, встречаются во всей литературе о эпохе великих реформ и о «ликвидации» польского восстания 1863 г. Дневник его брата Д. А. Милютина, печатающийся с 1949 г. (до сих пор 4 тома), содержит только случайные воспоминания о брате, так как начинается после его смерти с 1873 г. См. еще прим. 6. Также Воспоминания Б. А. Чичерина. М. I-IV, особенно т. II, 1929 стр. 130-135.

⁶ Русская Старина XXX 1899, 1, 39-65; 2, 265-288; 3, 575-601; 4, 105-127. Вероятно ею было написано больше, на что указывает заглавие ее воспоминаний «Из записок М. А. Милютиной», а также ссылки на ее воспоминания в мемуарах сенатора Селиванова.

⁷ М. Л. Клеман: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. 1934, стр. 132.

⁸ Письмо П. И. Борисову от 6 марта/22 февраля 1863 г. Щукинский сборник, том VIII. Москва 1909, стр. 363. О себе Тургенев сообщает только, что была произнесена речь и в его честь.

⁹ Весьма вероятно, что знакомство состоялось ранее, но данных об этом нет. В 1858 г. Тургенев в Риме был представлен великой княгине Елене Павловне, к кружку которой принадлежал Н. А. Милютин, но, как кажется, в России Тургенев с этим кружком связей не поддерживал.

¹⁰ Письмо к Полине Виардо от 22/10 февраля 1864 г. (Современный Мир 1911, 12, стр. 180-181). Отказ Тургенева от поездки, о которой он писал «это более, чем интересно: это историческое со-

бытие», объясняется, вероятно, тем, что Тургенев не относился сочувственно к деятельности русского управления в Польше.

¹¹ *Клеман*, стр. 160.

¹² Письмо к Полине Виардо, *Современный Мир*. 1912, 1, 165.

¹³ Примечание *М. А. Милютиной* к письмам Тургенева, *Русская Старина*, цит., стр. 175.

¹⁴ См. Записки Тургенева *М. А. Милютиной*, №№ 1, 3, 5 и др.

¹⁵ *М. А. Милютина*, *Русская Старина*, цит., стр. 179.

¹⁶ По другим сведениям г. Сталя. О нем и дальнейшей жизни *М. А. Милютиной*, скончавшейся в 1903 г., я не мог найти сведений.

**
*

Текст писем издается по новой орфографии с сохранением остальных особенностей правописания Тургенева (в некоторых случаях особенности эти отмечены в примечаниях) и его интерпункции.

Примечания имеют целью прежде всего связать находящиеся в них сведения о жизни Тургенева с ранее известными фактами его биографии.

Письма печатаются в хронологическом порядке; те из них, которые поддаются только приблизительной датировке, помещены в конце того периода, к которому они по моему мнению принадлежат.

В текстах уже напечатанных ранее писем сделаны, кроме многочисленных поправок, дополнения по рукописям. Я считал излишним делать указания на эти поправки и дополнения, кроме нескольких особо интересных мест. Только одно слово в рукописи писем осталось неразобранным (в письме 30-м).

Письма перенумерованы мною. В скобках поставлены на первом месте номер письма в «Русской Старине» 1884 г., на втором — в «Первом собрании писем И. С. Тургенева» 1885; тире на втором месте обозначает, что письмо в издание 1885 г. не вошло. В прямые скобки: [ ] заключены мои дополнения или немногочисленные приписки Н. А. и М. А. Милютиных (почти исключительно даты). Без внимания оставляю поставленные кем-то на большинстве писем карандашом номера. Значение этих номеров совершенно неясно, тем более, что в некоторых случаях 2 или даже 3 письма носят тот же номер (напр. номер 4 имеют письма — при нашей нумерации: 1, 8 и 13), несколько писем остались без таких номеров. Письма в общем прекрасно сохранились; они повидимому были ранее вклеены в альбом, следы чего видны на некоторых из них. Повреж-

дения бумаги незначительны (кроме письма 34, которое было повреждено уже перед публикацией писем в «Русской Старине»), повреждений текста нет.

К запискам 1867 г. М. А. Милютин сделал примечание (Русская Старина, стр. 175), которое воспроизвожу здесь:

«Весной 1867 года, Николай Алексеевич Милютин с семейством выехал за границу и водворился на шесть месяцев в Баден-Бадене. Пребывание там Ив. Сер. Тургенева много содействовало этому выбору. По приезде нашем, однако, оказалось, что Иван Сергеевич совершенно поглощен семейством Виардо, постройкою дома (смежного с их домом), охотою, музыкою и домашними театральными представлениями. Он только что издал, за несколько месяцев перед тем, свой большой роман «Дым», и в полном смысле слова — отдыхал. Вслед затем он однако начал свою коротенькую повесть «Несчастливая», которую читал у нас в рукописи».

К сожалению, Милютин не сообщает, когда «Милютин с семейством» приехал в 1867 г. в Баден-Баден и поэтому трудно установить, когда они осенью уехали оттуда. Во всяком случае в феврале 1868 г. они снова были там. О их дальнейших передвижениях, поскольку они представляют для нас интерес, я делаю сообщения в примечаниях к письмам. Примечания более подробно останавливаются на лицах и событиях мало известных.

В дальнейшем заглавия часто цитируемых изданий приводятся в сокращении, а именно:

Клеман: *М. К. Клеман*: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. Москва-Ленинград. 1934.

ПСП: Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПб. 1884 (редакция *В. П. Гаевского*).

РС: Русская Старина.

Стасюлевич: Стасюлевич и его современники. Под редакцией *М. Лемке*. Том III. СПб. 1912.

ЩСб: Щукинский Сборник. Томы V и VIII. Москва. 1906 и 1909.

По книге *Клеман* цитируются архивные материалы (находящиеся в Советской России) или издания, оставшиеся мне недоступными.

Даты даются почти всюду по новому и старому стилю параллельно. В некоторых случаях невозможно установить, каким стилем пользовался Тургенев или его корреспонденты при датировке писем.

Не останавливаемся на вопросе о бумаге писем, так как она в нашем случае не имеет значения и отсутствует сравнительный материал в виде дальнейших писем Тургенева. Выбор бумаги случаен, многие записки писаны на оторванных от больших листов клочках.

1. (I, -)

[Баден-Баден]

[конец апреля или август-сентябрь 1867]¹

Любезная Мария Агеевна², сей день вернулся с охоты, — нашел Ваши письма и можете себе представить мое положение! Я действительно никуда негодный человек — однако если позволите, буду у вас завтра обедать, и зайду поутру — а теперь я [стр. 2] едва дышу от усталости. — поклонитесь Самарину³. Дружески жму Вам руку.

Ваш

Ив. Тургенев

Четверг

Примечания:

¹ Дата устанавливается на том основании, что М. А. Милютина поставила эту записку на первое место. Тургенев вернулся в Баден-Баден из России 19/7 апреля. Вероятно, сейчас же встретил Милютиных (см. впрочем, заметку о письмах выше). «Письма», о которых идет речь были, по всей вероятности, записками (публикуя письма Тургенева М. А. Милютина вместо тургеневского «письма» напечатала «записки»), посланными Тургеневу в его отсутствие. «Охота» могла быть весенней (в апреле), но возможно, что и осенней (в августе-сентябре).

² Тургенев пишет всегда «Агеевна», вместо правильного «Агеевна».

³ Самарин — Юрий Федорович Самарин, славянофил (1819-1876), но, возможно, что и один из его братьев Петр (1830-1901) или Дмитрий (1831-1901).

2. (VI, -)

[Баден-Баден]

[июль 1867 или февраль 1868 г.]¹
Среда утром.

L'homme propose et Botkine dispose, любезнейшая Мария Агеевна — я уверял третьего дня, что напишу письма — а вот приходится писать и отложить чтение до завтра, —

так как в силу полученной вчера телеграммы — *Великий Могол*² приезжает сюда сегодня в 1/2 1-го или в 1/2 4-го и я, имея неосторожность взять для него комнату не в Hôtel d'Europe, а l'Hôtel d'Angleterre, — должен с раболепством ожидать его на железной дороге. Но я вас всё таки сегодня увижу, — пока кланяюсь Н. А. и жму вам руку, преданный вам *Ив. Тургенев*³.

Примечания:

¹ Дата устанавливается по факту одновременного пребывания Боткина и Милютиных в Баден-Бадене. Боткин посетил Тургенева в июле 1867 г. Мы знаем о их встречах в Баден-Бадене 6 июля/24 июня и 17/5 июля (*Клеман*, 167). Боткин, правда, посетил обед в честь Милютина 19 февраля ст. ст. 1868 г. (см. письма 6 и 7), но мало вероятно, чтобы записка Тургенева относилась к этому кратковременному посещению Боткина.

² Василий Петрович Боткин (1810-1869), писатель на художественные и общие темы, друг «людей 40-х годов», в том числе Тургенева.

Интересно примечание, которое М. А. Милютина делает к сообщению о приезде Боткина: «Госпожа Карляйль, в только что изданных письмах (*Letters of J. W. Carlyle*) начертила очень сходный портрет его, описывая его первое посещение, и называя его мужу: «your translator» — твой переводчик. Боткин действительно перевел статью Карляйля *On heroes, o героях* («Современник», 1855 г., кажется?). Тургенев высоко ценил его художественный смысл и читал ему корректуры всех своих произведений, — но любил над ним подтрунивать и говорил: ...о! если Боткин не был мой приятель, — я непременно издал бы целую книгу анекдотов о нем, и назвал бы ее «*Боткинiana*».

³ Рукопись этого письма отсутствует в Гарвардском собрании. Печатаю его для полноты по изданию в РС.

3. (III, -)
[Баден-Баден]
[апрель или август-сентябрь 1867 г.]¹

Любезнейшая Марья Агеевна²! Позвольте мне придти обедать *сегодня* вместо завтрашнего дня. Виардо был не совсем здоров и отправляется на охоту только *завтра*. Надеюсь, что это не расстроит Ваших планов.

Schillerstrasse 7
Четверг

Дружески кланяюсь Вам
Ив. Тургенев

¹ Датирую по сообщению об охоте. Тургенев дает (внизу!) адрес своей наемной квартиры, а в собственный, выстроенный в 1867 г. дом, он перебрался только 17/5 апреля 1868 г. (письмо Я. П. Полонскому от 18/6 апреля 1868 г. — ПСП, 157-8).

² Тургенев написал «Агеевна» и одно «е» вычеркнул.

4. (издается впервые)

[Баден-Баден]

[конец апреля или сентябрь 1867 г.]¹

Извините меня пожалуйста, любезнейшая Мария Агеевна и позвольте — вместо сегодняшнего дня придти к Вам обедать завтра: я совсем забыл, что сегодня я не свободен. — Впрочем я забегу завтра утром узнать о здоровье Николая Алексеевича.

Понедельник

Преданный Вам

4 часа п[о] п[олудни]

Ив. Тургенев

¹ Так как Тургенев хочет справиться о здоровье Н. А. Милютина, то надо предполагать, что записка относится к 1867 г., когда Милютин еще не оправился от удара.

5. (издается впервые)

[Баден-Баден]

[14/2 января 1868 г.]²

Любезнейшая Марья Агеевна, дурная погода помешала нам сегодня поехать на охоту, в следствие чего мы едем завтра — и² мне помешает обедать у Вас. — Приходится поздравить Вас заочно³ и пожелать Вам много лет. — Прошу Вас верить в искренность этого желания а также в неизменность чувств преданного Вам

Ив. Тургенева

Вторник 2/14го Янв[аря] [18]68.

11½ час[ов] вечера

¹ См. дату внизу записки.

² «и» вписано на полях.

³ «поздравить» с «русским» Новым годом.

6. (XI, 104)

[Баден-Баден]

[19 февраля 1868 г.]¹

Любезнейшая Мария Агеевна! Кажется Ромео² говорит у Шекспира — «сомневайся в солнце, в Боге, но в любви моей

не сомневайся!» — А я имею честь сказать Вам: не верьте ни во что, не верьте особенно в мои обещания, но верьте что я непременно сегодня (в день 19-го февраля!!) обедаю с вами!³ — Земля лопнет — но если мы останемся на одной половине — и тогда я буду сегодня обедать с вами! До свидания!

Понедельник (1868)⁴

Весь Ваш
Ив. Тургенев

¹ Дата устанавливается по связи с последующим письмом и примечанию М. А. Милютиной.

² При печатании письма М. А. Милютина исправила ошибочное «Ромео» Тургенева на правильное «Гамлет» (см. «Гамлет» акт II, сцена 2).

³ Тургенев тогда же, очевидно, приготовил адрес, который печатается под следующим номером.

⁴ «(1868)» вписано рукою Н. А. Милютина.

7. (XII, прим. к письму 104)

[от Тургенева]¹

[Баден-Баден]
19го Фев[раля] 1868 г.

² Николай Алексеевич!

Четыре года тому назад мы праздновали в Петербурге сегодняшний знаменательный, исторический день; редакционная комиссия присутствовала на этом празднике в полном составе своих членов, а Вы, один из главных начинателей — и совершителей великого Дела Освобождения — Вы были тогда в полном расцвете здоровья и силы — и мы радостно чувствовали Вас. — Теперь нас немного, и собрались мы³ вокруг Вас в чужой земле; болезнь временно отделила Вас от того круга общественной деятельности, которого Вы были средоточием и руководителем, — и к которому — мы твердо надеемся — Вы рано или поздно вернетесь; но и в малом числе мы пьем за⁴ Ваше здоровье с прежним душевным уважением — и пьем мы не одни. — Мы знаем наверное, что [стр. 2] в это самое мгновение многие из наших соотечественников сочувственно вспоминают о Вас и приобщаются к нашему искреннему привету. — Скажем более: именно это удаление Ваше от тревог современной жизни, это удаление, в котором Вы находитесь — дает нашему заявлению как бы некий оттенок того беспристрастного, справедливого⁵ суда, с⁶ ко-

торым отнесется к вам позднейшее потомство. С уверенностью в несомненной истине наших слов мы можем уже теперь воскликнуть: пока будут существовать на Руси свободные люди — в числе немногих [стр. 3] имен, составляющих гордость России, имя Николая Милюткина будет произноситься с особенным чувством благодарности и почета. — За ваше здоровье!

¹ Приписка чужой рукою (вероятно М. А. Милютиной).

² По рассказу М. А. Милютиной (РС, стр. 179) это был привет («адрес»), который был прочтен на обеде у Милютиных в Баден-Бадене.

«Ник. Ал. Милютин больной и расстроенный не мог отвечать, но встал, пожал Тургеневу руку; наверное не могу припомнить — были ли при этом оба *Самарины* и *Черкасский*, но один из них присутствовал наверное; также *В. П. Боткин* и *Ив. Пав. Арапетов*. Всего было не более 8-ми человек, — (при равном числе западников и славянофилов...). За обедом было получено несколько телеграмм из Петербурга, Москвы, Варшавы и провинции».

Братья Самарины: Юрий Федорович и один из его братьев (см. прим. 2 к письму 1), кн. Владимир Александрович Черкасский (1824-1878), общественный деятель, близкий славянофилам, но не высказывавшийся по идеологическим вопросам, В. П. Боткин — см. прим. 2 к письму 2. Иван Павлович Арапетов (1811-87) личный друг братьев Милютиных и старый знакомый Тургенева, учился вместе с Герценом и Огаревым, принимал участие в кружке Петрашевского, работал как чиновник в редакционных комиссиях под руководством Н. А. Милютина, позже дослужился до высоких чинов; Тургенев и Некрасов еще в 1854 посвятили ему эпиграмму «Загадка» (Сочинения Некрасова, I. 1948, стр. 424), упоминает его Огарев в эпиграмме «Ростовцевская комиссия» (Стихотворения Огарева, изд. М. Гершензон М. 1904, I, 412 и след.), Тургенев вывел его под именем Помпонского в «Затишье» (конец). Ср. Воспоминания *Б. Чичерина* IV, 1934, 135. Все они, кроме Боткина, были связаны с Милютиным работой по крестьянской реформе, а кн. Черкасский затем был помощником Милютина в Польше и вышел в отставку, когда Милютин заболел. Ср. еще записки *Анненкова* «Былое» 1922, 18, 7.

³ «мы» вписано между строк.

⁴ «за» вписано между строк.

⁵ «справедливого» исправлено из другого слова.

⁶ «с» вписано между строк.

8. (V, -)

[Баден-Баден]

[до половины марта 1868 г.]¹

Любезнейшая Марья Агеевна. Вот Вам «Русский Архив» за 1867 год. Записки Н. Долгоруковой находятся в 1м выпуске². Если возможно, пришлите мне с сим посланным «Войну и Мир». — Надеюсь, что Ваше здоровье поправляется — Я еще увижу Вас перед отъездом³.

Серета

Искренно Вам преданный

Ив. Тургенев

¹ Датируется по связи со следующим письмом («Война и Мир») и по сообщению о высылке «Русского Архива» за 1867 г. См. еще прим. 31

² Памятные записки кн. Натальи Борисовны Долгоруковой, «Русский Архив», 1867, 1, 1-51 (далее напечатаны ее письма, там же, стр. 51-59).

³ По связи с письмом 9-м может быть речь только об отъезде Тургенева в Париж (24-28 марта н. ст.).

9. (X, -)

[Баден-Баден]

[18/6 апреля 1868 г.]¹

Любезнейшая Марья Агеевна, Очень Вам благодарен за присылку 4-го тома «Войны и Мира» и не сомневаюсь в верности Вашего впечатления. Примусь за чтение тотчас. —

Я вчера наконец переехал в свой дом и испытываю впечатление вышедшей замуж юной девицы: что-то неловко и даже грустно — всё мне кажется что вот-вот разобью какуюнибудь мебель.

Я сегодня буду у Вас а до тех пор крепко жму Вам руку.
Thiergartenstrasse, 3

Суббота
[1868]²

Преданный Вам Ив. Тургенев

¹ Датируется по сообщению о переезде в собственный новый дом, адрес которого Тургенев пишет ниже (см. прим. 1 к письму 3). Уже 9 сентября/28 августа 1867 г. дом был готов: Тургенев пишет в этот день Анненкову, что одно из представлений оперетки П. Виардо (текст Тургенева) «*Tror de festne*» в присутствии Прусской королевы «происходило в моем новом доме» («Русское Обо-

зрение», 1894, I, 23). Но Тургенев остался на зиму в своей наемной квартире.

² Рукою Милютиной. Кроме того в рукописи «Суббота», в печатном издании изменено на «Понедельник».

10. (IV, -)

[Баден-Баден]

[весна или лето 1868 г.]¹

Любезная Марья Агеевна. От старости лет я впадаю в младенчество и теряю память — я решительно не могу вспомнить, какие книги я Вам обещал; будьте так добры, назовите заглавия² — и я Вам пришлю тотчас.

Преданный Вам

Четверг

Ив. Тургенев

¹ Датировка предположительна, так как нам неизвестны точно сроки пребывания Милютиных в Баден-Бадене в 1868 г. (этот год поставлен в печатном издании писем М. А. Милютиной, в рукописи даты нет). Во всяком случае они были там в начале года (около 19 февраля — см. письма 6 и 7), там же они были и в апреле (письмо 8), летом или осенью они уехали в Веве, как кажется, через Париж. Тургенев уезжал из Баден-Бадена 24/12 марта (пробыл до 28/16 марта в Париже), уезжал на несколько дней между 20/8 и 24/12 апреля (куда, у нас нет сведений, *Клеман*, стр. 174), а 14/2 июня уехал в Россию, откуда возвратился 25/13 июля. Но он не застал Милютиных в Баден-Бадене после своего возвращения из России (см. прим. 2 к письму 11).

² Возможно, что речь идет о «Русском Архиве». См. письмо 8.

11. (XIII, 112)

Баден-Баден

Thiergartenstrasse 3

1 Ноября [18]68

Вторник

20 Окт[ября]

Любезнейшая Мария Агеевна. Я сегодня узнал от Гейлигенталя¹, что вы решились поселиться на зиму в Веве — и тотчас взял перо, чтобы писать вам. Я получил вашу телеграмму², за которую искренно Вас благодарю, — но не зная куда вам писать, медлил ответом. — Гейлигенталь находит ваше решение весьма благоразумным и предпочитает для

Н. А. и для Вас пребывание в Веве³ пребыванию во Флоренции. Будем надеяться что тамошний здоровый и легкий воздух восстановит здоровье Вас обоих.

Здесь всё идёт своим порядком: (стр 2) третьего дня было последнее представление оперетки⁴, вчера последняя matinée⁵, завтра — первая зимняя охота. — Я переписываю свою повесть, много переделываю, вычеркнул драчуна Цилиндрова⁶ и собираюсь через несколько дней на неделю в Париж.

Арапетов⁷ наверное из Флоренции приедет к Вам: поклонитесь ему от меня.

Кланяюсь дружески Николаю Алексеевичу и всем Вашим; желаю Вам всего хорошего и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев

¹ Баден-Баденский врач, у которого лечились и Милютины и Тургенев.

² Телеграмма была прощальной телеграммой, так как Тургенева не было в Баден-Бадене в момент отъезда Милютиных: Тургенев был в отъезде в 1868 г.: в марте от 24-28 нового стиля (в Париже), затем несколько дней в середине апреля и с 15 июня н. ст. до 25 июля н. ст. (Берлин и Россия); отъезд Милютиных произошел, по всей вероятности, в последний из этих периодов времени.

³ Милютины выехали прямо или через какие-то этапы в Веве.

⁴ Одна из опереток Полины Виардо (слова Тургенева), вероятно, «Le miroir» ставилась частным образом Виардо и Тургеневым.

⁵ Matinées — музыкальные утра в доме Виардо.

⁶ Ср. примечания 2 и 3 к письму 13 (рассказ «Несчастливая»).

⁷ Арапетов — см. прим. 2 к письму 7.

12. (XIV, 113)

Карлсруэ

1-го Декабря 1868 г.
19-го Ноября

Любезнейшая Марья Агеевна, я несколько дней тому назад возвратился из Парижа¹ — и хотя нахожусь всё еще в хлопотах, по отысканию квартиры, перемещению и т. д. однако считаю долгом отозваться на Ваше письмо от 5-го Ноября. — Известия сообщенные Вами о здоровье Николая Алексеевича довольно утешительны; надеюсь что и впредь

будет так продолжаться. Я в Париже [стр. 2] был у графа Киселева и просидел² у него около часа. — Я нашел его нравственно бодрым, хотя физика видимо разрушается³. — Мы, разумеется, говорили очень много о Николае Алексеевиче. —

Дочь моя ожидала меня в Париже; мы давно не виделись — и потому почти всё время проводили вместе. Утром дела — комиссии — а вечером театр, Оффенбах на каждом шагу и прочие безалаберности. — Я закружился как в водовороте — и теперь только несколько начинаю приходить в обычное положение.

О повести моей, вычищенной и переделанной⁴ — доходят до сведения моего из Петербурга благоприятные известия: — я намерен — если подагра оставит меня в покое сильно работать в уединенном и мирном Карлсруэ⁵.

Когда вздумаете писать, адресуйте Ваши письма — Carlsruhe, poste restante.

Какая девица Тютчева живет в Вене? Не Дарья ли Федоровна?⁶

Дружески кланяюсь Николаю Алексеевичу и всем Вашим; если мое письмо застанет у Вас Арапетова⁷ то передайте ему также мой поклон и привет; крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего

Ив. Тургенев

3 Дек[абря]

21 Нояб[ря]

— Я нашел квартиру — и живу с сегодняшнего утра — Hotel des Prinzen Max, Adler-Strasse 33.

---

¹ В середине ноября н. ст. Тургенев съездил в Париж на свидание с дочерью Полиной, встречался с гр. Киселевым и Флобером. Через неделю возвращается в Баден и переезжает в Карлсруэ. Из Парижа выехал 24/12 ноября.

² «Про» вписано между строк.

³ Граф П. Д. Киселев (1788-1872), государственный деятель (при Николае I занимался проектами крестьянской реформы) и дипломат, в 1856-62 гг. русский посланник в Париже. Тургенев с ним в то время встречался. В книге *Клемана* (стр. 356) как знакомый Тургенева назван брат П. Д. Киселева, Николай: это ошибка, — Николай не

носил графского титула, с 1855 г. был русским посланником в Италии, умер в 1869 г. (родился в 1800). См. еще письмо № 34. Графу Киселеву в 1868 г. было 80 лет.

⁴ «Несчастливая». См. письма №№ 11 и 14 и примечания к ним.

⁵ В Карлсруэ Тургенев писал «Литературные воспоминания», и начал работу над «Степным королем Лиром».

⁶ Дарья Федоровна Тютчева (1834-1903) дочь поэта Тютчева.

⁷ Арапетов — см. прим. 2 к письму 7.

13. (XV, 118)

Карлсруэ

Hotel Prinz Max

Вторник 2-го Марта [18] 69 г.
18-го Февраля

Любезнейший Николай Алексеевич, в начале зимы я написал довольно большое письмо Марии Агеевне и не получил ответа¹; мне бы следовало написать еще — но лень помешала: и теперь я адресую письмо на удачу, так как не знаю, находитесь ли Вы еще в Веве? А между тем мне бы очень хотелось узнать, что Вы делаете, как Ваше здоровье, какие Ваши планы? — Именно *сегодняшний* день — в годовщину конца старого и начала нового порядка вещей², — я много думал о Вас. Хотелось бы мне поговорить³ с Вами, рассказать кое-что — но так как⁴ я не желаю тратить свои заряды на воздух, то прошу Вас [стр. 2] известить меня в двух словах находитесь ли Вы еще в Веве? Тогда я отвечу Вам подробно.

А пока кланяюсь всем⁵ Вашим и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев⁶

---

¹ Очевидно письмо от 1 декабря н. ст. 1868 г.

² Имеется в виду крестьянская реформа — 19 февраля.

³ Перед «поговорить» густо зачеркнуто какое-то слово.

⁴ «как» вписано между строк.

⁵ Перед словом «всем» зачеркнуто «Вам» или «Ваш».

⁶ На письме (левой) рукой Милютинна сделана **заметка** «отв[етил] 5-го марта».

14. (XVI, 120)

Карлсруэ

Hotel Prinz Max

Четверг 11-го Марта [18]69 г.

Как меня порадовали Ваши строки, любезнейший Николай Алексеевич, начертанные весьма чётко и даже красиво Вашей собственной рукою! — Сожалею о нездоровьи Вашей супруги — и о том, что Вы всё еще находитесь в *statu quo*; надобно с весной возвратиться к нам в Баден; наш воздух, Вам, что ни говори — помог и впредь может быть полезен. Очень бы Вы этим всех нас порадовали. — О себе скажу Вам, что я сначала предавался совершенному бездействию и охоте: здоровье мое было очень удовлетворительно — и подагра — (как бы не сглазить!) словно забыла меня; однако в последнее время я встрепнулся и принялся [стр. 2] за перо. Написал несколько отрывков из «Литературных воспоминаний»; один из них — о Белинском — будет помещен в Апрельской книжке «Вестника Европы»¹. (кстати, получаете ли Вы его?). В Русском Вестнике помещена моя «Несчастливая»; и если Вы дали себе труд прочесть ее, — то Вы могли убедиться, что я послушался советов Марии Агеевны² и Кавелина³; — и вообще много переделал и прибавил⁴. Теперь я, на днях т. е. около 25-го числа, съезжу в Париж⁵ на неделю а оттуда в Веймар, где, 8-го Апреля, в день рожденья Великой Герцогини, ставят на театре нашу вторую оперетку — «Le Dernier Sorcier»⁶. — Она переведена на немецкий язык. Г-жа Виардо прибавила пять новых музыкальных Номеров [так!] и Лист [стр. 3] который чрезвычайно доволен этой опереткой, и всячески хлопотал о том, чтобы ее дали — инструментовал её. — Ожидаю этого события с нетерпением; если будет успех, то это может открыть новую карьеру Г-же Виардо⁷. — В мае месяце я съезжу в Россию — а в Июне я уже опять буду в Бадене, на своем гнезде.

Имеете ли Вы известия об Арапетове⁸? Говорят, Боткин в Риме лежит в постели, без движения⁹. — Я написал ему, но не получил ответа. — Гн Бачинский¹⁰ по прежнему ли находится у Вас? Поклонитесь ему от меня. Что делает Юрий¹¹ и мои три маленькие приятельницы¹².

Семейство Виардо живет здесь всю зиму; старшая учится рисованию и¹³ успевает необыкновенно¹⁴. Это вообще удивительная девушка; прилагаю Вам ее фотографию [стр. 4], чтоб Вы могли судить в какую прелесть она развилась.

Жизнь в Карлсруэ течет очень тихо и мирно; впрочем я сделал несколько приятных знакомств. Театр недурен, и можно слышать много хорошей музыки. У Г-жи Виардо музыкальные Soirées по вторникам.

Желаю Вам всего хорошего, кланяюсь Марии Агеевне и всем Вашим и говорю Вам: до свидания.

Искренно Вам преданный

Ив. Тургенев

---

¹ Письмо послано в Веве, где Милютины провели зиму и весну. Воспоминания о Белинском вышли в 4 книжке «Вестника Европы» за 1869 г.

² «Несчастная» вышла в «Русском Вестнике» 1869, I. Вероятно с замечаниями Милютиной связаны те исправления, о которых Тургенев писал в письме от 1 ноября н. ст. 1868 г. См. выше № 11 и 12.

³ Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) один из друзей Тургенева, профессор юрист (1844-48, 1857-61, 1878-85), философ и общественный деятель, преподаватель наследника Николая Александровича. Его замечания о «Несчастной», возможно, совпадали с советами М. А. Милютиной (см. письмо Тургенева Анненкову от 15/3 ноября 1868 г. — Русское Обозрение 1894, 2, стр. 496-497).

⁴ См. упомянутые в примечаниях 2 и 3 письма. В переписке Тургенева вообще довольно много материала о работе над этим рассказом.

⁵ Поездка в Париж состоялась 24 марта-3 апреля н. ст. 1869; там Тургенев встречается с декабристом Н. И. Тургеневым, Литтре, Сен-Бевом, Флобером и Жорж Занд.

⁶ Оперетка П. Виардо (текст Тургенева) была поставлена в Веймаре 8 и 11 апреля н. ст. Тургенев присутствовал на обоих представлениях.

⁷ Оперетка успеха не имела. Тургенев поместил о Веймарской постановке статью в «СПБ Ведомостях» № 110, 5 мая/23 апреля.

⁸ Арапетов — см. прим. 2 к письму 7.

⁹ Боткин (см. прим. 2 к письму 7) был парализован. Милютина посетила его летом во Франкфурте, куда его перевезли для лечения, и передала Тургеневу жуткую картину парализованного человека, сохранившего способность речи (см. письмо Тургенева Борису от 11 августа/30 июля 1869 г. ЦСб. VIII, стр. 404).

¹⁰ Воспитатель сына Милютиных, Юрия.

¹¹ Сын Милютиных, о нем см. прим. 7 к письму 26.

¹² Три дочери Милютиных.

¹³ Зачеркнуто «дп» (?).

¹⁴ Старшая дочь Виардо, Клавдия (Claudie или Диди) родилась в 1856 г. и была любимицей Тургенева, который оставил ей значительное наследство.

15. (XVII, 127)

Баден-Баден

Thiergarten Strasse 3

Четверг 22-го Июня [18]69¹

Почтеннейший и любезнейший Николай Алексеевич, от супруги Вашей я узнал², что Вы находитесь в недалеком расстоянии отсюда — а именно в Вильдбаде — и мне было бы весьма³ приятно получить весточку от Вас самих. — Я бы с удовольствием немедленно прокатился к Вам да я в эту минуту очень *швах*; а именно — сверх болезни в сердце, которую во мне открыл Гейлигенталь⁴ — а Фридрейх⁵ подтвердил — я вот уже с неделю как вожусь с [стр. 2]! припадками подагры в ноге; болезнь эта, кажется, намерена посещать меня ежегодно. Впрочем мне гораздо лучше — я уже могу надевать бархатную туфлю — путешествие в Вильдбад представляется мне близкою возможностью.

С большим удовольствием слышал я из разных источников, что здоровье Ваше значительно поправилось. Еще немного терпения — и Вы будете совсем молодцом. — Напишите мне словечко. —

А пока дружески жму Вам руку и кланяюсь Вашему сыну⁶ и любезному его наставнику⁷.

Преданный Вам

Ив. Тургенев

Р. S. Долго ли Вы еще намерены пробыть в Вильдбаде?

---

¹ Это письмо, очевидно, связано со следующим: «От супруги Вашей» — очевидно через ту «записочку», о которой говорится в следующем письме.

² См. следующее письмо.

³ Перед «весьма» зачеркнуто «пр».

⁴ См. прим. 1 к письму 11.

⁵ Н. Фридрейх — врач в Гейдельберге, к которому ездил лечиться Тургенев (см. РС 1902, 8, 281, ЦСб. VIII, 403-404). Неясно, по какому стилю проставлена здесь дата: в письме Борисову (ЦСб.

цит.) Тургенев сообщает, что он был у Фридрейха 30/18 июня, т. е. позже даты этого письма, если 22 июня считать по н. ст. Возможно, что речь здесь идет об одной из прежних консультаций с Фридрейхом.

⁶ Юрий см. прим. 7 к письму 26.

⁷ Бачинский (см. прим. 10 к письму 14).

16. (XVIII, 129)

Баден-Баден

Thiergarten Strasse 3

Четверг 22-го Июня [18]69 г.¹

Любезнейшая Марья Агеевна, я бы давно отвечал на Вашу любезную записочку², еслиб на меня не обрушились удары судьбы; а именно: припадок подагры, которая кажется намерена посещать меня ежегодно, — поверг меня в постель. — Он был очень силен — но едва ли будет продолжаться: я уже могу наступать на ногу. — Через несколько дней я надеюсь освободиться — и остаться — с болезнью сердца, которую Гейлигенталь³ во мне открыл, а Фридрейх⁴ скрепил своей подписью.

Да, у меня болезнь сердца. — Что делать? Надо покориться. — Худо то, что мне на веки веков хотят запретить охоту⁵.

[Стр. 2] Однако — это в сторону. — Мне весьма приятно слышать, что Николаю Алексеичу лучше. Я сегодня написал ему записочку, а как только нога моя мне позволит, съезжу к нему в Вильдбад. — Долго ли Вы пробудете в Наугейме⁶ — и какие Ваши дальнейшие планы? — Уведомьте меня; а я отсюда до зимы никуда ни пяди⁷.

Преданный Вам

Ив. Тургенев

P. S. Гейлигенталь (у которого нынче ночью родился 2-ой сын) дает мне от поры до времени [стр. 3] сведения о Вашем собственном здоровье. — Сами Вы — довольны им?

---

¹ Письмо это носит в РС и ПСП дату «22 июля». Это исключается, так как в следующем письме Тургенев 19 июля уже пишет Милютиним в Баден-Баден и они уже успели переменить квартиру (возможно отель на частную квартиру). М. А. Милютин (см. прим. 2) в это время была в Наугейме, курорте для сердечных больных в Гессене (по дороге оттуда она посетила парализованно-

го В. П. Боткина во Франкфурте на Майне (см. прим. 9 к письму 14). В РС ошибочно «Наунгейм», в ПСП «Науенгейм».

² «Записочка» сообщала о том, что Милютин находится в Вильдбаде. Тургенев ответил 22 июня Милютиной в Наугейм и в тот же день написал Милютину в Вильдбад (Вюртемберг): в этих письмах он не передает приветов супругам, — из чего следует, что они находились в разных курортах.

³ См. прим. 1 к письму 11.

⁴ См. прим. 5 к письму 15.

⁵ Охота Тургеневу не была запрещена: он охотится в ноябре того же года (письмо Борисову ЩСб, VIII, 407-408), в Шотландии в августе 1871 г. (Русская мысль 1912, 1, 120-121) и позже (последние известия об охотах: в 1878 — письмо Л. Н. Толстому без даты, в 1881 г. письмо Я. П. Полонскому от 20/8 октября ПСП 339 и 386).

⁶ См. прим. 1 и 2.

⁷ В действительности, Тургенев уже 29/17 августа присутствовал в Мюнхене на представлении «Золота Рейна» Вагнера (Борисову 21 августа ст. ст. ЩСб. VIII, 406). *Клеман* (стр. 187) называет несуществующую оперу Вагнера «Золотое Руно»! В конце ноября и в декабре два раза ездит в Веймар.

17. (VIII, -)

[Баден-Баден]

[19 Июля 1869 г.]¹

Любезнейшая Марья Агеевна, Вы наверное подумаете — Ну! опять начались записочки! — Что делать! Прошу извинить великодушно — сегодня невозможно мне притти обедать. Столько дела, что ужас. — Это дело очень похожее на безделье — но Вы знаете, чем бы дитя не тешилось и т. д.²

Дружески жму Вам руку и кланяюсь Николаю Алексеевичу. Довольны ли Вы Вашей новой квартирой?

Ив. Тургенев⁴.

Пятница 19 июля [18]69³.

---

¹ Милютины пробыли некоторое время в Баден-Бадене. Дата письма, вероятно по новому стилю: это значит, что Милютины прибыли в Баден-Баден за несколько дней до этого дня (и успели переменить квартиру, вероятно, в отеле). Милютины были в Баден-Бадене еще 22/10 сентября (Русское Обозрение 1894, 3, 28, письмо Анненкову; там же упоминается Самарин: «всё это разъедется *на днях*»).

² Согласно примечанию Милютиной к письму Тургенева (РС 177) речь идет о репетициях опереток П. Виардо.

³ Дата в публикации РС опущена.

⁴ Тургенев сообщает Борису 11 августа/30 июля о приезде Милютина: «он всё такая же развалина, хотя и поправился немного» (ЩСБ, VIII, 405): Милютин во всяком случае свободно ходил и писал левою рукою. Ср. Б. Чичерин: Воспоминания, IV 1934, стр. 43 (1871).

18. (III, -)

[Баден-Баден]

[июль-сентябрь 1869 г.]¹

Любезная Марья Агеевна, сегодня у нас в три часа репетиция² — и потому я раньше $\frac{1}{2}$ 5го к Вам прибыть не могу; чтение произойдет после обеда, а Н[иколай] А[лексеевич] может воспользоваться хорошей погодой и до обеда погулять.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

Воскресение
10 ч[асов] утра
[1869]³

---

¹ Год — согласно карандашной заметке Милютиной. Милютины прожили в 1869 г. — в Баден-Бадене с (середины?) июля до сентября (?).

² Какой-то оперетки П. Виардо.

³ Карандашная заметка рукой М. А. Милютиной.

19. (издается впервые)

[Баден-Баден]

[1867-1869 г.]¹

Любезная, Марья Агеевна, Я думал что сегодня буду на охоте и потому буду в состоянии завтра у Вас обедать; но оказывается, что на охоту мы идем завтра, а потому если Вы позволите, обедать буду у Вас послезавтра, в Пятницу Дружески кланяюсь Н[иколаю] А[лексеевичу] и Вам.

Середа

Преданный Вам

Ив. Тургенев

---

¹ Более точной датировке не поддается. Сезон охоты мог быть:

апрель 1867 или 1868 г., осень 1867, осень 1867 или 1869 г., зима 1867/8 г. Возможно, что эта записка связана с № 5.

20. (IX, -)

[Баден-Баден]
[1867-1869 г.]¹

Любезная Марья Агеевна, опять встречаются препятствия — брат Гжи Виардо² вчера приехал и завтра уезжает — я сегодняшний день должен пробыть с ними, — пожалуйста не пеняйте на меня — и позвольте отложить мое посещение до Воскресения.

Кланяюсь Вам и Н[иколаю] А[лексеевичу]. Жму руку
Пятница Преданный Ив. Тургенев

---

¹ Точной датировке не поддается. Относится к одному из пребываний Милутиных в Баден-Бадене.

² Гарсиа, преподаватель пения в Париже.

21. (VII, -)

[Баден-Баден]
[1867-1869 г.] [?] ¹

Любезная Марья Агеевна, с свойственной мне (и при моих сединах, непростительной) легкомысленностью — я забыл что сегодня приглашен на обед у одних знакомых — а завтра также не свободен, но если Вам угодно, явлюсь в Пятницу. —

Извините меня пожалуйста и примите уверение в совершенной моей преданности
Среда Ив. Тургенев

---

¹ Относится по всей вероятности к одному из пребываний Милутиных в Баден-Бадене. Но возможно, что написано и в Париже или Москве.

22. (XIX, 133)

Баден-Баден
Thiergarten Strasse 3
5-го Января 1870.
[24 декабря 1869]

Любезнейшая Марья Агеевна. — Ваше письмо меня очень порадовало; — впрочем я сам лично надеюсь вскоре¹ выра-

зять Вам мои чувства ибо в понедельник выезжаю отсюда и конечно уже во вторник увижу Вас и Николая Алексеевича². — Быть может и наш Новый год придется встретить вместе. — А потому прошу Вас прислать мне в Hotel Byron, rue Laffitte — Ваш адрес, который Вы — извините! по свойственной всем нашим соотечественникам привычке, в письме своем не выставили — так что теперешнее письмо я принужден послать через Ханькова³, адрес которого у меня уцелел. — Будьте добры — сообщите и ему о моем приезде.

[Стр. 2] Отлагаю до нашего свидания все рассказы о здешнем житье-бытье и о прочем; — но не могу теперь же не попенять на Вас за то⁴ что Вы перевод моей «Странной Истории» в Голосе — могли принять за мой текст⁵! Краевский из злобы против меня, и чтобы насолить Вестнику⁶ Европы в котором должен появиться мой рассказ, выкинул эту в нашей литературе ещё не бывалую штуку; дал перевести мою бедную вещью какому-то тупому семинаристу... а Вы!.. или может быть меня⁷ напрасно обуяла гордость — и между текстом этого барина и моим в сущности нет никакой разницы?.. Может быть.

[Стр. 3] Передайте мой привет Николаю Алексеевичу, поцелуйте за меня Ваших деток и до скорого свидания

преданный Вам

Ив. Тургенев

---

¹ «вскоре» вписано сверху строки.

² Летом 1869 г. (см. предыдущие письма) Тургенев несколько раз встречался с Милютиными. Осенью Милютины переехали в Париж. Тургенев приехал в Париж не позже 14/2 января (Стасюлевич стр. 8), 19/7 присутствовал при казни Тропмана, послужившей сюжетом его известной статьи, и в тот же день уехал из Парижа в Баден-Баден.

³ Ханьков, Николай Владимирович (1822-1878), ориенталист, этнограф и географ. После 1860 г. жил по большей части в Париже, так как ему был поручен надзор за молодыми людьми, посланными для научной подготовки во Францию. В Лондон переехал на время франко-прусской войны. Тургенев встречался с ним очень часто. На его похоронах произнес речь (22/10 ноября 1878 г.), собирався писать его некролог, принимал участие в сборе денег на памятник на его могиле и участвовал в открытии памятника (4 июля/22 июня 1879 г.). О Ханькове и его встречах с Тургеневым

вым интересные подробности передают воспоминания гр. В. А. Соллогуба (изд. «Академии» 1931, стр. 443 и дальше).

⁴ «то» исправлено из другого слова.

⁵ Напечатанный в «Голосе» обратный перевод с немецкого перевода еще не вышедшей по-русски «Странной истории» Тургенев получил в конце декабря (Русское Обозрение 1894, 3, 31); перевод был плох: «что за гнусный семинарист переводил» (там же) и сделан, конечно, против воли автора. В 1 книге «Вестника Европы» за 1870 г. Тургенев напечатал «Странную историю» и «Письмо в редакцию» с протестом против контрафакции Краевского.

⁶ Перед «Вестнику» стояло «Русскому» (зачеркнуто).

⁷ Здесь вычеркнуто «по пр».

23. (XX, 144)

[Баден-Баден]

Thiergarten Strasse 3

Понедельник, 1-го Августа [18]70.

20-го июля

Любезная Марья Агеевна, Вы беспокоитесь обо мне¹; это очень мило с Вашей стороны — и я Вас искренно благодарю². Еще больше благодарен я Вам за то, что сообщаете вести о себе и о Николае Алексеевиче которому прошу передать самый дружеский мой поклон. — С тех пор как я не видел Вас, я успел побывать в России, пробыл месяц в деревне — и две недели тому назад сюда вернулся³. — В России я (от Черкасских⁴) узнал о тяжелой Вашей болезни и о благополучном избавлении от нее, — чему душевно порадовался и с чем Вас поздравляю. — Должно надеяться, что теперь Вы окончательно поправитесь. [стр. 2]. Здесь до сих пор все тихо; — война вероятно, не коснется нас⁵. — Впрочем, мы на все готовы — и в случае нужды уедем в Вильдбад — в карете — так как все сообщения по железным дорогам прерваны. — Я⁶ говорю: «мы» — т. е.: семейство Виардо и я; я с ними не расстанусь.

О крайнем безобразии этой войны распространяться не стану; впрочем, она была неизбежна — и немцы это сами чувствуют. — Ими овладел патриотический жар как в 1813м году; — но времена предстоят им тяжелые — так как, — на первых порах — в успехах французского оружия сомневаться не возможно⁷. Лишь [стр. 3] бы пожар не охватил всей Европы! — Пусть Россия останется по крайней мере спокойна!

Вернуться в Россию Вам, я полагаю, всегда будет воз-

можно — но мне почему-то не верится, что Вы зиму проведете в Москве.

Будьте так любезны — *tenez moi au courant* Ваших намерений; а я Вам напишу — если бы пришлось покинуть Баден чего я впрочем не ожидаю.

Засим, дружески кланяюсь Вам всем и остаюсь

Искренно преданный Вам

Ив. Тургенев

---

¹ Начало письма (до слов «С тех пор») сокращено Милютиной при публикации в РС., а в Первом собрании писем почему-то совершенно произвольно изменено (стр. 179).

² «Беспокойство» о Тургеневе объяснялось, вероятно начавшейся франко-прусской войной: Тургенев жил около французско-баденской границы в Баден-Бадене. Милютины находились на летнем отдыхе во Франции, на море недалеко от Гавра, но уверенность в победе Франции была так велика, что о себе они вряд ли беспокоились. И Тургенев ниже «не верит», что Милютины вернутся в Москву, предполагая, что они проведут зиму в Париже (см. прим. 8 к письму 24).

³ Тургенев приехал в Петербург 2 июня/21 мая 1870 г., через Москву выехал в свою деревню Спасское, где пробыл с 14/2 июня до 8 июля/26 июня. В Баден-Баден возвратился около 16/4 июля.

⁴ Князь В. Черкасский, княгиня Екатерина Александровна Черкасская, его жена (1825-1888).

⁵ Франко-пруская война началась 15/3 июля. Дальнейшее содержание письма противоречит кажущемуся спокойствию Тургенева.

⁶ «Я» исправлено из какой-то другой буквы.

⁷ См. также прим. 3 к письму 24.

24. (XXI, 145)

Баден-Баден

Thiergarten Strasse 3

20/8 Авг[уста] [18]70.

Сейчас получил я Ваше письмо, любезнейшая Марья Агеевна, а вчера вечером, в 10м часу, вдруг все колокола зазвонили в Бадене. Это пришло известие о решительном и чуть ли не окончательном поражении французов при Резонвилле. — Армия Базена так-таки не успела во время убрать-

ся из Меца¹. Нельзя не согласиться, что неспособность генералов французских и их администрации — еще на сто процентов превосходит нашу неспособность во время Крымской кампании. — Остается вопрос: сумеют ли они, так как мы это сделали, извлечь пользу из собственного несчастья [стр. 2] и пойдет ли им этот урок в прок? При самоослеплении французов, при их малой любви к Истине — это сомнительно².

Что вся Европа³ ожидала торжества французов — это доказывает только то⁴, что мы меньше всего знаем, что совершается у нас под носом. — Прусаки, которых я видел 15-го Июля в Берлине⁵ ни одной секунды не сомневались в победе — но я приписывал это национальному тщеславию. — Оказывается, что они знали, что говорили. —

Весьма вероятно, что в Париже вспыхнет — если уже не вспыхнула — революция. — Умы⁶ были так напряжены ожиданием этого сражения, что новая неудача должна произвести взрыв... Наполеон едва ли удержится. — Впрочем⁷ nous [стр. 3] vivons dans l'imprévu — и такая неправдоподобная вещь, как сохранение Империи, может еще совершиться.

Вам, во всяком случае, в Париж вернуться не придется. Мне кажется, на Вашем месте я, выбравши тихую погоду — по барометру это всегда можно знать 2я, 3я днями заранее — поехал бы морем из Гавра в Остенде — а оттуда через Брюссель, Кёльн и Берлин — домой — если Вы уже точно решились⁸ провести зиму в России. Теперь по Германии железные дороги снова действуют исправно. Морской переезд из Гавра в Остенде несколько часов⁹.

Здесь у нас очень тихо — и даже раненых и больных мало. За то почти и все доктора уехали (между прочим и Гейлигенталь¹⁰) их потребовали в Нанси. Поклонитесь от меня всем Вашим — и крепко пожмите руку Николаю Алексевичу. — Я должен зимой быть в России и в конце января буду находиться в Москве¹¹. Увижу ли я Вас там?

Будьте здоровы и верьте искренней моей привязанности

Ив. Тургенев

П р и м е ч а н и я :

¹ Поражения французской армии Наполеона III следовали одно за другим. Резонвиль, деревня вблизи Метца, упоминается с 16 августа (Rezonville). В позднейших изложениях истории войны сра-

жение, которое Тургенев называет сражением у Резонвиля, обозначается, как сражение у Вионвиля (Vioudville) и не играет большой роли. Ср. *Der deutsch-französische Krieg*. Издание нем. Генерального Штаба I, 1 Берлин 1874, стр. 526 и далее, 609 и далее.

² Тургенев «радовался поражению Франции», так как этим «поражается на смерть Наполеоновская армия, существование которой несовместимо с развитием свободы в Европе» (Борисову 24/12 августа, Щ. Сб. VIII, стр. 415-416). 29/17 августа он писал Фридлиндеру: «я всей душой на стороне немцев. Это положительно война цивилизации с варварами» (Вестник Европы 1909, 4, 654-655), такие же чувства он высказывает в письме Пичу 9 сентября/28 августа (*Л. Гроссман*: Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу. 1924, стр. 115-116). Будущее Франции ему представлялось весьма печальным: «Франция покончена как Польша; поверьте мне — это только вопрос времени» (П. Борисову 9 сентября/28 августа, Щ. Сб. VIII стр. 517). Позже его представление о будущности Франции значительно смягчилось. В «СПбургских Ведомостях» Тургенев поместил пять корреспонденций под заглавием «Корреспонденции о франко-прусской войне» (номера 216, 8 августа ст. ст.; 219, 11 августа; 231, 23 августа; 252, 13 сентября; 265, 26 сентября). Тургенев стал оценивать политическое положение Франции более оптимистически только в 1875-6 году (ср. письмо А. Суворину от 14/3 вероятно н. ст. 1875 ПСП, стр. 258).

³ В начале войны Тургенев писал: «Ожидаем вторжения французов из-за Рейна» (из Баден-Бадена, брату Н. С. Тургеневу от 27/15 июля 1870 г. — РС 1885, 8, 332). См. также предыдущее письмо.

⁴ «то» исправлено из «это».

⁵ Тургенев был в Берлине проездом из Петербурга в Баден-Баден только один или два дня. В каком-то отеле он обедал за одним столом с ген. Мольтке (*Клеман*, 194).

⁶ «Умы» исправлено из-какого то другого слова.

⁷ «В» в слове «Впрочем» исправлено из другой буквы.

⁸ По сообщению Милютиной (РС, 185, примечание 1) Тургенев и гр. [П. Д.] Киселев уговаривали раньше Н. А. Милютину остаться за границей. Милютини решили уехать «для воспитания детей».

⁹ По сообщению Милютиной (там же, прим. 2) Милютини уехали «сухим путем» через Бельгию, куда прибыли 3 сентября. Интересно, что это письмо попало во Францию и дошло по адресу во время войны.

¹⁰ См. прим. 1 к письму 11.

¹¹ В Россию Тургенев приехал в феврале 1871 г., в Москву — в марте (см. примечания к дальнейшим письмам).

25. (XXII, 149)

[Лондон]

4 Bentinck Street

Manchester Square

Среда, 14/2-го Дек[абря] 1870

Любезнейшая Марья Агеевна,

Давным давно мне бы следовало отвечать Вам — но срок в Петербурге я пропустил — а Московского адреса Вашего не знал. Притом я как то прочел в газетах, будто¹ Николай Алексеевич снова переехал в Петербург. — С месяц тому назад, я прибыл в Лондон² и узнавши Ваш адрес от Ханькова³, пишу к Вам. — Слухи о Н[иколае] А[лексеевиче] и о Вас доходят довольно утешительные: говорят — Вы здоровы, а он понемногу поправляется. — Напишите мне два слова, в подтверждение этих слухов — и вообще о том, как Вам **показалась Москва** и как в ней живет. Я заехал сюда случайно (не хотелось оставаться в опустелом Бадене [стр. 2 осталась пустой] [стр. 3] и пробуду здесь около месяца, а там — в Петербург, в Москву и в деревню. — В Москве я разумеется, увижусь с Вами⁴. Здесь журналы распространили-было известие о назначении Кн[язя] Черкасского Министром Внутренних Дел⁵; но кажется, это известие очень далеко от истины, если правда, что *адресс* Московской думы по поводу Горчаковского циркуляра — возвращен с надписью⁶. — Здесь никто не верит в возможность войны с *Россией*, но дела⁷ во Франции принимают такой оборот, что пожалуй, в будущем году вся Европа загорится со всех концов. — Что станет тогда с цивилизацией и свободой?

Передайте мой дружеский поклон Николаю Алексеевичу. — Парижские Тургеневы⁸ здесь и совсем пали духом и удручены горем — Война⁹ их почти разорила.

Дружески жму Вам руку

Преданный Вам

Ив. Тургенев

Примечания:

¹ «будто» исправлено из другого слова.

² Тургенев приехал в Лондон 13/1 ноября 1870 г. (Стасюлевич, 11). См. ниже прим. 4.

³ Ханыков, см. прим. 3 к письму 17.

⁴ Из Баден-Бадена Тургенев уехал, так как город покинуло семейство Виардо (в октябре 1870 г.). В Россию Тургенев выехал только в феврале 1871 г. (см. подробности в примечаниях к следующим письмам).

⁵ Слух оказался совершенно ложным.

⁶ В РС напечатано вместо «с надписью» — «с репримандом». «С надписью» имеется в виду надпись, сделанная императором на адресе Московской городской думы: в адресе были высказаны скромные пожелания «завершения благого дела», т. е. реформ, при чем определенно говорилось только о «свободе слова и мнения» и о свободе совести. Адрес не был принят министром двора и кн. В. А. Черкасский (городской голова с 1869 г.) вышел в знак протеста в отставку (в 1882 г. подобный же конфликт Московской городской думы с имп. Александром III привел к отставке городского головы Б. А. Чичерина).

⁷ Слово «дела» исправлено из какого-то другого слова.

⁸ В РС напечатано «туристы». Речь идет о семье декабриста Н. И. Тургенева, оставившей Францию во время франко-прусской войны.

⁹ «Война» написано неразборчиво. Можно читать и «Вена» (возможно, имеется в виду какой-нибудь крах банка или падение австрийских бумаг?).

26. (XXIII, 150)

[Лондон]

4 Bentinck Street

Manchester Square

Суббота 7-го Янв[аря] 1871

26 Дек[абря] 1870

Любезнейшая Марья Агеевна, Ваше письмо доставило мне великое удовольствие, во-первых теми хорошими известиями, которые Вы мне сообщаете а во-вторых — и тем, что вы мне говорите о моем «Лире»¹ — Могу Вас уверить, что я дорожу Вашим мнением; оно всегда искренно и нелицеприятно, да я и не избалован на счёт похвал особенно в последнее время². — Я радуюсь, что труд, потраченный мною на сочинение этой повести (я ее несколько раз переписал и переделал) не пропал даром³. —

[стр. 2] Я полагаю выехать отсюда через две недели а месяц спустя т. е. около половины *нашего* Февраля я буду в Москве⁴. Чрезвычайно благодарен Вам за Ваше радушное

предложение гостить у Вас в доме — но вот уже лет пятнадцать как я останавливаюсь у моего старинного приятеля, начальника удельной конторы в Москве, И. И. Маслова⁵, и я не желал бы его обидеть. Для него я не раз отказывал брату, у которого тоже дом в Москве. — Всё таки я Вам очень благодарен за Ваше ласковое предложение.

Коммиссии Ваши будут исполнены в точности — и в указанных Вами пределах [стр. 3] — Итак Москва радушно приютила Николая Алексеевича? Это делает ей большую честь. А propos адреса, подписанного Черкасским⁶, je lui dois une amende honorable — я думал что в нем честолюбие сильнее чувства дружбы — а выходит напротив. Поклонитесь ему от меня, Княгине и всем Московским знакомым.

Дружески жму руку Н[иколаю] А[лексеевичу] и Вам — и до свидания. — А Юрий⁷ молодец! — Вперед — молодое поколение!

Преданный Вам
Ив. Тургенев

П р и м е ч а н и я :

¹ «Степной король Лир» вышел в 10 книжке «Вестника Европы» за 1870 год (в начале октября ст. ст.).

² Тургенев имеет в виду и отрицательные отзывы об «Отцах и Детях» и «молчание критики» о рассказах «История лейтенанта Ергунова» и «Несчастливая» (см. напр. письмо Полонскому от 11 марта/27 февраля 1869 г., ПСП, 154), и «Короля Лира» (Борисову, VIII, 418).

³ Сведения о работе над рассказом встречаются в переписке Тургенева, начиная с марта 1869 г. В письмах редактору Вестника Европы, М. М. Стасюлевичу работа над рассказом упоминается не раз (5 июля н. ст. Стасюлевич, стр. 6; 2 января 1870 г. — там же, стр. 7; 14 января — там же, стр. 81; 8 февраля н. ст. пишет о том же Анненкову — Русское Обозрение 1894, 4, 512; 10 марта — Стасюлевич, стр. 8-9 — здесь он сообщает о расширении замысла рассказа; 27/15 июня сообщает Анненкову о переделке рассказа — Русское Обозрение 1894, 4, стр. 514; 16/4 июля Тургенев сообщает Стасюлевичу, что рукопись рассказа находится у Анненкова — Стасюлевич, 40). Позже Тургенев вспоминает в письме Стасюлевичу от 18/6 ноября 1871 г. (там же, стр. 44-5) о работе над «Королем Лиром».

⁴ М. А. Милютина (РС., стр. 187, примечание) ошибается, утверждая, что Тургенев «прибыл в Москву» «в назначенный срок».

Из Лондона Тургенев выехал только в начале февраля ст. ст. («нашего февраля»), 25/13 февраля приехал в Петербург, в Москву попал только 20/8 марта. По сообщению Милютиной Тургенев бывал у них «два-три раза в неделю» (он уехал из Москвы 2 апреля/21 марта), «два раза читал у нас вслух, при собрании небольшого круга друзей» (там же). Милютина вспоминает и о публичном чтении Тургенева (отказываясь вспомнить подробности): Тургенев выступал с чтением «Бурмистра» в малом зале Благородного собрания 27/15 марта (Клеман, 200).

⁵ У Ивана Ильича Маслова (в РС. напечатано И. П. Маслов) Тургенев останавливался с 1860 г. (см. его письмо Маслову от 6 января 1860 г., ППС, стр. 70). С Масловым Тургенев был знаком в 1851 г. Маслов часто занимался устройством материальных дел Тургенева до 1881 г., когда какая-то серьезная болезнь (удар?) сделала его, как видно из переписки Тургенева, неработоспособным.

⁶ Кн. В. Черкасский — см. прим. 2 к письму 7. Неясно, о каком «адресе» тут идет речь. Если об адресе Московской городской думы, то непонятно, какую роль сыграло в подписании его Черкасским «чувство дружбы». См. прим. 6 к письму 25.

⁷ Юрий Алексеевич Милютин (1856-1912), сын Н. А. Милютина, позже писал стихи (см. прим. 1 к письму 36), общественный деятель, принимал участие в праздновании 40-летия крестьянской реформы в 1901 г. Был участником кружка почитателей Владимира Соловьева.

27. (издается впервые)

[Москва]

[между 21/9 марта и

1 апреля/20 марта 1871 г.]¹

Как это Вы не вздумали раньше мне дать Вашу пиэсу², милая Мария Агеевна? — А то с портретом, который еще не кончен³, да со всяческими делами — ужасно коротко время — Однако я непременно прочту, хотя сегодня на ночь — и завтра скажу Вам мое мнение. — что оно будет искренно — в этом не сомневайтесь Я Вас увижу сегодня вечером.

До свиданья Жму Вам руку

Ваш

Ив. Тург[енев]

П р и м е ч а н и я :

¹ Дата устанавливается по сравнению с письмами №№ 26, 28, 29. Тургенев приехал в Москву 20/8 марта 1871 г. и уехал 2 апреля/21 марта. Так как он еще собирается «завтра» сообщить автору

свое мнение, то письмо не могло быть написано позже 1 апреля/20 марта. Несомненно оно было написано и не в первый день по приезде в Москву, а скорее в конце пребывания там Тургенева, т. е., вероятно около 25/13 марта.

² Речь идет, очевидно, о той же комедии, что и в письме 29. Тургенев или не успел прочесть ее в Москве, или только вернуть ее автору и выслал из Петербурга 3-го апреля/22 марта (он пробыл там только один день).

³ О каком портрете идет речь, к сожалению, нельзя определить. В Петербурге при этом его посещении России (в Петербурге Тургенев был от 25/13 февраля до 19/7 марта) с него писали портреты К. С. Маковский и Н. Н. Ге (*Клеман*, стр. 199).

⁴ Из этих «дел» нам известно выступление Тургенева с публичным чтением (см. прим. 4 к письму 26) и переговоры с издательством Иогансона об издании романсов Полины Виардо (*Клеман*, стр. 200).

28. (издается впервые)

[Баден-Баден или Москва]
[1867-1871]¹

Не пеняйте на меня, любезная Мария Агеевна, если я не могу сдержатъ слова на сегодняшний день: на² меня³ вдруг свалилась неожиданная и спешная работа, которую никак нельзя отложить. До другого раза — но не другого *спора*.

Крепко жму Вам руку и кланяюсь Николаю Алексеевичу.

Преданный Вам

Ив. Тургенев

П р и м е ч а н и я :

¹ Записка не поддается ближайшей датировке. Она могла быть написана только там, где Тургенев часто встречался с Милютиной: в Баден-Бадене, в 1867-69 гг. или в Москве в 1871 г.

² «на» вписано между строк.

³ После слова «меня» вычеркнуто начало какого-то слова.

29. (XXIV, 154)

Лондон

16 Beaumont Street

Пятница 14/2-го Апр[еля] 1871.

Любезнейшая Марья Агеевна, Ваше большое и хорошее письмо доставило мне много удовольствия. — Во-первых, оно доказало мне что Вы чувствуете ко мне доверие и уже не считаете меня букой; во-вторых оно сообщило мне много

драгоценных сведений о Вашей внутренней и внешней жизни. — Говорю Вам искреннее спасибо и надеюсь, что наша переписка на этом не остановится.

Но каким образом Вы в *Пятницу* (две недели тому назад) — еще не получили Вашего большого пакета, отправленного мною, по обещанию, из Петербурга в предшествующий понедельник со станции железной дороги — это меня удивляет и несколько [стр. 2] беспокоит. — Надеюсь, что хотя позднее, чем бы следовало, рукопись однако к Вам возвратилась. — Я уже в самом пакете написал несколько слов карандашом — а из Берлина написал Вам подробнее и обстоятельнее, что именно я думаю о Вашей комедии¹.

Я приехал сюда ровно неделю тому назад — и на другой же день слег в постель². Только сегодня я, могу сказать, совсем поправился — и начал выходить. — Квартера, в которой я живу и адрес которой стоит в заголовке этого письма — очень неудобна и мала — потому я вероятно перемену ее: — прошу Вас писать по прежнему, оставленному мною у Вас адресу.

Я нашел здесь всех *своих* здоровыми; — бедный Николай Иванович Тургенев с семейством, говорят, [стр. 3] в Париже; говорю: бедный, потому что Вы можете себе представить, каково там жить теперь; — пожалуй, и сыновей его завербуют в защитники коммуны³.

Ваша оценка тех женских личностей, которые Вас более других привлекают и которых я у Вас видел — кажется мне весьма верной — и к ним самим я чувствую большую симпатию. — Кн[ягиня] Голицына⁴ — воплощенная доброта. — То, что я узнал об ее⁵ судьбе, еще усугубляет произведенное ею впечатление; пожалуйста, поблагодарите её от моего имени за лекарство против холеры — и скажите ей, что, к счастью, здесь оно не нужно — так как о холере здесь и помину нет — также как и о тех разнообразных болезнях, которыми грозилась нам Российские врачи... — Я полагаю, они просто хотели удержать своих пациентов.

[стр. 4] Я еще до сих пор не имею ни малейшего понятия о том, что со мною будет и куда я денусь после Июля месяца⁶. — Видно: когда хлеб, тогда и мера. Буду жить пока со дня на день и попытаюсь работать, хотя и тут еще пока ничего не предвижу. Что я к самому себе охладел — это еще туда сюда: — но что я к делу своему охладел — это плохо. — Всё равно — буду ли я писать, нет ли, свою обедню я отзвонил, да уж и давненько ее отзвонил⁷.

Будьте здоровы и в бодром настроении духа. Сумма хорошего все-таки перевешивает! — и как еще! — в Вашей жизни а ведь это большая милость. Всем Вашим шлю свой привет — а Вам и Николаю Алексеевичу дружески жму руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

Примечания :

¹ О комедии, как и других литературных произведениях М. А. Милютиной ничего не известно (ср. примечание 6 к введению). Письмо (или записка), вложенное в пакет с рукописью комедии, так же, как и упоминаемое здесь письмо «из Берлина», неизвестны.

² Из Петербурга Тургенев выехал 3 апреля/22 марта, приехал в Лондон 7 апреля/26 марта (см. письмо П. Борисову от 14/2 апреля, ПСП, стр. 189).

³ Письмо написано в дни Парижской коммуны; о том же см. цит. письмо Борисову.

⁴ Какая княгиня Голицына имеется в виду, не удалось установить. Возможно, что кн. Александра Иосифовна Голицына (род. в 1841 г.), жена Сергея Михайловича кн. Голицына (род. в 1843 г.), попечителя Московской «Голицынской» больницы.

⁵ Тургенев начал писать слово: «добр» и зачеркнув продолжал далее «судьбе».

⁶ О поездках Тургенева см. прим. 7 к письму от 18/6 декабря. Возвращение в Париж в период гражданской войны (Коммуны) было невозможно.

⁷ Одно из довольно частых у Тургенева выражений разочарования в своей литературной деятельности и желания ее оставить. Впрочем, в некоторых случаях у него можно видеть попросту известное кокетничанье своими настроениями. О желании прекратить литературную деятельность Тургенев пишет уже в 1857 г., когда он в феврале рвет и выбрасывает свои рукописи, затем несколько раз при работе над «Довольно» (1862-65), которое и должно было быть «прощаньем» с читателями, в 1873 г. (литературу «бросил» — Полонскому 22 марта н. ст., ПСП, 215), наконец, в последние годы жизни в 1876-77 гг.; при этом часто такие утверждения читаем в письмах, одновременно с которыми Тургенев сообщает другим корреспондентам о своих литературных работах и планах.

30. (XXV, 155)

Лондон

16 Beaumont Street

Marylebone

27/15-го Апреля 1871.

Любезнейшая Марья Агеевна, — я на днях получил Ваше письмо от 1-го Апр[еля]а вчера прибыли романсы Чайковского, которые Гжа Виардо тотчас разыграла и из которых ей особенно понравились три последние — и особенно самый последний — на слова Гете (а не Гейне, как сказано в тексте): «Nur wer die Sehnsucht kennt» — в переводе Мея¹. Гжа Виардо собирается спеть этот романс в одну из своих «Суббот» — и теперь же поручила мне благодарить г-на Чайковского; все *ее* романсы будут ему доставлены. — А я с своей стороны благодарю Вас за скорое и любезное исполнение моей просьбы². Мои друзья — русские — обыкновенно так меня не балуют.

[стр. 2] Я вполне могу оценить то, что Вы мне говорите об отношениях Ник[олая] Алексеевича к Вашей, не скажу — пока — литературной — но письменной деятельности и [. . .]³ в тоже время я вполне уверен, что никто более его не радовался бы, если бы Вы получили несомненный успех. — Но для этого надобно решиться — и начать — не бросившись в воду, не выучившись плавать⁴. — И я Вам советую это сделать: потонуть Вы все таки не потонете. —

Я льщу себя надеждой, что Вы наконец поверите моим словам на счёт тех искренне-дружественных чувств, которые я всегда питал к Вам — и особенно с времени моего пребывания в Москве⁵. Тамашнее общество делает мне много чести, занимаясь мною даже после моего отъезда; но не следовало бы извращать мои слова. Я никогда не сказал ничего подобного фразе, [стр. 3] которую мне приписывают⁶; — я помню только, — что в ответ на чье то замечание, что я что-то — (не помню что именно, но только не Русский народ) — презираю — я сказал что вообще это чувство испытываю редко — и уже коли что-нибудь стал бы презирать — то вероятно начал бы с самого себя. Вы видите какой извращенный смысл придали моему смиренному признанию. Но это все — пустяки. Мое — «Я» меня самого перестало интересовать; могу ли я интересоваться тем, что об этом «я» — говорят и думают другие? Это однако не мешает мне быть благодарным всем тем, которым угодно чувствовать ко мне расположение.

— Как сказано в песенке Соллогуба: «Благодарю — не ожидал!»⁷.

Кланяюсь всей Вашей семье, всем московским приятелям и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Примечания:

¹ Перевод Мея «Нет, только тот, кто знал/Свиданья жажду...» (1857).

² Тургенев пишет «прозба».

³ Вычеркнуто два слова (по прежнему[?]).

⁴ Это неожиданная реминисценция из... Гегеля, которым Тургенев занимался в молодости (см. мою книгу «Гегель в России», Париж 1939, стр. 153-163 и 248).

⁵ В Москве Тургенев пробыл с 20/8 марта до 2 апреля/21 марта 1871 г. Уже 8-го или 9-го он побывал у Милютиных (письмо Анненкову, от 21/9 марта, Русское Обозрение, 1898, 3, 7-8).

⁶ По сообщению М. А. Милютиной (РС, 188) Тургеневу приписывали фразу, что он «презирает русский народ столько же, сколь и самого себя». Милютина спросила его в письме, правда ли это. Слухи об отрицательном отношении Тургенева к России и русским основывались отчасти на его разговоре с Достоевским (см. прим. 8 к письму номер 33, стр. 126), но и на словах Иринарха Потугина в романе «Дым» (1867). Не подлежит сомнению, что Тургенев в уста Потугина вложил в значительной степени собственные мысли.

⁷ Из какого-то водевиля гр. В. А. Соллогуба. В просмотренных мною 11 водевилях Соллогуба такой фразы нет (всего им написано 17 водевилей). Тургенев цитирует ту же фразу в письме к Ж. А. Полонской от 24 ноября н. ст. 1881 г. (ПСП, 391).

31. (XXVI, 157)

Лондон

16 Beaumont Street

Marylebone, 17/5-го Мая 1871 г.

Милая Мария Агеевна,

Я получил оба Ваши письма в одно и тоже время; — душевно благодарю Вас за высказанное Вами участие. — Вы теперь вероятно уже давно знаете, что сообщенное газетам известие¹, не имело, слава Богу, никакого основания;

еслиб оно было справедливо — я бы теперь не отвечал Вам. Вторично благодарю Вас и крепко жму Вам руку.

Я с живым участием прочел, что Вы² мне написали о Н[иколае] А[лексеевиче]. Его положение — действительно трагическое [стр. 2] — в нем все величественное и горькое, горестное, свойственное трагедии. Тут и помочь нельзя; — надо только переживать до конца, — и помнить, что даже такая участь дается не многим — и высшим

«Wer für die Besten seiner Zeit gelebt —

Der hat gelebt für alle Zeiten»³

В Вашем письме Вы говорите также обо мне, снисходительно приурочивая меня к тем крупным личностям — Поверьте: когда я говорю, что «охладел к своему делу» — я не жантильничая и не хандрю; — [стр. 3] я просто, сознаю факт. — Я готов допустить, что талант, отпущенный мне природою — не умалился, — но мне *нечего*⁴ с ним делать... Голос остался — да *петь* нечего. След[овательно] лучше замолчать. — А *петь нечего*⁴ потому что я живу вне России; а не жить вне России, я, по обстоятельствам все-сильным — не могу... Следовательно — заключение выведите сами⁵.

Мне очень прискорбно было узнать что Вы больны; надеюсь, что Вы теперь уже поправились. — Правда, весна у нас [стр. 4] в Англии — отвратительная — холодная не хуже зимы: — но быть может, в Москве лучше?

Передайте мой поклон всем Вашим и примите уверение в искренней моей приязни.

Ваш
Ив. Тургенев

П р и м е ч а н и я :

¹ В газетах появилось сообщение, что Тургенев себя серьезно ранил на охоте.

² «Вы» исправлено из начала какого-то другого слова.

³ Шиллер, Пролог к «Валленштейну». В РС напечатано с ошибкой, здесь печатается по рукописи; Тургенев цитирует неверно. У Шиллера:

Wer für die Besten seiner Zeit genug getan —

Der hat gelebt für alle Zeiten.

⁴ Оба раза «нѣчего».

⁵ См. прим. 7 к письму 29. О том, что «за границей положительно нельзя писать русских вещей» он говорит в письме Авдееву в

январе 1874 г. (РС, 1902, 9, 509). Между тем в том же году (!) он пишет А. П. Философовой (18 августа н. ст.), что именно в 1848-50 гг., когда он жил за границей, он написал «Записки Охотника» и что упреки критики в том, что последние «сочинения плохи, вследствие моего отсутствия из России» несправедливы (ПСП, 238-239).

32. (XXVII, 159)

Париж

47, rue de Douai

Понедельник 18/6 Дек[абря] [18]71.

Любезнейшая Марья Агеевна — я сей час получил через Ханькова¹ Ваше письмо — и немедленно отправил его в Vert-Bois². — Я это сделал во первых для того чтоб разъяснить то недоумение, о котором Вы упоминаете; — а во вторых, в этом письме есть подробности и выражения, которые несомненно тронут сердца всего³ Тургеневского³ семейства. — Я видел их два раза: они все глубоко и скорбно потрясены смертью Николая Ивановича⁴ и не скоро оправятся — особенно обе женщины. — Оказывается, что, как семьянин, он был человек крайне мягкий, безо всяких притязаний, не требовательный: а это ценится выше всего. — Да и вообще он был превосходнейший человек. — [стр. 2] Телеграмма *была получена* — это я знаю наверное — я помню, с какой благодарностью они о ней говорили. — Статью в Московских Ведомостях я не читал да и они также о ней ничего не знали; тот Номер [так!] вероятно, какимнибудь образом не попал в их руки⁵. —

От времени до времени доходят до меня известия о Вас, о Николае Алексеевиче; — но мне приятно будет — получить их прямо от Вас. По Вашим словам — ухудшения нет; — а в обыкновенном порядке вещей — уже и за это спасибо. —

Меня порадовало и то, что Вы сказали об Юрье⁶: — сын Н. А. Милютин должен быть достоин своего отца.

Я — с тех пор, как простился с Вами — был в Англии, в Шотландии по[стр. 3]том в Бадене⁷; расстался с ним окончательно — (продал дом и т. д.)⁸ — и теперь пока — в Париже⁹ который не похож на прежний Париж — хоть и не стал новым. — Междоумочное положение — во всех отношениях!

В конце Января я прибуду в Россию — и в Феврале или Марте загляну и в Москву¹⁰. — в нынешнем году подагра

меня сильно допекала — я и теперь не совсем от нее освободился. — А впрочем был здоров — и даже работал. — В январском № Вестника Европы — будет помещена моя повесть¹¹. — Не полагаю, чтобы она Вам понравилась. Вы и Московские дамы, немножко строги... О Княгине Черкасской и А. Ф. Аксаковой¹² я уже не говорю — и только заранее пожимаюсь при мысли об этих неумолимых громовержицах! —

[стр. 4] Пожалуйста передайте мой усердный поклон Вашему мужу и всем тем, которые меня не забыли. — Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев¹³

П р и м е ч а н и я :

¹ Ханыков — см. прим. 2 к письму 22.

² Вилла Н. И. Тургенева в окрестностях Парижа.

³ «Тургеневского» вписано между строк.

⁴ Тургенева, декабриста. Его некролог, написанный И. С. Тургеневым, появился в «Вестнике Европы» 1871, 12.

⁵ Речь идет, очевидно, о телеграмме, посланной Милютиными семье Тургенева (умер 29 октября 1871 г.) и о его некрологе.

⁶ См. прим. 7 к письму 26.

⁷ Тургенев был в Лондоне в конце 1870 — начале 1871 г., вернулся в Германию в феврале. Здесь имеет в виду свою вторую поездку в Лондон, куда он приехал («расставшись» с Милютиными в России) 7 апреля/26 марта, в августе (9-15 н. ст., 28 июля — 3 августа старого стиля) принимает в Эдинбурге участие в юбилейных торжествах по случаю столетия со дня рождения Вальтер Скотта (письмо Фету от 28/16 августа 1871 года, Ц. Сб., 432-433), затем охотится в шотландской провинции. С конца августа до середины ноября живет в Баден-Бадене, затем возвращается в Париж (*Клеман*, 203-204).

⁸ О продаже дома в Баден-Бадене Тургенев пишет брату Н. С. 29/17 октября (РС, 1885, 9, 495-6).

⁹ В Париж Тургенев вернулся 21/9 ноября (*Клеман*, 204).

¹⁰ В Москве Тургенев был в июне-июле 1872 г.

¹¹ В январском номере Вестника Европы (вышел в середине января) помещены «Вешние воды».

¹² Кн. Черкасская, см. прим. 4 к № 23; А. Ф. Аксакова — дочь Ф. И. Тютчева, жена И. С. Аксакова. Вероятно, Тургенев ожидал от них морального осуждения своей повести.

¹⁸ М. А. Милютина делает к этому письму такое примечание: «Письмо это было написано в декабре 1871 г. а в январе 1872 г. Николай Алексеевич схватил сильную простуду, от которой, при тяжкой хронической болезни — уже не поправлялся. По приезде в феврале в Москву, Ив. Серг. уже не застал его в живых» (в действительности Тургенев приехал в Москву не раньше 31/19 мая! — ср. письмо П. Маслову, ПСП, 204, стр. 204). И далее: «Мне нечего было сообщать ему более, и переписка наша понемногу прекратилась». Как увидим, последнее письмо Тургенева Милютиной относится к 1877 г.

33. (XXVIII, 167)¹

Париж

48 rue de Douai²

15/3 Дек[абря] [18]72.

Любезнейшая Марья Агеевна, искренно благодарю Вас за дружелюбное чувство, внушившее Вам Ваше письмо³. Поступок Достоевского не удивил меня нисколько. Он возненавидел меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру⁴ — хотя я ничем не заслужил этой ненависти; но беспричинные страсти, говорят, самые сильные и продолжительные. Д[остоевский] позволил себе нечто худшее, чем пародию «Призраков»; в тех же «Бесах» он представил меня, под именем Кармазинова, тайно сочувствующим Нечаевской партии. Странно только то, что он выбрал для пародии единственную повесть, помещенную мною в издаваемом некогда им журнале «Эпохе»⁵, повесть, за которую он осыпал меня благодарственными и похвальными письмами! [стр. 2] Эти письма сохраняются у меня. — Вот было бы забавно — напечатать их!⁶ Но он знает, что я этого не сделаю. Ему бы по крайней мере следовало, прежде чем клеветать на меня, заплатить мне занятые у меня деньги⁷; он полагал, что можно обойтись и без этого: это дело его совести. А мне остается сожалеть, что он употребляет свой несомненный талант на удовлетворение таких нехороших чувств; видно он мало ценит его, коли унижается до памфлета⁸.

Но за Ваше милое письмо позвольте еще раз поблагодарить Вас.

Я так недавно писал Вам, что мне почти нечего прибавить и сообщить нового⁹.

Мое здоровье как будто несколько поправляется; однако [стр. 3] я все еще не выхожу из дому. —

Передайте мой дружеский привет всем Вашим; крепко
жму Вашу руку и остаюсь

Душевно Вам преданный

Ив. Тургенев

P. S. Название моей улицы — rue de Douai — а не
Douet.

Примечания :

¹ Письмо напечатано в РС с сокращениями имени Достоевского и названий литературных произведений, журнала «Эпоха» и имени «Кармазинов». В «Первом собрании писем» раскрыто имя Достоевского, но сделаны дальнейшие сокращения. Интерес исследователей всегда возбуждал ряд точек, стоявший в обоих изданиях после слова «памфлета» (см. ниже прим. 7). Эти точки поставлены, однако, по недоразумению: никакого пропуска текста в этом месте нет!

² Номер 48 на rue de Douai был позже изменен на номер 50. Таким образом письма Тургенева, в которых номер обозначен как 48-ой или 50-ый писаны из одной и той же квартиры. «47» в письме 32, вероятно, описка.

³ Как видно из дальнейшего М. А. Милютинна не заметила, что в «Бесах» не только рассказ «Мегси» — пародия на «Призраки» Тургенева, но что и фигура автора рассказа, Кармазинова — карикатура на Тургенева.

⁴ Достоевский познакомился с Тургеневым в начале ноября 1845 г. Они встречались во всяком случае много раз. Тургеневу Достоевский вряд ли понравился: в 1846 г. Тургеневым и Некрасовым написана известная эпиграмма на Достоевского («Рыцарь горестной фигуры»). Отзывы Достоевского о произведениях Тургенева очень долго остаются положительными; как кажется, первое произведение Тургенева, вызывающее неудовольствие Достоевского «Казнь Тропмана» (1870, письмо Страхову от 23/11 июня).

⁵ «Призраки» были напечатаны в «Эпохе» 1864, I (февраль).

⁶ Переписка Тургенева с Достоевским издана *И. Зильберштейном* и *Н. Бельчиковым* (Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев: Переписка. Л. 1928), ср. также книгу *Ю. Никольского*: Тургенев и Достоевский. История одной вражды. София, 1921. Достоевский, действительно очень добивался получения долго писавшихся «Призраков» для «Времени», а затем для заменившей его «Эпохи» и очень положительно оценивал рассказ в письмах Тургеневу. Надо, однако, принять во внимание, что воззрения Достоевского на литературу после 1864 г. значительно изменились.

⁷ Дело идет о 50 талерах, которые, проигравшись в рулетку в Висбадене Достоевский просил Тургенева выслать ему (письмо от 15/3 августа 1865 г., Письма Достоевского I, 1928, стр. 410). Вместо просимых 100 талеров Тургенев выслал 50, которые Достоевский получил 20/8 августа (там же). Не позже начала 1872 г. Достоевским составлен список своих кредиторов, в том числе упомянут Тургенев (*Л. Гроссман: Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. 1935, стр. 199*). Деньги эти он, впрочем, вернул только в июле 1875 г. под расписку П. В. Анненкову, с которым он случайно встретился в поезде по дороге из Эмса в Петербург (там же, стр. 237). Анненков передал Тургеневу эти деньги через Онегина (*Клеман, 237*) в том же году. Тургенев писал Анненкову: «я сначала не хотел их брать — мне было неприятно думать, что человек ругающий меня публично и приватно — мне должен — и не 50, а 100 талеров». Тургенев по ошибке полагал, что Достоевский должен ему 100 талеров и поручил Онегину получить будто бы остающиеся 50 талеров у Достоевского. В марте 1876 г. у Достоевского появился А. Ф. Онегин, потребовавший от имени Тургенева остаток долга. Недоразумение разъяснилось (там же, стр. 246).

⁸ В карикатурном изображении Тургенева в «Бесах» понятно только раздражение Достоевского против тех намеренно утрированных формулировок своего «западничества», которые Тургенев допустил при встрече с Достоевским 10 июля/28 июня 1867 г. в Баден-Бадене (письмо Достоевского А. А. Майкову от 28/16 августа того же года, Письма. II. 1929, стр. 30-32). На спор вызвал Тургенева сам Достоевский, начав бранить немцев. Уже в конце года Тургенев рассылает знакомым письма, опровергая рассказы Достоевского о их ссоре (письмо Бартневу, Русский Архив 1902, III, 148-9, Анненкову, Русское Обозрение 1894, I, 27-28). Уже в письме Я. Полонскому от 24 апреля н. ст. 1871 г. из Лондона Тургенев жалуется, что как «сказывали», Достоевский «вывел» его (в «Бесах»). И здесь также упоминает о денежном долге (ПСП, 194). Тургенев на следующий день после ссоры заезжает к Достоевскому, делает Достоевскому визит в отеле (оставляет свою карточку), очевидно, чтобы показать, что не желает рвать с ним отношений (*Дневник А. Г. Достоевской. Москва. 1923, стр. 195*). Деловые и литературные отношения между Тургеневым и Достоевским позже не прерывались (см. письма в книге *Зильберштейна и Бельчикова*). Однако, разыгрался еще неприятный инцидент на обеде в честь Тургенева в Петербурге 13 марта ст. ст. 1879 г. Здесь Достоевский в резкой форме потребовал от Тургенева более ясной формулировки его взглядов: для слушателей осталось неясным, имел ли Достоевский в виду только отношение Тургенева к западничеству и славянофильству или более

конкретную политическую программу. Этот инцидент произвел на присутствовавших тяжелое впечатление. См. отчет в «Вестнике Европы» 1879, 4, стр. 821, воспоминания Градовского («Итоги»), письмо П. Анненкова Стасюлевичу (Стасюлевич III, письмо от 16 апреля 1879), Л. Гроссман 279 и Ю. Никольский: Тургенев и Достоевский; Сборник «Достоевский» под ред. Долинина II, 361. После слова «памфлета» в изданиях в РС и ПСП стоит ряд точек, — по недоразумению; никакого пропуска текста здесь нет.

⁹ Так как последнее известное предыдущее нам письмо Тургенева относится к декабрю 1871 года, то надо полагать, что по крайней мере одно письмо Тургенева Милютиной в издаваемом собрании отсутствует. Надо полагать, что Тургенев выразил Милютиной сочувствие после смерти ее мужа (в январе 1872 г.). Но утерянное письмо было написано «недавно», т. е. не ранее августа 1872 г.

34. (XXIX, 168)

[Париж]

[конец 1872 или начало 1873 г.]¹

[. . .]²кую надежду на выздоровление раньше весны. — Да впрочем, я стал к этому довольно равнодушен: ничего так не старит и не разочаровывает, как подобная немощь: одно скверно: мучиться надо. Но ведь и этому пособить нельзя.

Из письма Вашего я могу заключить, что и Вам тяжело — *au moral!* — Кроме Вашего неизлечимого горя³ и московской томительной скуки — у Вас еще, если² [. . .] [стр. 2]Моя болезнь помешала мне отда[ть]² последний долг графу Киселеву⁴; я его видел года два тому назад — и уже тогда он заметно разрушался.

И. П. Арапетов здесь и был уже у меня два раза. — В нём в эту минуту совмещаются два качества — или скорей два свойства, которые редко уживаются в одной душе: сильная самоуверенность и сильная хандра⁵.

[стр. 3] И так Вам мой «Чертопханов»⁶ понравился: тем лучше. — Приятелям моим он напротив вовсе не понравился; — П. В. Аненков взял с меня слово никогда впредь никаких прибавлений и продолжений к «Запискам Охотника» не делать⁷. —

Тургеневы⁸ не могут расстаться с Vert-Bois⁹, и даже неизвестно когда они прибудут в Париж. — Продолжать издание писем Н. И. Т[ургенева] они будут, но у них ничего скоро не делается¹⁰.

Поклонитесь от меня Черкасским, П[етру] Самарину и его жене, — и прочим невраждебным Москвичам.

Как странно, что я никогда не слышал С. М. Сухотина¹¹ читающим! Поклонитесь и ему и скажите ему моё усердное спасибо.

Будьте здоровы; крепко жму Вам руку и остаюсь
преданный Вам
Ив. Тургенев

Примечания :

¹ Дата устанавливается по сообщению о выходе «Конца Чертопханова» (Вестник Европы 1872, 11 [ноябрь]). Милютину датирует письмо 1873 годом.

² Пробелы, так как верхняя половина первого полулиста оторвана и часть его повреждена и в других местах.

³ Имеется в виду смерть Н. А. Милютина 26 января 1872 г.

⁴ Граф П. Д. Киселев, см. прим. 3 к письму 12.

⁵ Арапетов — см. прим. 2 к письму 7. Сказанное здесь напоминает характеристику Помпонского (будто бы списанного с Арапетова) в «Затишье» Тургенева.

⁶ «Конец Чертопханова». См. прим. 1.

⁷ Кроме Анненкова критически отнеслась к рассказу также С. К. Кавелина (см. письмо ей Тургенева от 2 января 1873 — 21 декабря 1872 г. Русская Мысль 1897, 6, стр. 26 и следующие).

⁸ Семья Н. И. Тургенева.

⁹ Вилла Тургеневых вблизи Парижа.

¹⁰ Издание писем Н. И. Тургенева не состоялось. Впервые они напечатаны в Архиве братьев Тургеневых, том I. III и VII, вышедшие также под заглавием: Дневник и письма Н. И. Тургенева, томы I-IV. СПб. 1911-13 и 1930, затем: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, 1936.

¹¹ Вероятно, Сергей Михайлович Сухотин (1818-1886), камергер. На его искусство, как чтеца, я не встречал указаний. Он не раз упоминается в переписке Л. Н. Толстого с женой в те же годы. Его воспоминания («Из памятной тетради») печатались в «Русском Архиве» (1894, 2-4). Его бракоразводный процесс дал материал Толстому для описания бракоразводного процесса Каренина в «Анне Карениной».

35. (издается впервые)

С Спасское-
Лутовиново
(Орловской губ[ернии] —
город Мценск)
Пятница 26/12го Июня 1874.

Любезнейшая Марья Агеевна — не ради Вашей мадеры приехал бы я к Вам — хотя 50тилетняя мадера — ой ой какая знатная вещь — а для того, чтобы иметь удовольствие побывать у Вас и с Вами — но «вследствии»¹ разных непредвиденностей, я в деревне остаюсь гораздо меньше, чем я полагал — а именно уезжаю в Понедельник². — Вместо месяца я остался всего две недели — мне остается только поблагодарить Вас за Ваше любезное приглашение, пожелать Вам и всем Вашим и выразить надежду, что хоть зимой увидимся³. — А за сим дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев

Р. С. Фет-Шеншин должен быть от Вас близехонько. Он в 12и верстах от Змиевки⁴.

П р и м е ч а н и я :

¹ Тургенев пишет «вслідствию».

² Поездка Тургенева в 1874 г. сложилась так: он приехал в Петербург 19/7 мая, 21/9 приехал в Москву, 16/4 июня уехал в деревню (Спасское), откуда собирался уехать 29/17 июня, но в виду приступа подагры (*Клеман*, стр. 226) отложил отъезд; у него в гостях тогда побывала бар. Вревская (Щ. Сб. V, 465), в Москву он уехал 9 июля/27 июня. Только 1 августа/20 июля Тургенев смог выехать из Петербурга за границу (*Клеман*, там же).

³ Переписка Тургенева ничего не сообщает о встречах с М. А. Милютиной до 1877 г., когда она в Париже, как показывает последнее хронологически публикуемое мною письмо (№ 37), обсуждала с Тургеневым вопрос об издании французского перевода писем Н. А. Милютина и своих «Записок».

⁴ Орловское имение Фета лежало в Мценском уезде. М. А. Милютина жила, очевидно, в это время в имении своего покойного мужа; во всяком случае в той же Орловской губернии. «*Post Scriptum*» на левом поле письма.

36. (XXX, 199)

Париж

Воскресенье 6 марта [18]75.
22 февраля

50 rue de Douai

Однако задали Вы мне задачу, любезнейшая Марья Агеевна! — Я полагаю такой задачи еще ни один сочинитель не получал. — Определить мое собственное мирозерцание... да еще в сжатом виде, в письме¹?! — Отнестись либо отрицательно, либо юмористически к подобному вопросу было бы легко и даже естественно... не менее естественно и правдиво было бы сказать: а Господь его знает! — Не знаю же я собственного лица! — Но так как мне не хочется причинить неприятность Вашему сыну (хотя признаюсь откровенно не могу не дивиться, какие странные задачи предлагают воспитанникам Катковского лицея)² — [стр. 2] скажу вкратце — что я преимущественно реалист — и более всего интересуюсь живою правдою людской физиономии; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю, люблю больше всего свободу — и, сколько могу судить, доступен поэзии. — Все человеческое мне дорого. — Славянофильство чуждо также как и всякая ортодоксия. — Кажется сказал довольно — а в сущности все это — одни слова. — Больше ничего не имею доложить Вам о себе.

А прочесть, современем, сочинение Вашего сына по этому предмету будет весьма интересно.

Благодарю Вас за сообщенные известия о себе. — И у нас не обходится без тревог и хлопот — но теперь по прежнему [?] все снова вошло в обычную колею — что лучше всего. О блаженная прелесть однообразия и сходства нынешнего дня со вчерашним! Этой [стр. 3] прелестью наслаждаюсь вполне. Подагра меня оставляет пока — в покое; все мои здесь здоровы, не исключая и новорожденной девочки (дочери моей милой Claudie³, внучки Гжи Виардо). — стало-быть и желать более нечего; к великому моему удовольствию, я к тому же не работаю.

Радуюсь, что Антокольский⁴ взялся за Пушкина, и не удивляюсь, что бюст Вашего мужа ему не удался: портрет не по его части.

Кстати о портретах: живописец Харламов⁵, здесь проживающий, написал удивительные портреты Г-на и Г-жи Виардо — и пишет теперь мой.

Передайте мой дружеский поклон всем Вашим и примите уверение в искренней привязанности

преданного Вам

Ив. Тургенева

П р и м е ч а н и я :

¹ Милютина поясняет в примечании к письму, что ее сыну Юрию (см. ниже) в Катковском лицее была дана тема для сочинения «Мирозерцание Тургенева по его произведениям». Письмо является ответом на заданный М. А. в шутку вопрос, что сам Тургенев может сказать об этом. Юрий Милютин еще позже непосредственно или через Марью Аггеевну обращается к Тургеневу и посылает ему свои переводы стихотворений Гейне. Тургенев предлагает их Стасюлевичу для Вестника Европы (Стасюлевич, стр. 78-79, 20/8 апреля 1876). Примечание М. Лемке (там же), что эти переводы в Вестнике Европы «не появились», вероятно, ошибочно: в 12 книге 1877, стр. 648-650 появилось 5 переводов из «Buch der Lieder» Гейне с подписью «А. Б.». Тургенев, правда, просил дать подпись «Ю. М.». Подпись «А. Б.» в этом случае в словаре псевдонимов И. Ф. Массанов: Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., том I. Москва 1941 (во II и III томах дополнений на буквы «А» и «Б» нет) не раскрыта; и позже, поскольку мне удалось установить, поэтических произведений под этой подписью в Вестнике Европы не появлялось.

² Слова «Катковского лицея» в публикации РС почему-то заменены словами «низших учебных заведений»!

³ Клавдия Виардо, дочь Полины Виардо (род. в 1852 г.), которую Тургенев особенно любил, в марте 1874 г. вышла замуж за Жоржа Шамеро (Georges Chamerot), см. письмо Тургенева И. И. Маслову от 7 марта/23 февраля 1874 г. ПСП, 228.

⁴ Тургенев высоко ценил работы скульптора М. М. Антокольского, с которым он познакомился в феврале 1871 г. и напечатал о нем «Заметку» в «СПб-ских Ведомостях», № 50 от 3 марта/19 февраля 1871 г. В 1877 г. Антокольский в Париже лепил бюст Тургенева. Тургенев особенно восторженно отзывался о «Иване Грозном» и «Христос перед народом» Антокольского.

⁵ Это первое сообщение о работе Харламова над портретом

Тургенева, который был «закончен» 27/15 мая того же года, но еще зимой 1875 г. Харламов дорабатывал портрет, действительно закончив его в декабре (*Клеман*, 335, 341, там же, между стр. 234 и 235 — репродукция портрета).

37. (издается впервые)

Париж
50, Rue de Douai
Вторник 1го Мая [18]77.

Любезнейшая Марья Агеевна,

Я получил уже страхованное письмо с отрывком из Вашей записной тетради¹ — и целыми двумя сутками позднее (т. е. вчера вечером) — тетрадь писем Н[иколая] А[лексеевича] — переведенных на французский язык². Пишу Вам сегодня только для того, чтобы успокоить Вас на счёт прибытия этих писем. Завтра же, по прочтении их, скажу Вам мое мнение и [стр. 2] ответу на Ваши вопросы. — Я остаюсь здесь еще *9 дней* до 10-го мая³.

Примите уверение в самых искренних и дружеских чувствах

Ив. Тургенев

П р и м е ч а н и я :

¹ По всей вероятности это была часть «Записок» М. А. Милютиной, позже частично напечатанных в РС 1899 г. (см. прим. 6 ко Введению).

² Вероятно, эти письма (или часть их) были использованы и напечатаны в биографии Н. А. Милютина Леруа-Болье (см. прим. 4 ко Введению). Леруа-Болье, Henri-Jean-Baptiste-Anatole Leroy-Beaulieu (1842-1914), французский либеральный публицист, автор нескольких работ на «русские» темы, в том числе цит. биографии Н. А. Милютина. Побывал несколько раз в России, при его поездке в 1873 г. Тургенев дал ему рекомендательное письмо Стасюлевичу (Стасюлевич, письмо Тургенева имеет дату 5 февраля/24 января 1873 г.).

³ Тургенев выехал в Россию только 29/17 мая (письмо И. И. Маслову, ПСП, 318-319).

ПИСЬМА Н. С. ЛЕСКОВА К Э. М. ДИЛЛОНУ И О. И. ЛЕСКОВОЙ

Приготовил к печати Ю. Маклейн

ПРЕДИСЛОВИЕ

1.

Общим местом литературной истории стала мысль о том, что за последние два-три столетия личность художника сделалась существенной частью его наследства. Теперь писатели и художники раскрываются перед нами не только в своих произведениях, но и в своей жизни, в своем «я». Некоторые писатели и поэты, в особенности романтики, более или менее сознательно «творят легенды» из своей жизни, превращают жизнь в художественное произведение. Но не все. Некоторые, наоборот, тщательно скрываются от любопытного взгляда, — будь это из-за гордости, стыда или просто скромности. Такие «скрытничают». Но даже если это им удается при жизни, сейчас же после смерти начинается вскрытие трупа. Родственники, друзья и знакомые пишут воспоминания, ученые собирают материалы и составляют биографии, издаются письма, дневники и даже случайные заметки. Бедный «скрытник» обречен познаваться вместе со своим творчеством, как его неотъемлемая часть.

Одним из «скрытников» был Н. С. Лесков. О нем и о его судьбе известно меньше, чем о других русских «генералах от литературы». Поколения русских читателей увлекаются его повестями и рассказами, но о жизни его они знают очень мало или же ничего не знают. Известно, что когда-то он был «на ножах» с нигилистами, написал «реакционный» роман «Некуда» и был за это «отлучен» от господствующей церкви радикальной интеллигенции одним из верховных жрецов ее, Д. И. Писаревым.

Известно также, что он несколько раз выступал в защиту другой, официально господствующей церкви — православной; благодаря знаменитой «хронике» «Соборяне» он многими всё еще считается главным «церковником» в русской литературе. Может быть, некоторым также известно, что позднее он порвал с консервативными кругами, с Катковым и Победоносцевым, и был уволен «без прощения» с государственной службы. Но менее всего известно — и в этом для самого Лескова заключается немало злой иронии — то, что еще в 70-х гг. он окончательно порвал и с «церковностью», и что к 90-м гг. он уже стал правоверным (или почти правоверным) толстовцем. Читатели часто забывают (и некоторые поклонники даже замалчивают) то, что для него самого было нравственным апогеем всей его жизни: его «художественную проповедь» христианской морали в духе Толстого.

Игнорируется не только этот кульминационный момент идеологической эволюции Лескова, игнорируется также и его личная жизнь. Читатели, которым хорошо известны все перипетии отношений между Толстым и его женой, не знают даже, был ли Лесков женат. Имеющиеся биографические сведения о Лескове поразительно скудны. До самого последнего времени не существовало ни одной сколько-нибудь удовлетворительной биографии Лескова. Старая книга А. И. Фаресова¹ интересна и содержит очень ценные материалы, но она составлена крайне небрежно и неряшливо. Из журнальных очерков и статей, посвященных жизни Лескова, большинство написано плохо и в них нередко искажаются факты. В книге Л. П. Гроссмана², несмотря на ее значительные достоинства, слишком мало внимания уделяется многим существенным моментам биографии Лескова (напр. развитию его религиозной мысли) и портрет его несколько ретуширован в духе советских идеологических заказов. Только в прошлом году (1954), вышла, наконец, объемистая биография Лескова, написанная его сыном, Андреем³. Книга эта далеко не беспристрастна, она носит несколько личный характер и не может претендовать на научную объективность, но всё-таки она представляет огромный интерес, не только для ученых, но и для общего читателя. Этой книгой открываются давно запертые двери в личную и семейную жизнь Лескова.

С перепиской Лескова дело обстоит не лучше. Не существует собрания его писем, как не существует полного собрания его сочинений. Только две публикации лесковских писем проредактированы хорошо, да и те остались почти неизве-

стными широкой публике⁴. Другие письма рассеяны по разным изданиям, из которых некоторые почти недоступны⁵. Большая часть его переписки остается неизданной; приходится пока довольствоваться цитатами, приведенными в советских работах о Лескове. В виду скудости опубликованной переписки Лескова, тем более оправданной является эта публикация нескольких его писем, недавно найденных в Англии и во Франции. К тому же они освещают именно последний, столь часто игнорируемый период жизни Лескова: «толстовство» 90-х гг.

Два корреспондента, письма к которым Лескова здесь опубликовываются, отличаются друг от друга почти во всех отношениях: и возрастом, и национальностью, и характером. Поэтому письма к ним старика Лескова характеризуют его самого с разных сторон. Первый из корреспондентов англичанин (вернее ирландец), Э. М. Диллон. Он был значительно моложе Лескова, но последний был с ним в отношениях «доброй приязни», не стесненных разницей в возрасте. Они были связаны общностью литературных и религиозных интересов, и, повидимому, часто встречались в Петербурге. Кроме того, их, кажется, влекло друг к другу любопытство: каждый казался другому странным, экзотичным. В своих отношениях с Диллоном Лесков выступает в роли остроумного и интересного собеседника, а позднее становится его преданным другом и защитником.

Другой корреспондент Лескова — молодая русская девушка лет пятнадцати, Ольга Ивановна Лаунерт, за которой ухаживал его сын Андрей, позднее на ней женившийся. В отношениях к ней Лесков выступает в другой, излюбленной им роли — доброго, но строгого и несколько придирчивого наставника, «учителя жизни». При этом в письмах к обоим корреспондентам бросается в глаза одна общая черта: неистощимый интерес Лескова к вопросам нравственным. С течением времени он всё более и более убеждается в том, что его главное призвание, и в жизни и в творчестве, есть призвание моралиста: он должен учить других тому, «как надо жить».

2.

Первому из корреспондентов Лескова стоит уделить больше внимания. Это Emile Joseph Dillon⁶, или Эмилий Михайлович, как называли его русские друзья. Слава его теперь

поблекла, но в свое время он пользовался очень широкой известностью. Диллон — это типичная фигура выдающегося журналиста-корреспондента конца XIX-го века. У него было исключительно широкое знакомство среди знаменитостей того времени и он был своего рода «всевидающим оком» британской прессы в европейских столицах. В России он был близок к графу Витте и одно время имел на него немалое политическое влияние. Но в годы знакомства с Лесковым он еще не достиг «высот» своей карьеры, положения интимного советника государственных мужей континента.

Диллон родился в 1854 г. в Дублине. Согласно желанию своего отца, зажиточного купца, он готовится стать католическим священником, и получает блестящее образование в разных католических школах и в Англии и на континенте. Он рано проявляет исключительную способность к языкам и, после некоторых колебаний, посвящает себя ученой карьере и бросает занятия богословием. Он уходит в изучение восточных языков и сравнительной филологии в Париже, Иннсбруке, Лейпциге, Петербурге, Харькове; изучает языки санскритский, арабский, древне-еврейский, персидский, армянский, древне-норвежский, зенд-авеста; полутно он овладевает в совершенстве многими европейскими языками. С 1883 по 1887 г. он состоит профессором сравнительного языкознания при харьковском университете. В 1887 г., когда ему было 33 года, он оставляет свою профессуру для журналистики и становится редактором ежедневной русской газеты, Одесский Вестник. Главным образом из-за неладов с цензурой он скоро бросает это место и переезжает в Петербург, где, вплоть до 1914 г., работает в качестве корреспондента крупной лондонской газеты *Daily Telegraph*.

Жизнь его полна всякого рода приключений. В 1894 г., вопреки особому распоряжению султана, запрещающему ему навсегда вход в турецкую территорию, Диллон тайно переходит границу в форме офицера русской армии и собирает потрясающие сведения об армянских погромах. Три года спустя, переодетый греческим монахом, он принимает участие в восстании против турецкого владычества на Крите. Между прочим, он тогда же знакомится с Венизелосом, который остается его другом на всю жизнь. Здесь не место пересказывать все путешествия и похождения Диллона за последний период его жизни. Он побывал в Испании, на Дальнем Востоке, в Мексике; познакомился со многими выдающимися людьми; посылал домой в редакцию своей газеты множество

интересных корреспонденций. Всего он написал тринадцать книг, посвященных политике и литературе. Кроме того, за ним числится ряд ученых трудов по языкознанию. Умер он в Барселоне в 1933 г., в возрасте 79 лет.

Его коллега Джон Бадли пишет о нем: «It is beyond contradiction that no journalist, not even de Blowitz, has ever approached Dillon in the domain of foreign affairs, either in extent, variety, or depth of knowledge. His acquaintance with men, from Popes, crowned heads, statesmen and ambassadors downwards, is equally unrivalled. Venizelos was one of his discoveries. Count Witte had no secrets from him...»⁷

В конце 80-х и в начале 90-х годов, во время своего знакомства с Лесковым, Диллон был еще человеком молодым, не вполне определившимся. Он еще не знал с уверенностью, чему отдать предпочтение: академической ли деятельности или журналистике и репортажу. Кроме того, он переживал религиозный кризис, вызванный разочарованием в католичестве, и стремился выработать для себя новое мировоззрение. В поисках истины в религии он заинтересовался теми русскими протестантскими сектами (напр. штундистами и пашковцами) которые занимали и Лескова. Он также следил за новейшей библейской критикой, чему способствовало его знание древне-еврейского и греческого языков и классической филологии.

Диллон одновременно с Лесковым увлекался учением Толстого, но не зашел так далеко в этом увлечении, как его старший друг. Рьяным толстовцем он никогда не был. Еще до того, как он знакомится с Толстым, Диллон переводит его сочинения на английский язык⁸ и переписывается с ним. В 1890 г. он гостит в Ясной Поляне, обсуждает с Толстым разные вопросы, связанные с переводом его сочинений, а также и проблемы религиозно-нравственные. На Толстого он произвел не очень хорошее впечатление. В толстовском дневнике от 15-го декабря 1890 г. мы читаем: «Потом Диллон. Нынче только уехал. Мне было тяжело, отчасти п[отому] ч[то] я чувствовал, что я для него матерьял для писания. Но умный и как будто с возникнувшим религиозным интересом»⁹. Внешне отношения между ними оставались дружелюбными, но не надолго...

3.

В начале 1892 года развернулась так называемая «диллоновская история». Основанием этой «истории» была полемика, завязавшаяся вокруг перевода Диллоном статьи Толстого «О голоде». Эта борьба составляет главное содержание печатаемых в настоящем издании писем Лескова. Подробности этого драматического дела излагаются ниже в форме хроники главных событий. Нелегко было установить достоверность всех фактов, так как свидетельства современников часто очень противоречивы. Кроме того, в изложениях этой «истории» в более поздних биографических работах о Толстом часто встречаются неточности, частично вызванные, вероятно, желанием авторов защитить репутацию любимого ими писателя. Но в сущности, кто именно в этом деле прав и кто виноват, — не так уже важно для нас. Существенно то, что в этой борьбе выявляется нравственный облик Толстого и Лескова.

В этом деле лишний раз обнаруживается вся сложность и двойственность гордого и властного характера Толстого и противоречивость его моральной позиции. Во-первых, его самолюбие задето обвинениями в несправедливости по отношению к Диллону и он не хочет признаться в своей неправоте. Во-вторых, он пытается умиротворить жену, взбудораженную слухами о возможности репрессий против него со стороны правительства. В-третьих, он хочет остаться верным собственным своим моральным принципам. К тому же, за Толстым всё время зорко следят его ученики, в особенности В. Г. Чертков, который наблюдает за каждым движением его совести и пространно анализирует его мотивы.

Среди приверженцев Толстого вмешивается в это дело и Лесков, поведение которого в «диллоновской истории» очень характерно. Судя по этим письмам к Диллону очевидно, насколько он был убежденным последователем Толстого и принимал к сердцу все мучения совести своего великого учителя. В деле Диллона Лескову было нелегко: в нем происходила внутренняя борьба между чувством справедливости и преданности к другу, Диллону, с одной стороны, и безграничным преклонением перед мудрецом Толстым, с другой. Трогателен его восторг, когда он узнает, что ему как будто удалось примирить враждующие стороны и уговорить Толстого написать извинительное письмо к Диллону: «Я был страшно потря-

сен тем, как он [Толстой. Ю. М.] сильно с собой боролся и, всё-таки, нашел в себе силу сказать мне, что я один «прав» и что он «виноват», и что я его «победил».

[...] О, если бы я его видел лично, — я бы не только целовал его руку, но я бы поклонился ему в землю!». Согласно любимой поговорке Лескова, «и волки сыты и овцы целы»: Диллон получил извинительное письмо Толстого, а Толстой «получил» спокойную совесть. На самом деле идиллия, нарисованная Лесковым, не вполне соответствует действительности, так как отношения между Толстым и Диллоном не возобновились. Но по крайней мере Лесков мог с полным правом сказать, что стараясь примирить своих друзей, он делал доброе дело.

В письмах к О. И. Лаунерт-Лесковой нравственные стремления Лескова обнаруживаются в менее привлекательном виде. Даже в самом начале их знакомства он пишет ей эти длинные назидательные письма, полные всякого рода моральных наставлений, цитат из Св. Писания и вообще нравственной премудрости. Хотя почти все его замечания справедливы, и хотя очевидно, что он пишет вполне искренно, всё-таки его проповедь представляется нам слишком настойчивой, навязчивой по отношению к молодой девушке. Кроме того, здесь можно увидеть другую черту, которая более наглядно высказывается в письмах Лескова к другим родственникам и друзьям: это его склонность раздражаться в процессе писания. Он начинает письмо ласково, сердечно, но мало по малу увлекается, даже ожесточается, и, в конце концов, его письмо превращается в обвинительный акт, перечисляющий все вины и прегрешения другого. Так, его письмо к сестре, Ольге Семеновне Крохиной, от 29 марта 1892 г., цитируемое у Андрея Лескова, начинается таким образом: «Что ты взяла к себе злополучную Б. [...] — это превосходно и исполняет меня чистой радостью и восторгом! Обнимаю тебя, благодарю тебя, целую и похваляю». После семнадцати страниц письмо кончается несколько иначе: «Ах ты, бесстыдница! Тебя надо крапивой продрать! (не прогневайся)»¹¹. Такие письма у него нередки, и поэтому нетрудно понять, почему Лесков так часто ссорился, не только с литературными «друзьями» и врагами, но и со всеми родственниками, а также и с личными друзьями. Здесь, конечно, в письмах к еще посторонней девушке, Лесков пишет гораздо более сдержанно; но всё-таки, в последнем письме, когда дело касается ее недостаточного

чтения литературы, появляются следы характерного для него раздражения¹².

Несмотря на «шершавость» этих писем, за ними всегда чувствуется самобытная личность художника, который мастер писать именно *своими* словами. Это мыслитель, который мыслит *своими* мыслями, несмотря на уважение к более сильному уму Толстого. Наконец, это моралист, который строго судит не только других, но и самого себя, который в этой «юдоли» зла, тупости и непонимания отстаивает дело добра и правды.

4.

В заключение я хотел бы выразить мою благодарность тем лицам, которые разрешили мне напечатать эти письма. Во-первых я очень признателен г-ну К. Диллону, который не только позволил мне переписать письма к его отцу и опубликовать их в этом сборнике, но также любезно помог мне разобрать их и дал мне много ценных указаний. Во-вторых, я искренно благодарен Ольге Ивановне Лесковой, которая любезно разрешила мне воспроизвести сохранившиеся у нее материалы о ее знаменитом свекре. Я также многим обязан проф. Вильяму Эджертоу из Колумбийского университета. Сам деятельный исследователь Лескова, именно он сообщил мне о существовании материалов О. И. Лесковой и кроме того помог мне указаниями и советом. Часть работы по собиранию этих писем была сделана мной в то время, когда я состоял членом Society of Fellows при Гарвардском университете, и я приношу этому обществу мою благодарность за оказанную мне помощь.

Две страницы из писем к Э. М. Диллону были воспроизведены в виде факсимиле, в его книге о Толстом: а именно письмо 4-ое и отрывок из письма 8-го, с самого начала до «послать ей прямо, а»¹³. Кроме того, в той же книге были опубликованы в английском переводе письма 4-ое, 5-ое, 6-ое и отрывок из письма 10-го, от: «На днях приехал Н. Н. Ге» до: «про наше житье»¹⁴. Весь этот материал печатается здесь с разрешения г. К. Диллона, которому принадлежат авторские права на эти документы. Все остальные письма печатаются впервые.

П р и м е ч а н и я :

¹ А. И. Фаресов, Против течений. Н. С. Лесков: его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем (СПб., 1904).

² Л. П. Гроссман, Н. С. Лесков. Жизнь - творчество - поэтика (М., 1945).

³ Андрей Лесков, Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям (М., 1954).

⁴ Письма к Толстому под редакцией С. П. Шестерикова, в издании «Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник» (М.-Л., 1928); письма к А. А. Краевскому, А. П. Милокову, П. К. Щебальскому, М. М. Стасюлевичу, Б. М. Бубнову и М. А. Протопопову под редакцией А. Н. Лескова, С. Рейсера, И. Ямпольского и Н. А. Шиманова, в издании «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению» под общей редакцией Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера (М.-Л., 1940).

⁵ Напр. письма Лескова к Д. Н. Цертелеву под редакцией Н. С. Плещунова в издании «Литературный семинарий» под редакцией А. В. Багрия, вып. 7 (Баку, 1928), стр. 24-27; напечатано в количестве 100 экземпляров.

⁶ Сведения о Диллоне почерпнуты из его же книг, особенно из его книги о Толстом: *Count Leo Tolstoy: A New Portrait* (Лондон, 1934); из статьи о нем в *Dictionary of National Biography, 1931-1940* (Лондон, 1949) и некрологической статьи: *Mrs. W. L. Courtney, "Dr. Dillon"*, "Fortnightly Review", т. 134 (июль, 1933), стр. 22-28.

⁷ *John F. Baddeley, Russia in the 'Eighties': Sport and Politics* (Лондон, 1921), стр. 45-46.

⁸ "The Kreutzer Sonata" [Крейцерова соната] "Review of Reviews" (апрель, 1890) и отдельным изданием (Лондон, 1890); "Work While Ye Have the Light" [Ходите в свете, пока есть свет], "Fortnightly Review" (Октябрь-ноябрь, 1890) и отдельным изданием (Лондон и Нью Йорк, 1890); "The Ethics of Wine Drinking and Tobacco Smoking" [Для чего люди одурманиваются], "Contemporary Review" (февраль, 1891); *The Fruits of Enlightenment* [Плоды просвещения] (Лондон, 1891); о переводе Диллоном статьи «О голоде» см. ниже, «Хроника».

⁹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 51 [1952], стр. 111.

¹⁰ Например, имеются неточности в изложении «диллоновской истории» в биографии Толстого П. И. Бирюкова [Берлин, 1921, т. III, стр. 247-263]; в примечаниях к письмам Лескова к Толстому [Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник (М.-Л., 1928), стр. 125-126], и в примечаниях к юбилейному изданию сочинений Толстого [тт. 66, 87]. В своей книге о Толстом [*Count Leo Tolstoy: A New Portrait* (Лондон, 1934)] Диллон сам передает «историю» удивительно точно, хотя, правда, он несколько преуменьшает значение того, что он напечатал свое опровержение именно в той уль-

тра-патриотической газете («Московские Ведомости»), которая уже объявила Толстого вне закона.

¹¹ *Андрей Лесков*, Жизнь Николая Лескова, стр. 519, 520.

¹² Сын Лескова пишет довольно иронически о «проповедях» Лескова. Ему ведь не раз приходилось молча выслушивать такие «нотации» отца.

¹³ Против стр. 240 и 260.

¹⁴ Стр. 215-217; 234.

ХРОНИКА ДИЛЛОНОВСКОЙ ИСТОРИИ

Конец сентября 1891 г.

Л. Н. Толстой приступает к работе над статьей «О голоде».

17 октября.

Толстой посылает оконченную статью Н. Я. Гроту, редактору журнала «Вопросы Философии и Психологии» для издания.

24 октября.

Цензура запрещает статью и арестовывает ноябрьскую книжку журнала. (Статья «О голоде» появляется по-русски в «Книжках Недели» [1892, январь], но с сильными сокращениями).

11 ноября.

Диллон пишет Толстому, что П. А. Гайдебуров, редактор «Недели», обещал дать ему корректуру запрещенной статьи о голоде для перевода и опубликования за-границей.

25 ноября.

Толстой пишет жене, чтобы она передала экземпляры статьи иностранным переводчикам, Ганзену (датчанину), Гальперину (французу) и Диллону.

24/25 декабря.

Толстой пишет Диллону: «Боюсь, что статья от Гайдебурова будет передана вам в очень необработанном виде. Я столько раз передельывал её и потом столько к ней делалось изменений для цензуры, что я никак не мог ее привести в окончательный вид. Там должны быть повторения и неловкие обороты. Вы меня очень обяжете, исключив из нее в переводе всё, что найдете лишним. [...]» [*Л. Н. Толстой*, Полное собрание сочинений, т. 66 (1953), стр. 125-126].

Конец декабря.

Диллон получает корректуру от Гайдебурова.

12-30 января 1892 г.

Статья Толстого появляется в переводе Диллона в лондонской газете «Daily Telegraph» в форме «писем» о голоде в России.

22 января.

Газета «Московские Ведомости» печатает выдержки статьи Толстого в обратном переводе с английского, встревоженно сопровождая их комментарием о том, что «письма графа Толстого [...] являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. [...] Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма». [...] [Цитируется по изданию *Л. Н. Толстой*, Полное собрание сочинений, т. 66, стр. 145].

23 января.

Софья Андреевна, крайне взволнованная этой передовой «Московских Ведомостей», пишет редактору опровержение: «Ни муж мой, граф Лев Николаевич Толстой, ни я, ни кто либо из семьи моей никаких писем ни в какие иностранные периодические издания не писали. Выписки же из мнимых писем [...] суть не что иное, как до неусузнаваемости искаженные выдержки из статьи Льва Николаевича, предназначенной для журнала «Вопросы психологии и философии» [...] [Цитируется по изданию *Толстой*, Полное собрание сочинений, т. 66, стр. 145].

Редакция «Московских Ведомостей» письма Софьи Андреевны не печатает, но посылает телеграмму в Лондон в агентство Reuters с утверждением, что Толстой отрицает подлинность «письма» появившегося 26 января (н. с.) в «Daily Telegraph».

24 января.

Редакция «Daily Telegraph» телеграфирует Диллону, требуя объяснения дела.

Диллон немедленно отправляется из Петербурга в Москву. Толстого там нет: он находится в селе Бегичевке, Рязанской губ., и Диллон едет туда же, с письмом к Толстому от Владимира Соловьева, с которым он советовался по этому делу в Москве. Соловьев убеждает Толстого выступить в печати в защиту Диллона, который подозревается в фальсификации или, по крайней мере, в неточном переводе.

Ночь на 29 января.

Диллон приезжает в Бегичевку. После довольно резкого разговора с графиней, Диллон пишет Толстому письмо, в ко-

тором выражает изумление по поводу того, что тот отрицает подлинность переведенной им статьи.

29 января.

Диллон передает это письмо Толстому, который восклицает: «Ах, эти женщины, женщины! Они меня погубят!».

По настоянию Диллона, Толстой соглашается подписать письмо написанное по-английски и адресованное от его имени к Диллону, в котором он признает (1) что «письма» опубликованные в «Daily Telegraph» представляют перевод его статьи; (2) что он сам послал статью к Диллону для перевода; (3) что у него нет основания сомневаться в правильности перевода Диллона. Письмо заключается следующим довольно двусмысленным абзацем: «I can only explain the telegram you have received by a letter written by my wife to the «Moskovski Vedomosti» denying the assertion that I had sent any articles to any foreign periodical and repudiating certain extracts from the «Daily Telegraph» affirming with reason that they were garbled till they had become almost unrecognizable. I deeply regret the annoyance caused you by my article.» [*E. J. Dillon, Count Leo Tolstoy: A New Portrait* (Лондон, 1934) стр. 209. Это письмо перепечатано в 66 т. юбилейного издания сочинений Толстого с несколькими ошибками].

Этим письмом Толстой хотел удовлетворить несомненно справедливое требование Диллона, но в то же время ему не хотелось унижать и еще больше раздражать жену, и так уже в высшей степени раздраженную, открытым отрицанием ее слов. Такая задача оказалась невыполнимой. Софья Андреевна читала письмо подписанное Толстым и несколько раз требовала внесения в него стилистических изменений, на что и Диллон и Толстой соглашались, и она как будто одобрила окончательную версию.

После этого Диллон возвращается в Петербург. Там и Лесков и Соловьев умоляют его не вредить Толстому разоблачением его поведения. Он телеграфирует письмо Толстого в редакцию «Daily Telegraph», но просит печатать как можно меньше из него.

4 февраля.

Графиня Софья Андреевна, в Москве, всё еще взволнована «общим криком и стоном», поднятыми статьей в «Московских Ведомостях» и пишет мужу, что только «доброе сердце» царя спасло его от ареста. «Про Диллона говорят что он ненавидит Россию и нарочно прибавил злое к твоей

статье, едва заметное, но ехидное». [*С. А. Толстая*, Письма к Толстому, 1862-1910 (М.-Л., 1936), стр. 489].

10 февраля.

Софья Андреевна еще раз пишет мужу, умоляя его написать опровержение обвинений «Московских Ведомостей»: «Ради Бога, сделай это, успокой меня; я живу теперь в таком ужасном состоянии. [...] Я не сплю, не ем и измучилась более, чем когда-либо». [Там же, стр. 493].

12 февраля.

Диллон получает телеграмму о том, что в лондонской газете «Standard» 23/11 февраля появилось известие, что Толстой сослан в свое имение и что «письма» не автентичны. Поэтому «Daily Telegraph» на следующий день публикует часть письма Толстого к Диллону от 29 января.

В тот же день Толстой сдается на настояния жены и пишет письмо в редакцию «Правительственного Вестника»: «[...] Писем никаких я в английские газеты не писал. То же, что напечатано в № 22 М[осковских] В[едомостей] [...] есть не письмо, а выдержка из моей статьи о голоде, написанной для русского журнала, выдержка весьма измененная, вследствие двукратного и слишком вольного перевода ее сначала на английский язык, а потом опять на русский язык. То же, что [...] выдается за изложение второго моего письма, есть вымысел». [*Толстой*, Полное собрание сочинений, т. 66, стр. 161].

16 февраля.

Софья Андреевна получает это письмо в Москве и отправляет его в «Правительственный Вестник».

20 февраля

Она получает от редакции «Правительственного Вестника» отказ напечатать письмо Толстого. Затем она вместе с Н. Я. Гротом гектографирует 100 экземпляров письма и рассылает их редакциям других газет.

8 марта.

Письмо Толстого от 12-го февраля появляется в «Спб. Ведомостях» и потом (9 марта) в «Новом Времени» и других газетах.

9 марта.

Диллон обращается к Лескову за советом. Ср. письма 4 и 5.

11 марта.

Лесков в письме к Черткову высказывает сожаление, что «собаки проснулись и будут кусаться и вой их разносится

повсюду и молодые чистые души, полные любовью к тому, кого мы все любим, будут смущены и поколеблены в своем доверии к его слову и уважении к независимости его характера. [...] Я считаю это большим для нас горем и хочу о нем страдать и скорбеть. [...]» [*Толстой*, Полное собрание сочинений, т. 87 (1937) стр. 139-140].

12 марта.

Диллон, затронутый за живое новым опубликованным письмом Толстого, которое, по его мнению, могло быть истолковано как порицание его способностей как переводчика и как пятно на его чести, сам публикует на страницах «Московских Ведомостей» и петербургского «Гражданина» письмо к нему Толстого от 29 января вместе со своим изложением событий. «Московские Ведомости» сопровождают это письмо обширным комментарием, оправдывая себя и вновь нападая на Толстого, как на крамольника. Редакция этой газеты печатает в параллельных столбцах отрывки из статьи Толстого в подлиннике, полученном от Диллона, перевод Диллона на английский язык и свой обратный перевод на русский, утверждая (не без оснований), что серьезных искажений в переводах собственно не было. В заключение «Московские Ведомости» повторили, что статьей «О голоде» Толстой «окончательно убил себя в глазах здравомыслящих людей, которые до сих пор всё еще смотрели на него сквозь призму его художественных созданий». [*Толстой*, П. с. с., т. 66 стр. 162].

Об этом графиня пишет мужу: «Диллон от себя написал и прислал в «Московские Ведомости» все написанные тобой письма и то письмо, которое он сам написал в Бегичевке и умолял тебя подписать. [...] На дворе такая же гадость, как и в «Московских Ведомостях». [*С. А. Толстая*, Письма к Толстому, 1862-1910, стр. 513].

Ночь на 17 марта.

Письмо 6.

17 марта.

Софья Андреевна пишет письмо во французские газеты, опровергая слухи об аресте Толстого.

18 марта.

Чертков подробно отвечает Лескову, защищая Толстого неверным утверждением, что письмо в редакцию «Правительственного Вестника», на самом деле написанное 12 февраля, было написано раньше чем письмо Толстого к Диллону от 29 января.

21 марта.

Толстой пишет Черткову: «Статьи Моск[овских] Вед[омостей] и Гражд[анина] и письма Диллона были мне неприятны — в особенности Диллона — тем, что никак не можешь догадаться, чем вызвал враждебное, недоброе чувство в людях. В особенности Диллона. Мотивы его я совершенно не понимаю. И не притворяясь могу сказать, что он мне прямо жалок теми тяжелыми чувствами к[оторые] он испытывает и к[оторые] побуждают его писать то, что он пишет. Тут всё полуправда, полуложь и разобраться в этом, когда нет доброжелательства людей друг к другу, нет никакой возможности. И потому самое лучшее ничего не говорить». [Толстой, П. с. с., т. 87, стр. 132].

23 марта.

Диллон, вероятно под влиянием Лескова, пишет примирительное письмо Толстому, объясняя причины, побудившие его опубликовать письма Толстого. Толстой помечает это письмо «без отв[ета]» [т. 66, стр.245].

Лето 1892 г.

Диллон на время уезжает в Вену. Лесков, в несохранившихся письмах и через посредство друзей, убеждает Толстого признаться в несправедливости по отношению к Диллону.

Об отношении Лескова к делу приблизительно в это время можно судить по его письму к П. И. Бирюкову: «[...] Я был глубоко потрясен и взволнован этим «инцидентом», в котором не было никакой надобности. Затвердили, что есть будто «искажения», и как стали на этом, так и перли несмотря на все доводы друзей, что «искажений» нет. [...] Говорят, будто даже и Вы были за продолжение этой несчастной полемики, положившей смутительную тень на правдивость и прямоту характера Л. Н—ча, и тем исполнившую мучительными ощущениями души превосходных людей, которые его любят и которые теперь ходят пристыженные и молчат, чувствуя подавляющую скорбь... Могу по примеру известного американца изречь «проклятие тому гусю, который дал перо, которым графиня имела возможность написать свой протест». Где была хоть какая-нибудь расчетливость, когда она за это бралась и преследовала это с настойчивостью, достойною совсем иного дела?.. И что за муки созданы бедному Диллону, который сам бы на себе всё перенёс в молчании, но он не имел права отказаться от исполнения требования «Daily Telegraph», компанейской газеты, рисковавшей сразу потерять всю свою репутацию в глазах всего мира, и разорить

свое дело, поглотив средства всех своих капиталистов... Что было делать бедному Диллону, когда от него требовали, чтобы «протест» графини был опровергнут здесь, в России?.. Несчастный человек был вынужден писать против того, кого он любит и уважает, и искать средств обличить его при посредстве таких органов, куда он не хотел бы и заглянуть... Какое терзание создано этому человеку, всегда обнаруживавшему самую благородную и полезную преданность Л. Н.—чу!.. И однако мы видим, что в непостижимом решении стоять за «личность «искажений» участвует и сам Л. Н.—чу!.. Что же это такое? Как это понимать? Где же наконец искажения?.. Где их видели Л. Н., графиня, Ч[ерт]ков и вы? Пожалуйста покажите их! Нас ведь со всех сторон вышучивают и выспрашивают и мы должны бы знать, что отвечать, — где искажения, когда нет искажений! [...] Что же будет еще? Неужели еще будут от нее новые артикли?! Неужто вы все не видите, к чему это ведет и кому вы играете в руку! Ему лучше было бы быть немножко оболганным, чем смутить людей его любящих. [...]» *П. И. Бирюков*, Л. Н. Толстой. Биография (Берлин, 1921), т. III, стр. 260-261.

Наконец Толстой сдается и в конце июля или в начале августа пишет Диллону извинительное письмо:

«Я сначала откладывал, потом колебался, писать или нет, а под конец и совсем оставил намерение писать. И так бы и не написал, если бы не истинно добрые люди [т. е. Лесков], которые мне указали, что молчание мое есть поступок, и дурной. Прошу вас простить меня за те неприятные чувства, которые оно могло возбудить в вас.

Я ни минуты не испытывал к вам недоброжелательства, а напротив, очень сожалел о тех неприятностях, которым вы подверглись и которых я был отчасти невольной причиной. [...]» [т. 66, стр. 244].

12 августа.

Лесков, в полном восторге от извинительного письма Толстого, пишет Диллону письмо 7-ое.

18 августа.

Диллон отвечает Толстому из Вены. «Диллоновская история» кончилась. Лесков считает, что он устроил примирение и спас репутацию и Толстого и Диллона. Однако, отношения между Толстым и Диллоном не возобновились. В книге, написанной Диллоном через сорок лет и посвященной Толстому, чувствуется, что он так и не простил последнему своей старой обиды.

ПИСЬМА Н. С. ЛЕСКОВА К Э. М. ДИЛЛОНУ

1.

10 II 92

Уважаемый Эмилий Михайлович!

Петербургский магометанский мулла (ахун) Баязитов¹ очень рад сделать с Вами знакомство, и Вы найдете в нем человека очень милого, живого, отзывчивого, умного, очень общительного и образованного. На сколько я знаю дела магометан — Баязитов у них самый светлый деятель и я *видел*, как сам в[еликий] муфтий в затруднительных вопросах обращался к нему. Словом это человек интересный. Он хочет быть у меня *11-го числа во вторник, в 9 час[ов] вечера*. Можете ли Вы приехать в этот час?

Пожалуста [sic] ответьте.

Ваш Н. Лесков

2.

[17 Февраля 1892 г.] [открытка]

Когда Вам будет досужно — заверните ко мне во 2-м часу дня — имею нечто сказать Вам.

Н. Лесков

17 фев. 92

3.

[9 Марта 1892 г.]²

Спб. Фурштадтская 50

Посылаю Вам любопытную вырезку из «П[етер]б[ургской] Газеты»³. Это касается того интересного случая, о котором мы говорили. — Если это защищал *Александров* (Петр Акимыч)⁴, — то Вам мож[ет] быть хорошо бы побывать у него. Во всяком случае, очевидно, что «дыма нет без огня».

Рукопись кажется приехала.

Ваш Н. Лесков

Сегодня мы могли бы поехать с Вами на рынок⁵. Мне хорошо⁶.

4.

9 Марта 92

Спб. Фуршт[адтская] 50

Письма написал, но, получив Вашу карточку, оставил их неотправленными. Ласкал себя надеждою, что низойдет к нам

что-то мирное и Вас успокоит, и Вы найдете возможность оставить это дело без разъяснений⁷. Сегодняшний № «Нов-[ого] Вр[емени]»⁸ показал мне, что я ошибся. Писем своих я однако все таки ~~не~~ пошлю, п[отому] ч[то] начинаю не понимать — к чему это ведется?! А в таких случаях лучше молчать.

Очень соболезную о душевных болях и волнениях, кот[орые] Вы должны испытывать и все таки не сомневаюсь, что Вас не покинет необходимое во всех случаях жизни самообладание.

Прошу Вас верить искренности моей к Вам приязни.

Преданный Вам

Н. С. Лесков

5.

[9 марта 1892 г., 9 часов вечера]

Ко мне зашел вслед за Вами человек только что прибывший от Ч[ерт]кова⁹, и он указал некоторые выходы, по моему мнению стоящие внимания. Я дал ему Ваш адрес и он пошел к Вам с этим листочком, и если он Вас не застанет дома, то придет ко мне, завтра, *10-го Марта во Вторник к 1-му часу дня*. Прошу Вас (если можно) приехать к тому же времени. Может быть из всего худого выдумаем чтонибудь лучшее.

Ваш

9 Мар 92

Н. Лесков

9 часов вечера

6.

Ночь на 17 марта 92

Ваше душевное настроение меня интересует и озабочивает, а навестить Вас я не могу¹⁰... Вчера просил Ге¹¹, чтобы он сходил к Вам. Время проходит и впечатления теряют свою остроту. По видимому дальше будет так, как я говорил; а дальше увидим что надо думать. Во всяком разе хотел бы знать: как Вы себя чувствуете? Надо приходить в состояние более спокойное. Не завернете ли ко мне похандрить вместе *в сумерки*? Искренню Вам соболезнующий

Н. Лесков

От Ч[ерт]кова пока еще нет ответа¹².

Уважаемый Эмилий Михайлович!

Я получил вчера Ваше письмо в траурной каемке¹⁴, но оно отвечает не на последнее, а на предпоследнее мое письмо¹⁵. В последнем я кратко, но спешно извещал Вас, что Вы получите ответ из Яси[ной] По[ля]ны¹⁶. Это сообщение я сделал Вам по письму Л[ьва] Л[ьвовича Толстого] (сына)¹⁷, о том что Л[ев] Н[иколаевич] убедился моими доводами, которые я не переставая, делал по разуму и по совести, почитая известное мне положение Ваше невыносимым, и потому я продолжал мое дело, даже после того, как мне дали знать, что это Л[ьва] Н[иколаевича] утомило. Тогда я еще сказал — что я считаю справедливым и... получил в ответ, что «Вы отца убедили, — он будет писать Д[илло]ну». Я Вас об этом и извещал и сообщил Л[ьву] Н[иколаевичу], что я Вас извещаю, и его благодарил в выражениях, которых не мог бы допустить ни с кем иным¹⁸. Я был страшно потрясен тем — как он сильно с собою боролся и, все таки, нашел в себе силу сказать мне, что я один «прав» и что он «виноват», и что я его «победил». Я рыдал как дитя читая эти строки и написал ему, что теперь, когда я сказал что было *должно* сказать, я ему говорю, что *хочу* — не стесняясь тем, принято это или не принято, — и потому я «прошу у него прощения, что не отставал от него и целую [sic] его руку».... А перед этим я писал ему, что готов утратить навсегда его дорогое для меня расположение, но замолчать как все замолчали, — я не могу, и умолкаю лишь еще раз повторяя, что он не прав и непоследователен, и что с Д[иллоном] поступил не хорошо. — Вот Вам и вся суть того, что случилось в конце долгой противной борьбы, которую я вел, оставленный *решительно всеми* и «победил» трудности, которых не надеялся да и не мог бы «победить», если бы «побежденный» не был таким высоким и совершенным человеком... О, если бы я его видел лично, — я бы не только целовал [sic] его руку, но я бы поклонился ему в землю! Но теперь довольно об этом: «все хорошо, что хорошо кончится» [sic]. — Для меня это уже и конечно: я не выдал друзей раздору, ни одного ни другого. Описывая Вам: как дело разрешилось, скажу, что если Вы еще не получили письма от Л[ьва] Н[иколаевича] — я бы на Вашем месте не утерпел и сам написал бы ему скорее встречное письмо,

что бы облегчить ему шаг... Я бы сделал это непременно, и не счел бы это за унижительное, но это мое мнение, а не совет¹⁹.

Упомянуть или не упомянуть мое имя по делу проказы²⁰, как и чего либо иного, волен всякий и во всяком издании. Но жаль, что прошло не пригвожденным к позорному столбу поведение «ученых», которые при моих указаниях, «признали проказу *не* заразительною». Это оч[ень] жаль, и в этом много утрачено.

На даче я остаюсь до 27-го русск[ого] августа. Потом Спб. Фуршт[адтская] 50.

Жму Вашу руку

Н. Лесков

Р. С. Я сообщил Ваш адрес Л[ьву] Л[ьвовичу] и Вам предоставляю право (если хотите) упоминать об этом моем письме и Л[ьву] Н[иколаевичу]. Я все думаю что Вы не холоднее меня и что Вы тотчас же ему напишете.

8.

9 (23) I 93

Уважаемый друг Эмилий Михайлович!

Я не знаю *иде Вы*,²¹ и хотел бы об этом узнать, чтобы возобновить общение с Вами, прерванное моею болезнью и незнанием Вашего нового адреса. Г-жа Гуревич²² давно обещает мне сообщить Ваш новый адрес, ей будто известный, но оказалось, что она это так только думала, а на самом деле она тоже не знает Вашего адреса. И получив от нее такой ответ вчера, я решился написать Вам «пробное письмо» *по старому*, мне известному адресу, в надежде: не дойдет ли как ни будь мое письмо до Вас? А Вас прошу, — если получите это письмо — отзовитесь на него и выясните свой адрес; а я Вам напишу о некотором деле²³.

Лев Николаевич два раза²⁴ поручал мне передать Вам его поклон и дружелюбие.

Жду Вашего ответа на этот листок, имеющий целью Вас отыскать.

Дружески Вас любящий

Н. Лесков

Вл[адимир] С[ергеевич] С[оловьев]²⁵ в Москве.

24/1 (5/II) 93

Дорогой приятель Эмилий Михайлович!

Оч[ень] рад, что почтальены [sic] в Австрии не ленивы и доставили Вам мое письмо с *не*надежным адресом. Мне приятно возобновить общение с Вами и не прерывать его, пока можем.

Заметок моих в «Нов[ом] Вр[е]м[ени]» давно нет²⁶. Там меня нынче сильно презирают и я не знаю: что Вы приняли за мои заметки. Кажется это не хорошо для меня... Что бы утешить меня в этом окажите услугу благородной и преизящной даме⁷², имеющей неодобрительную слабость оказывать внимание моим бессмертным творениям, из коих одно²⁸ (очень плохое) она перевела на английский язык и просит меня отослать его Вам с тем, что бы Вы, ради доброй нашей приязни, пробежали этот перевод и потом направили бы его в такое английское издание, где его могут принять и напечатать. Я посылаю Вам этот перевод сегодня же под рекомендованною бандеролью и прошу Вас сделать *что* можно, что бы потрудившаяся снисходительная дама видела мое рачение об удовлетворении ее желания. Какой из этого будет результат — понятно, — мне всё равно, и даже если перевод на Ваш взгляд окажется неудовлетворительным, то я этим тоже ни мало огорчен *не* буду, но в сем последнем случае попрошу Вас написать мне ответ так, что бы я мог в подлиннике показать этой даме и что бы это *ей* не было оч[ень] неприятно.... Пожалуста [sic] не оставьте этой просьбы моей втуне. Рассказ этот писал к рождественской елке и для детей, и почему она его именно выбрала для перевода — я не знаю и стесняюсь спрашивать; но в том, что бы перевод был напечатан — я не заинтересован *ни* мало. — Литературного гонорара за перевод *не* требуется, но дама желает иметь отгиски своей работы (если ее напечатают).

Пожалуста [sic] дайте мне об этом какой ни будь ответ и по возможности скоро.

Рассказ Л[ьва] Н[иколаевича] Т[олстого] в «Сев[е]р-[ном] В[естнике]»²⁹ вероятно потому не замечен в Европе, что это не оригинальное произведение, а только перевод, или пожалуй *пересказ* одного этюда Бернарден де Ст. Пиера «Суратская Кофейня»³⁰. Это оч[ень] милая и благородная вещь, но давно всем знакомая не исключая даже русских. Пересказ, конечно, сделан превосходно.

Вл[адимир] С[оловьев] в Москве «в цепях Амура»³¹ и «попутно» ездит к «очень светлой умом инокине» и еще и еще куда-то.... «Сев[ерный] В[естни]к» по моему мнению издается *не* находчиво, но и положение их (по зависимости от цензора) — ужасное³².

И много еще «имам глаголати Вам» но это до другого раза. Исполните мою просьбу и облегчите мою совесть, что бы я мог дать какой ни будь ответ моей снисходительной покровительнице или почитательнице, перед которою я виноват своим бездействием.

Когда же Вы к нам? «За что ты нас возненавидел? Какою грубостью своей простой народ тебя обидел?»

Н. Лесков

10.

10 (22) Февр[аля] 93

Николай Семенович

Лесков

Фуришадтская, 50, кв. 4³³

Благодарю Вас, уважаемый друг, за Ваш скорый ответ о дамской рукописи. Письмо было так удобно составлено, что я его мог дать самой этой даме. Она молодая, (говорят будто) оч[ень] красивая и оч[ень] образованная, но «дикая» — робкая и застенчивая. Она примыкает к «монду». Родовая ее фамилия Извольская, а замужем она за в[ице] директором департамента Витали³⁴. Адрес ее: *Ольга Петровна Витали, С.п.б. Фуришадтская № 43.* — Письмо Ваше ей было приятно и она благодарит Вас за выраженное желание сделать поправки и просит их сделать на том экземпляре рукописи, кот[орый] есть у Вас, а потом пришлите этот экземпляр сюда и она с него сделает два и пошлет их Вам. Понятно, что и я прошу Вас все сделать это и послать *ей* прямо, а *не мне*, т[ак] к[ак] я всё болею.

Напишите пожалуйста [sic] ей несколько строчек и пошлите ей рукопись; а мне дайте знать «для сведения».

Я кое что написал для «Вестн[ика] Европы»³⁵, что и должно выйти в мартовской книжке, и опять пишу для них же³⁶. Владимир Соловьев *не* «спит», а напротив он *неспит*, а он *любит*.... Это не шутка. Находится он в Москве и я еще получил о нем известия от Татьяны Львовны [Толстой]³⁷. Она пишет: «С[оловьев] оч[ень] весел и хохочет».

На сих днях приехал Н. Н. Ге, и когда я его стал пробирать за легкомыслие в известном деле, то он оправдался, и сказал, что он «не молчал» о Вас в Москве, но что «тогда Л[ев] Н[иколаевич] еще не раскрывал Вашего письма», которое лежало у него на столе, и только Ге настоял, что бы он его вскрыл и прочитал³⁸... «Видя такую борьбу (говорит Ге) я и не настаивал на ответе». Но теперь, по словам Ге, Л[ев] Н[иколаевич] со всеми с нами мирен, хотя «вспоминает, что я его «накаливал»... Потому [? неразб.] всё хорошо, что вышло так, как вышло. Я на днях был особенно болен и он вызвался ко мне приехать³⁹... Значит, не сердится и любит нас, а спорить с ним я был вынужден для его же чести, и, я думаю, что он это понимает лучше всех. Чертков обижен⁴⁰ и мы с ним в отношениях охлажденных, т[ак] к[ак] я помещал той глупости, которую он хотел разводить до бесконечности.

Посылаю Вам один мой рассказ⁴¹, который Л[ев] Н[иколаевич] *вслух* читал и хвалил. Это с натуры и напоминает Вам про наше житье.

Пуговицы в рассказе *стекловидные*, т[о] е[сть] блестящие, медные с лаком, или фольговые. Она перевела *стеклянные*. Это не совсем так: они только *с виду похожи на стекло, или стекловидны*⁴².

Ваш Н. Лесков

П р и м е ч а н и я :

¹ Атаулл Баязитов, род. в 1846 году. Русско-татарский писатель и мусульманский деятель, с 1880 года имам петербургской мечети. Он писал по-арабски и по-татарски о магометанской религии (Возникновение Ислама, 1881; Ислам, 1885), а по-русски неоднократно выступал в печати, в качестве истолкователя Ислама и защитника его от нападок, как в России, так и в Западной Европе: Возражение на речь Эрнеста Ренана «Ислам и наука» (Спб., 1883); Ислам и прогресс (Спб., 1895), и др.

Немудрено, что Лесков, при своем огромном интересе к вопросам религии и морали, и сверх того, при своей особой любви к оригинальным, экзотическим и вообще «интересным» человеческим типам, не мог не увлечься этим колоритным, умным и образованным магометанином. Подобно Толстому, Лесков в последние годы своей жизни, после окончательного разрыва с православной церковью, искал религиозной и моральной правды — что для него было почти одно и то же — не в одном христианстве, но и в буддизме, у мудре-

цов древности и, как доказывает это его письмо, у магометан. Несколькo позднее написанная газетная заметка «Мусульманские беспoкoйства» [«Русская Жизнь» 1894, № 111] подтверждает, что Лесков всё еще не прерывал своих связей с петербургскими татарами. Он с возмущением опровергает заметку, появившуюся в другой газете, о том, что магометане волнуются и чуть ли не готовы взбунтоваться из-за дошедших до них слухов о религиозных преследованиях.

Ср. еще постскрипtum к письму 3-му и примечание 5-ое.

² Дата почтового штемпеля на конверте.

³ «Петербургская Газета» — «серый» листок, очень распространенный среди малоинтеллигентных читателей, издававшийся С. Н. Худековым. Лесков помещал там разные заметки, а иногда и рассказы, начиная с 1879 г., для того, как он писал Толстому, чтобы его читали «300 т. лакеев, дворников, поваров, солдат и лавочников, шпионов и гуляющих девок». [Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник (М.-Л., 1928), стр. 77. Дальше цитируется как Письма 1928].

Вырезка, приложенная при этом письме не сохранилась, и комплекта «Петербургской Газеты» за этот год не имеется ни в Америке, ни в Западной Европе.

⁴ Петр Акимович Александров, ум. в 1893 году, выдающийся петербургский адвокат; он выступал в качестве защитника на некоторых громких процессах, — Веры Засулич (1878 г.), по кутаисскому делу (1879 г. — по обвинению нескольких евреев в ритуальном убийстве) и т. д. О каком именно деле идет здесь речь — неизвестно.

⁵ Лесков с Диллоном часто ходили вместе на Александровский рынок, где встречались со знакомыми татарами. Почти через 40 лет, в связи со своей последней поездкой в Россию в 1928 г., Диллон вспоминает: "The celebrated Russian novelist Leskoff and I were wont to saunter along the Neffsky in fine weather to seek out certain Tartar friends of his in the Alexander Market and to debate with them on polygamy, its advantages and drawbacks as experienced by Moslems, and various other interesting topics, in leisurely fashion." *E. J. Dillon, Russia Today and Yesterday* (Лондон и Торонто, 1929), стр. 22-23.

⁶ Последние 6 лет своей жизни (с 1889 года) Лесков тяжело страдал от грудной жабы (*angina pectoris*). Во время припадков, которые были чрезвычайно мучительны, он не мог ни выходить, ни даже принимать у себя посетителей; но наступали периоды облегчения, и тогда он мог вести более или менее нормальную жизнь. Ср. *Андрей Н. Лесков, Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям* (М., 1954), стр. 585-594. Дальше цитируется, как *А. Н. Лесков*.

Много ссылок на болезнь Лескова встречается в дальнейших письмах.

⁷ Здесь Лесков впервые касается «диллоновской истории», вызванной переводом статьи Толстого «О голоде». См. подробное изложение этого дела выше в «Хронике».

⁸ В «Новом Времени» от 9-го марта 1892 года было перепечатано письмо Толстого от 12-го февраля, появившееся 8 марта в «Спб. Ведомостях». См. «Хроника», 12 февраля — 9 марта.

⁹ Владимир Григорьевич Чертков, 1854-1937, самый близкий сотрудник и ученик Толстого. Отношения между ним и Лесковым были неровные. Они познакомились во второй половине 1880-х годов и на некоторое время их сблизило общее преклонение перед личностью Толстого и его учением; но позднее, из-за подозрительного отношения Лескова к толстовцам и некоторого педантизма, сухости Черткова в религиозных вопросах и в житейских делах, они разошлись. 14 февраля 1891 г. Чертков писал Толстому о «недоразумении», происшедшем с Лесковым, и при этом, обвинял самого себя в неосторожности в выражениях. [*Л. Н. Толстой*, Полное собрание сочинений (М.-Л., 1928-), т. 87 (1937), стр. 72. Дальше цитируется как *Толстой, П. с. с.*] Еще 20 декабря 1891 года Чертков просит Толстого помочь ему примириться с Лесковым: «Я Лескова люблю и не могу помириться с мыслью о том, что всё-таки зло, ложь и недоразумение может торжествовать, а истинная жизнь тем не менее идти вперед своим чередом» [там же, стр. 121].

В связи с историей Диллона переписка между ними возобновилась, но позднее, 17 апреля 1892 года, Лесков недвусмысленно пишет Черткову, что при настоящем возобновлении прерванных отношений, у него может подняться «со dna души сор и сметьё [*А. Н. Лесков*, стр. 608].

Письма Лескова к Черткову сохранились, но не изданы; они цитируются в разных публикациях, особенно в книге Андрея Лескова. См. еще письмо 10.

Кто именно служил посредником между Чертковым и Лесковым — неизвестно.

¹⁰ Из-за болезни. См. примечание 6.

¹¹ Николай Николаевич Ге, 1831-1894, известный художник, толстовец. Он приехал в Петербург в феврале 1892 года на XX передвижную выставку с картиной «Повинен смерти» [*Толстой, П. с. с.*, т. 66 (1953), стр. 165].

И Лесков и Диллон были с ним знакомы: уже в 1890 году Диллон написал статью о Ге для английского журнала "Review of Reviews" ["Gay, Artist and Apostle: The Life and Work of a Famous

Russian Painter", "Review of Reviews", т. 2 (декабрь, 1890), стр. 700-714]. Здесь он говорит о своем личном знакомстве с Ге.

Лесков, вероятно, познакомился с Ге, поклонником Толстого, в 80-х годах. Еще в 1890-м г. он написал статью «Картины профессора Ге за-границей» [«Неделя», 1890, № 44, от 4-го ноября]. Лесков очень любил и уважал Ге: после его смерти он писал Толстому об «огромных превосходствах Ге над всеми людьми его среды» [Письма 1928, стр. 170]. Ср. еще несохранившееся письмо Лескова к Толстому, цитируемое в книге *Татьяны Сухотиной-Толстой*, *Друзья и гости Ясной Поляны* (М., 1923), стр. 88.

Одно письмо Лескова к Ге напечатано в книге *В. В. Стасова*: *Николай Николаевич Ге: его жизнь, произведения и переписка* (М., 1904), стр. 327-328. Письма к нему Ге Лесков отказался сообщить Стасову после смерти художника и они повидимому погибли. См. Письма 1928, стр. 178.

¹² Чертков ответил 18 марта. См. «Хроника».

¹³ Лесков проводил два лета, 1891 и 1892 гг., в местечке Шмецк, расположенный у устья реки Наровы.

¹⁴ По смерти отца Диллона, Михаила.

¹⁵ Повидимому, ни то, ни другое письмо не сохранилось.

¹⁶ Т. е. ответ Толстого на письмо Диллона от 23 марта. Ср. «Хроника».

¹⁷ Лев Львович Толстой, 1869-1945, третий сын Толстого. Лесков, повидимому, уже был знаком с ним. Позднее он упоминается в письме к Толстому от 28 июля 1893 г. [Письма 1928, стр. 136] и в письме к Л. И. Веселитской от 20 января 1893 г. [«Литературная мысль», III (Л., 1925), стр. 267].

¹⁸ Лесков, действительно, всегда писал о Толстом в восторженных выражениях. Его безграничное преклонение и благоговение перед Толстым иногда трогают искренностью и скромностью, но в его отзывах порой слышатся несколько неприятные ноты слащавости и низкопоклонничества. Он говорил своему биографу А. И. Фаресову: «О Льве Николаевиче Толстом надо говорить языком иным, а не тем, каким до сих пор говорят о нем. Мы не хотим назвать его настоящим именем, а его смело можно назвать мудрецом. Клади рядом с ним Эпиктета, Сократа... Вот где его место. А мы стихи на него сочиняем à la Величко да пишем фельетоны...» [А. И. Фаресов, *Против течений*: Н. С. Лесков: Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем (СПб., 1904), стр. 307]. Ср. А. Н. Лесков, стр. 594-612.

¹⁹ Диллон не принял этого «не-совета» Лескова, и написал Толстому лишь после получения письма от него. См. «Хроника».

²⁰ Начиная с 1888 г. Лесков неоднократно писал о проказе: сперва об отдельных случаях мнимого заболевания этой болезнью в

курорте Аренсбург, где он проводил лето: «Аренсбург на Эзеле» [«Новое Время» № 4451 от 21 июля 1888 г.]; «Культ прокаженных. Кустарные курорты на Эзеле» [там же, № 4492 от 31 августа 1888 г.]; «О прокаженных» [там же, № 4498 от 6 сентября 1888 г.]; «О проказе, о пирате, о мщении одичалых, о Бироновом носе» [там же, № 4521 от 29 сентября 1888 г.]. Начав с репортажа, Лесков позднее ведет целую кампанию и превращается в «эксперта» по проказе, знающего, по собственному своему определению, больше ученых и врачей. Потом он возвращается к этой теме в статьях «Grand merci» [«Новое Время» № 4819 от 30 июля 1889 г.]; и особенно «Проказа лезет к локтю» [«Неделя» № 22 от 31 мая 1892 г.]. Последняя статья осталась мне недоступной. Ср. А. Н. Лесков, стр. 550-552.

²¹ Осенью 1892 и весной 1893 года Диллон жил в Вене.

²² Любовь Яковлевна Гуревич, 1866-1940. С 1891 года редактор «модернистического» журнала «Северный Вестник», в котором печатались и Толстой и Лесков. В 90-х годах она была очень дружна с Лесковым и после его смерти посвятила ему интересные и сочувственные воспоминания: «Из воспоминаний о Н. С. Лескове: По поводу его смерти» [«Северный Вестник», 1895, апрель]; перепечатано в ее книге «Литература и эстетика: критические опыты и этюды» (М., 1912), стр. 295-301.

Летом 1892 года она, по рекомендации Лескова, гостила в Ясной Поляне. Толстой говорил с ней о «диллоновской истории» и благодарил Лескова за его дружеские упреки [Литература и эстетика, стр. 278].

²³ О переводе на английский язык рассказа «Неразменный рубль». См. следующее письмо.

²⁴ Письма Толстого к Лескову с июля 1891 г. по июль 1893 г. не сохранились.

²⁵ Владимир Сергеевич Соловьев, 1853-1900, знаменитый философ и поэт. Лесков познакомился с ним, вероятно, в конце 80-х годов, когда они оба увлекались проповедью Толстого. По свидетельству современников, их разговор был всегда исключительно блестящ и остроумен: «Эти два человека, столь не схожие между собой по видимости, всегда оживлялись при встрече и удивительно умели давать друг другу реплику, сверкающую остроумием. Людям, видевшим это, кажется, что высший род смеха исчез, после того как нельзя уже на земле возобновить встречу этих двух глубоких и серьезных умов, которым была столь свойственна тонкая шутка». [В. Л. Величко, Владимир Соловьев. Жизнь и творения, изд. 2-е (СПб., 1903), стр. 153; цитирую по Письмам 1928, стр. 81]. Близкими друзьями или даже единомышленниками они, однако, никогда не были: рационалистиче-

ский, морализирующий, «протестантский» дух Лескова был глубоко чужд мистическим исканиям и «таинственным» парениям Соловьева, но он высоко ценил ум, независимость и мужество Соловьева.

Диллон тоже был знаком с Соловьевым уже в 1880-х годах и был о нем исключительно высокого мнения. В обзоре русских журналов, написанном в конце 1889 г. он называет его "the most profound philosopher, the closest reasoner, and the most honest publicist of modern Russia... a Russian Carlyle" ["Review of Reviews", январь, 1890, стр. 65]. В книге о Толстом он называет Соловьева "my intimate friend" (стр. 117).

Соловьев в это время действительно был в Москве. См. примечание 31.

²⁶ «Новое Время» — влиятельная и очень распространенная газета консервативного направления, издававшаяся в Петербурге А. С. Сувориным (1834–1912) с 1876 года до самой его смерти и прекратившаяся в 1917 г. Лесков помещал в этой газете (начиная с 1879 г.) множество всякого рода заметок, статей и писем в редакцию, но после 1889 г. он печатался там редко. За весь 1892 год в «Новом Времени» были опубликованы лишь 3 письма Лескова [№ 5862, 5911, 6023] — о вегетарианстве. В 1893 г. он вовсе не сотрудничал в этой газете.

Отношения между Лесковым и Сувориным были очень неровные. Они знали друг друга уже с 1861 года, когда оба были сотрудниками недолговечной московской газеты Евгении Тур «Русская Речь». В середине 1860-х годов их мнимая дружба перешла в открытую вражду, несколько «остывшую» только в конце 70-х годов. Но прежняя их дружба так и не возобновилась. В 80-х годах они постоянно то ссорились, то опять мирились. Наконец, в 1889–90 гг. Суворин издал первое собрание сочинений Лескова, но из-за пререканий, возникших по поводу условий этого издания и их выполнения, а также из-за глубоких идеологических разногласий, отношения их опять ухудшились. Позднее, вплоть до самой смерти Лескова, они относились друг к другу резко отрицательно.

Только незначительная часть их обширной переписки издана в книге Д. И. Абрамовича: *Письма русских писателей к А. С. Суворину* (Л., 1929), стр. 57–86. Письма Суворина Лесков вернул ему 12 октября 1892 года, и тот, повидимому, уничтожил их [Абрамович, стр. 86]. Ср. А. Н. Лесков, *passim* и особенно стр. 569–584.

²⁷ О. П. Витали. См. Письмо 10.

²⁸ «Неразменный рубль». Рассказ этот впервые появился в журнале «Задушевное слово», т. 8, № 8 (1883), стр. 140–147 и был включен во все собрания сочинений Лескова. В известном издании А. Ф. Маркса 1902–1903 гг. он находится в т. 18, стр. 22–30.

²⁹ Рассказ Толстого «Суратская кофейная» (или «кофейня», как он обозначался в журнальном издании) появился в январском номере «Северного Вестника» 1893 г. Он был написан еще в 1887 году, но был тогда запрещен цензурой (для издания «Посредника»). Пять лет спустя Толстой, желая помочь Л. Я. Гуревич и ее журналу [см. примечание 33], отдал ей этот рассказ (летом 1892 г.).

³⁰ Подлинник рассказа Bernardin de St. Pierre'a, «Le café de Su-rate», появился в 1790 году.

³¹ Летом 1892 г. Соловьев был влюблен в Софью Михайловну Мартынову, проживавшую тогда в подмосковном имении. Знаменитые его статьи о «Смысле любви», по мнению К. Мочульского, были инспирированы этой его «любовью без взаимности». Ср. *К. В. Мочульский*, Владимир Соловьев: жизнь и учение (Париж, 1936), стр. 195-201.

³² В то время дела «Северного Вестника» изменились к худшему: журнал не только страдал от *предварительной* цензуры (отмененной лишь в 1898 г., за год до окончательного прекращения журнала), но испытывал также постоянные затруднения, для разрешения которых две группы пайщиков обратились к третейскому суду. Журнал особенно обращал на себя внимание статьями критика-идеалиста А. Л. Волинского (Флексера), который там вел ожесточенную полемику с народником Михайловским. Их спор — это начальная фаза войны, разгоревшейся позднее между «модернистами» и представителями «гражданской» традиции в русской литературе. Хотя у Лескова были свои старые счеты с «гражданскими» критиками, но «декадентскому» направлению «Северного Вестника» он тоже далеко не сочувствовал; «эстетизм» этого журнала был ему глубоко чужд.

В этом смысле очень показательна книга *Волинского* о Лескове: Н. С. Лесков. Критический очерк (П., 1923). [Эти статьи были помещены в «Северном Вестнике» (1897), потом вышли отдельным изданием (Спб., 1898) и позднее были включены в книгу «Царство Карамзовых» (Спб., 1901)].

Хотя он здесь будто бы защищает Лескова от нападков со стороны радикальных критиков и сам нападает на них за недооценку его таланта, всё же его суждения страдают теми же недостатками произвольности и субъективности, как суждения его врагов, только в обратном направлении. Тогда как Писарев требовал от литературного произведения только «общественной пользы», Волинский ищет в литературе только выражения какого-то туманного нео-платонизма. *Литературной* ценности произведения не видят ни тот, ни другой.

Ср. «Журналы раннего символизма», В. *Евгеньев-Максимов* и Д. *Максимов*, Из прошлого русской журналистики (Л., 1930), стр. 83-128.

⁸⁸ Резиновая печатка. В этой квартире на Фурштадтской Лесков жил с 1887 г. до самой смерти.

⁸⁴ Ольга Петровна Витали, урожденная Извольская, род. в 1850-х годах. Родная сестра министра иностранных дел, А. П. Извольского. Во время гражданской войны ей удалось убежать во Францию, где она продолжала заниматься переводами на английский язык (романов Краснова и др.). Повидимому она увезла с собой за-границу свой старый перевод рассказа Лескова, в то время еще ненапечатанный. Каким-то образом он попал в американский журнал "Our World" (декабрь, 1924, стр. 81-84). Там он помечен "From the Russian by Mrs. Vitali". [За сведения об О. П. Витали я приношу свою благодарность Елене А. Извольской, любезно сообщившей мне данные о своей тетке.]

⁸⁵ В мартовской книжке «Вестника Европы» 1893 г. появились «Сибирские картинки XVIII века» Лескова [перепечатаны в Полном собрании сочинений (Спб., А. Ф. Маркс, 1902-1903), т. 21, стр. 55-110]. Несколько раньше он поместил там же «Полунощников» (1891, № 11-12).

Долгие годы Лесков боролся с правоверными либералами типа М. М. Стасюлевича, редактора «Вестника Европы». Тем более поразительна эта перемена в их отношениях: они переписываются и рассказы Лескова начинают появляться на страницах этого журнала. Об этом см. письма Лескова к Стасюлевичу в сб. «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению», под редакцией Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера (М.-Л. 1940), стр. 355-358 и мою статью «Leskov and Ioann of Kronstadt: On the Origins of *Polunošćniki*», American Slavic and East European Review, т. XII, № 1 (февраль, 1953), стр. 97-98.

⁸⁶ В 1894 году Лесков предложил Стасюлевичу рассказ «Зимний день», но тот, боясь цензуры, отказался напечатать его и он появился в «Русской Мысли» (1894, № 9). В 1895 году Лесков передает Стасюлевичу рассказ «Заячий ремиз», но он был запрещен цензурой и появился только в 1917 году.

⁸⁷ Татьяна Львовна Сухотина, урож. Толстая, 1864-1949, старшая дочь Толстого. Лесков познакомился с ней в бытность свою в Ясной Поляне в 1887 году, и они иногда переписывались. Одно письмо к ней Лескова (1894 г., о смерти Ге) цитируется в ее книге «Друзья и гости Ясной Поляны» (М., 1923), стр. 88. Ее ответ напечатан в сборнике под редакцией Н. Н. Гусева: Л. Н. Толстой. Лето-

писи Государственного Литературного Музея (М., 1938), стр 255-256.

³⁸ На это письмо Диллона (от 23 марта) Толстой ответил лишь в конце июля 1892 г. См. «Хроника».

³⁹ Лесков был чрезвычайно тронут тем, что Толстой собирается приехать к нему. В письме к Толстому от 4 января 1893 г. он пишет: «Сегодня [...] сказали, что Вы знаете о моем нездоровье и даже хотели приехать, чтобы навестить меня... Меня это ужасно взволновало и растрогало, и я сладко и радостно плакал» [Письма 1928, стр. 126].

⁴⁰ См. примечание 9.

⁴¹ Вероятно, «Под Рождество обидели». Этот рассказ впервые появился в рождественском номере «Петербургской Газеты» за 1890 г. В сокращенном виде и с измененным заглавием «Под праздник обидели» он был включен Толстым в «Круг чтения» [т. 2, М., 1906 и другие издания]; отрывок из него, под заглавием «Воровской сын», появился в сб. «Русским матерям» под редакцией И. Горбунова-Посадова [М., 1892] и в другом сб. «Бедные дети» [М., 1894]; наконец, под первоначальным заглавием он был перепечатан в сб. «Доброе дело» [М., «Посредник», 1894]. Однако, рассказ этот почему-то не был включен ни в одно посмертное собрание сочинений Лескова.

Толстому этот рассказ понравился больше всего написанного Лесковым. Он писал Черткову 15 января 1891 г.: «Какая прелесть! Это лучше всех его рассказов. И как хорошо бы было, если бы можно было напечатать. «Дурачек» мне не нравится. [...] Нет искренности, а в «Под Рождество обидели» есть». (Толстой, П. с. с., т. 87 [1937], стр. 68). М. А. Шмидт и О. А. Баршевой он пишет около 1 февраля 1891 г.: «Статью Лескова посылаю. Редко меня что так трогало». (Толстой, П. с. с., т. 65 [1935], стр. 235). Гораздо позднее, в 1908 году, Толстой даже изготовил грамофонную пластинку этого рассказа (Толстой, П. с. с., т. 56 [1937], стр. 399). Письмо Толстого к Лескову с похвальным отзывом об этом рассказе не сохранилось, но по ответному письму Лескова (от 4 января 1891 года) видно, как он обрадовался похвале Толстого: «Не ждал от Вас *такой* похвалы. [...] Я и написал всё, что у нас вышло, без прибавочки и без убавочки. Тут с начала до конца всё не выдуманно» [Письма 1928, стр. 77].

⁴² В рассказе «Неразменный рубль» говорится о сне, который рассказчик видел в детстве. В этом сне появляется старик — в жилете со «стекловидными пуговицами» или «стекляшками». Маль-

чику хочется их купить, но волшебный «неразменный» рубль исчерпывает: таким образом он наказан за свое желание приобрести «ненужное».

Повидимому, об этой поправке Лескова в английском переводе переводчица не была уведомлена Диллоном, или же она о ней забыла. Диллону, очевидно, не удалось поместить этот рассказ и он появился лишь через 30 лет (Ср. примечание 34). Злосчастные стекловидные пуговицы всё еще переводятся как “glass buttons” [«Our World» (декабрь, 1924), стр. 84].

ПИСЬМА Н. С. ЛЕСКОВА К О. И. ЛЕСКОВОЙ

*Письма к О[льге] И[вановне] Л[есковой]¹ Ник[олая]
Сем[еновича] Леск[ова] когда мне было лет 14/15²*

[1.]

Живу я не совсем без друзей, но расположение молодой девушки, как Вы, очень мне приятно и дорого и я благодарю Вас за эти чувства и хочу дать Вам возможность скрепить их так, чтобы они имели для меня что либо осязательное и перешли от слова к делу. Чтобы любить кого-нибудь и уважать его надо быть на его стороне, надо в известной мере любить и уважать то, что он сам считает достойнейшим своей любви и своего уважения. Я более всего уважаю в человеке склонность к добру и деятельное стремление оказывать его как можно более, где только возможно. Добро всего существеннее оказывается услугами, которые мы *можем* принести тем, кто в них нуждается. По преимуществу надо служить слабым, беспомощным, «униженным и оскорбленным». — Словом тем, кому не льстятся услуживать люди, ожидающие за свой труд похвалы и возмездия. Прежде всего надо служить *своим трудом*, а не подачками от своих излишков. Потом надо стараться оказать ту услугу, которая нужна человеку *сейчас* и в то же время имеет возможность оказать ему пользу «в долготу дней» его жизни. Поэтому услуга, оказываемая детям особенно плодотворна и облагораживает сердце того, кто это понимает и этому служит. —

Пособите мне в этом деле и окажите услугу полезную на всю ее жизнь³. Это будет *добро* от собственных сил и трудов Ваших и оно самой Вам принесет добро, ибо добро всегда родит добро. [Прочтите мое письмо]⁴ Это будет доказательством Вашей дружбы, о которой говорят мне и которой я

тогда стану верить, а сам я всегда умел ценить дружбу. Сойтись на пирах и угощениях я не умею и не *могу* но в совместной заботе о существовании слабом, которому мы вместе можем быть полезны, мне легко и отраднo будет узнать *добрые* свойства души Вашей, привлекающей меня к Вам живостью Вашего молодого ума и сердца⁵. Из того, что я обращаюсь к Вам так прямо и просто, я надеюсь, Вы и ничего иного⁶ не найдете как то, что я чувствую в Вас хорошее сердце⁷.

2. [3.]⁸

Я не умею Вас благодарить за Ваше внимание и смущаюсь тем, что Вы хотите делать большее... Я не совершенный человек как и другие и «для меня» ничего не стоит делать. Делайте добро людям, потому что в этом только есть истинная жизнь — делайте добро для того, кто «не имел где преклонить головы»⁹ а «ходил благотворяя»¹⁰. Благотворите, т. е. *делайте благое* для кого можете и Вы найдете прекрасный смысл в данной Вам жизни и Вы будете неразрывным другом не только такого малодостойного человека каков я, но Вы почувствуете себя в «любви Божией», другом того, который просил людей «научать других» и обещал им за это *свою* дружбу... «Вы будете *друзья мои* если будете продолжать мое дело». Я не могу Вас отклонять от Вашего желания. Поступайте как хотите. «Для других» Вы делали очень довольно, но для Бога можете делать столько, сколько есть тепла в душе Вашей, и всё еще будет нескончено дело Ваше. Если Вам *хочется* делать более — значит Бог касается Вашего сердца и человеку нельзя Вас останавливать, а надо за Вас радоваться, что Вы входите в область любви Божией и непременно найдете тут истинное и единственно верное счастье. Я же только могу за Вас радоваться, любить Вас как христианин христианку, исполняющую волю нашего Учителя и отраднo верить, что мы сблизились и сольемся духом и мыслию в любви к Нему. Друзей, которых дружба укреплена на *этом* основании никто и ничто не может ни разъединить, ни поспорить — чего Вы так напрасно опасаетесь только потому, что смотрите не в ту сторону откуда идет свет для ума и сердца а в ту, где сумрак, смятение и незнание чего кому надобно.

3. [6.]¹¹

Я думаю, что Вам не противно будет поставить на стол, пусть это будет напоминанием того, что Вы соприча-

стились благороднейшей цели жизни — труду для пользы и счастья другого человека. Вы увидите, что в этом сокрыто самое верное счастье.

4. [9.]¹²

Завтра день Ваших именин¹³ и я беру листок бумаги, чтобы показать Вам, что я о Вас помню и думаю накануне этого дня, посвященного памяти нравной и жестокосердой бабы¹⁴, внушающей мне ужас своею мстительностью. Хотел послать Вам депешу, потому что «так все делают» но депеши ныне очень дешевы и посылать легче, чем написать письмо; а потому не хочу посылать депеши — не хочу говорить: «и я»... В депешах желают «всего хорошего», а я не знаю что такое «всё хорошее», а желания добрые я для Вас имею и при том настоящие «хорошие», ибо они все испробованы и сбывчивы. Когда Бог позволил мудрому юноше «желать чего он хочет» — пророк научил его *пожелать себе разума*¹⁵. Вот что есть «самое лучшее» и это у Вас есть в весьма достаточной мере. Кроме того у Вас есть врожденная деликатность чувств и горячность сердца¹⁶. Стало быть у Вас есть *всё* «самое лучшее», что человек может желать от Бога. Есть «свет», которым вы можете освещать путь, по которому надо идти, чтобы не очутиться в потемках пустоты, зависти, тщеславия, алчности и злобы. Желая Вам — горячо и искренно желаю — ценить эти, данные Вам Небом дары душевные более всего на свете; радоваться что они Вам дарованы, беречь их от всякого соблазна, ибо счастье возможно «только при *них*» и это одно не обманчиво. Дар «ясного разума» есть лучший дар Божий и человек получивший этот дар должен «прославить Бога», т. е. прожить свой срок на земле сея везде, где может добро и прогоняя тьму вдаль «в преисподнюю где плач и скрежет зубов»¹⁷. Всякая алчность и жажда кроме жажды добра *никогда* сыта не бывает и непременно будет завидовать и «скрежетать зубами своими». Желая Вам никогда не знать этой «власти тьмы» а чтобы избежать этого несчастья желаю Вам никогда не верить в возможность иного *лично* счастья, кроме счастья — делать всё что можно для счастья, т. е. для мира и душевного блага других. Помните великое по верности определение, что истинная любовь ищет не *наслаждени*, а жертвы, и поверьте, что одна только *эта* любовь и знает истинное наслаждение, ибо оно только и есть в прине- сении себя в жертву, «Более сея любви ни что же есть»¹⁸.

Всё другое обманет и непременно обманет — и это еще не худшее. Худшее в том, что оно опошляет и... сведет свет разума во «власти тьмы» страстей столь подлых и унижающих, как зависть, ревность, мщение, укоры прошлому и отчаяние в смысле жизни. Желая Вам думать о себе, как можно лучше: не обезьянничайте никому, не подражайте «всем» и не считайте себя за малость. За раскрытие Вам лучшего разумения умер высочайший праведник¹⁹, Христос; Павел²⁰ просил Вас помнить, что «Вы храм живущего в вас духа Божия»²¹. Он молил Вас: «не угашайте духа»²², «пламенейте духом»²³, «будьте сердцем горящи»²⁴. — «Служите Богу распространяя его свет в людях»²⁵, «вознесите в себе сына человеческого на высоту»²⁶, и высота такова, что «будьте совершенны, как совершен отец ваш небесный»²⁷. Вот Вы как дороги и смотрите — не продешевите себя, а донесите дар Вам вверенный до последнего издыхания всё возвращая его, а не понижая. «Вы дороги, — разумение дано вам страшною ценою — ценою Крови святейшего праведника»²⁸. Поднимайтесь а не гнитесь, возвысьте в себе способность любить до того, чтобы *не любить себя*, а любить лучшее разумение и его слушаться. Попробуйте дать себе урок — с этого дня нового года вашей жизни запретить себе на всю жизнь что-нибудь неодобрительное — что Вы раньше себе позволяли. Увидите какая это радость! [Мало на]²⁹ Вы оч[ень] мало начитаны, или лучше сказать Вы совсем неначитаны. Это оч[ень] дурно: это суживает Ваши понятия и заставляет Вас чуждаться разговора людей просвещенных. Через это вы *должны* вертеться около мелочей, всегда близко граничащих с пересудами и сплетнями. Уйдите от этого. Попробуйте дать себе урок: не засыпать не прочитавши в день 10 страниц хорошего писателя. Знание языков *не есть образование*: оно только *средство* к образованию. Начитанность раскрывает горизонт, окрыляет мысль, дает пищу уму и интерес беседе. *Пожелайте себе отвратить равнодушие к литературе.*

Запись О. И. Лесковой

Вскоре после первой встречи (в доме моей матери) у Мме Оппель³⁰, Ник[олай] Сем[енович] Лесков прислал мне завернутые в белую бумажку часики золотые с райской птичкой — Longines с припиской «эти часы были куплены для будущей невесты Андрея, почему посылаю их Вам».

Н. Л.

Ник[олай] Сем[енович] обожал своего внука Юрия³¹ и всегда спорил когда я говорила, что Юра напоминает отца. «Совершенно не похож на Андрея — Юруша вылитый я».

Примечания:

¹ Ольга Ивановна Лескова, урожденная Лаунерт, род. около 1876 г. Она невестка Лескова, первая жена его сына и биографа, Андрея Лескова. Она разошлась с мужем во время революции и эмигрировала, сперва в Италию, а потом во Францию.

«Сын женился на хорошей и достаточной девушке», пишет Лесков в 1891 г. старому орловскому товарищу В. Л. Иванову [А. И. Фаресов, «Умственные переломы в деятельности Н. С. Лескова», «Исторический Вестник», т. 143 (март, 1916), стр. 807] и повидимому отношения между свекром и невесткой оставались хорошими вплоть до его смерти.

² Эти письма находятся среди копий других бумаг О. И. Лесковой, на нескольких больших листах. Это не подлинники, а копии, сделанные для нее во время революции. Подлинники, вероятно, потеряны. Даты в письмах не указаны. На некоторых из них имеются пометки, сделанные рукой О. И. Лесковой; надпись на этой странице написана ею же. Основываясь на ней, все эти письма следует отнести к 1890-1891 гг.

³ Лесков хотел, чтобы Ольга Ивановна помогала ему в воспитании девочки Варвары Ивановны Кук (или «Долиной» — эту фамилию дал ей Лесков), дочери его кухарки Кетти Кук. Она родилась в 1879 г., и жила у Лескова с 1883 г., сперва с матерью, а потом после ее ухода (через два года) и без нее. В завещании 1892 года Лесков уравнил ее в правах по наследованию с дочерью и сыном. О ней говорится много в «Посмертной просьбе» Лескова, напечатанная в книге А. И. Фаресова [Против течений, стр. 141-146]. Там он отрицает, повидимому верно, частое предположение, что она ему незаконная дочь. О ней очень отрицательно пишет сын Лескова: см. А. Н. Лесков, стр. 488-497.

⁴ Вычеркнуто.

⁵ От слова «добрые» до слова «сердца» подчеркнуто два раза цветным карандашом, вероятно, самой Ольгой Ивановной.

⁶ Слово «инога» написано над строкой.

⁷ От слова «я» до слова «сердце» подчеркнуто два раза.

⁸ Эта цифра имеется в рукописи. Повидимому ранее существовали другие, недошедшие до нас письма; сохранились только нравоведения.

⁹ Ср. Матф. гл. 8, ст. 20; Лук. гл. 9, ст. 58.

¹⁰ Деян. гл. 10, ст. 38.

¹¹ Так в рукописи.

¹² Так в рукописи.

¹³ День св. Ольги празднуется 11 июля.

¹⁴ Т. е. св. Ольга. О ее жестокой мести повествуется в летописи под годами 945-946. Она отомстила за убийство своего мужа Игоря троекратно: приказала зарыть в землю живыми 20 послов-древлян, других же послов сожгла живыми в бане, наконец, 5 тысяч древлян напоила пьяными на тризне мужа и велела своей дружине иссечь их.

¹⁵ Ср. 3 Царств. гл. 3, ст. 5-14.

¹⁶ От слова «это» до слова «сердца» подчеркнуто два раза.

¹⁷ Матф. гл. 8, ст. 12, и др.

¹⁸ Иоан. гл. 15, ст. 13.

¹⁹ Лесков, конечно, сам славится своей галлереей «праведников»; в последние годы жизни он любил называть «праведником» самого Иисуса, — название несомненно святотатственное с точки зрения православной церкви. Ср. его письмо к Л. И. Веселитской от 27 января 1893 года, где Христос именуется «повешенным праведником» [«Литературная Мысль», III (Л., 1925), стр. 268].

²⁰ Лесков относился к св. Павлу менее враждебно, чем Толстой, хотя не безоговорочно. См. особенно его письмо к Толстому от 14 сентября 1891 г., где он говорит: «Как бы хорошо было живо и просто нарисовать картину деятельности этого человека! Жаль, ведь, его терять совсем, в хламе «талмуда» [Письма Толстого и к Толстому, стр. 120.]

²¹ 1 Коринф. гл. 3, ст. 16.

²² 1 Фессал. гл. 5, ст. 19.

²³ Римлян. гл. 12, ст. 11.

²⁴ Ср. Лук. гл. 24, ст. 32.

²⁵ Ср. Матф. гл. 5, ст. 16.

²⁶ Ср. Иоан. гл. 12, ст. 34.

²⁷ Матф. гл. 5, ст. 48.

²⁸ Ср. Деян. гл. 20, ст. 28.

²⁹ Вычеркнуто.

³⁰ О ней нам ничего неизвестно.

³¹ Юрий Андреевич Лесков, 1892-1942. Старший сын А. Н. и О. И. Лесковых. Эмигрант, умер в Париже во время войны.

ПИСЬМО А. А. БЛОКА

Приготовила к печати Е. К. Стенбок-Фермор

В отделе рукописей Библиотеки Гарвардского Университета находится недавно приобретенное и до сих под неизвестное письмо А. Блока.

Текст письма:

20 IX 1913

Многоуважаемый Михаил Михайлович.

Благодарю Вас за Ваше любезное предложение написать рассказ для «Нового Слова». Я бы сделал это с удовольствием, но рассказы мне не даются.

Примите уверение в совершенном уважении к Вам.

Александр Блок.

На обороте письма другим почерком написано карандашом: «к Какнебуту»¹.

Слова «рассказы мне не даются» интересно сопоставить с записью, сделанной Блоком в дневнике 2-го мая того же года:

«Долго писал 'Автобиографию Бертрана', написал всю, чтобы проверить себя еще раз. Выходит длинней, скучней (потому что — проза, а новелле я не умею подражать), но верно»².

И дальше — «скучно, апатия».

Повидимому Блок решил переделать свою пьесу «Роза и Крест», после того как 27-го Апреля Станиславский прослушал пьесу и отказался поставить ее в Художественном театре. Для Блока это был тяжелый удар. Возможно, что он принялся за «Автобиографию Бертрана» под влиянием объяснения Неми-

рович-Данченко: «стихов никто у них (и в Художественном театре) читать не умеет (пробовали Пушкина — не вышло; 'Коварство и Любовь' пробуют — в прозе)»³.

Дневник в течение этого периода отражает крайний упадок духа Блока, и 29-го мая он записывает: «Дневник теряет смысл, я больше не буду писать».

Следующая запись — 8-го ноября.

Летом 1913-го года Блоки ездили за границу. Письма его матери указывают, что упадок духа продолжался. Август Блок провел в Шахматове и был возбужденно весел, много шутил и увлекался шарадами. «Он сочинил длиннейшую шараду в духе романа 30-х годов, которую рассказывал целый день с утра и до вечера, придумывая все новые и новые стильные подробности»⁴.

В сентябре Блок вернулся в Петербург и оттуда, вероятно, было написано письмо с отказом.

Пять лет перед этим Блоком был написан один рассказ — «Сказка о той, которая ее не поймет». Впоследствии, делая снова попытки перейти к художественной прозе, Блок в 1918-ом году написал незаконченный автобиографический очерк — «Исповедь язычника», и в 1921-ом году начал писать небольшой рассказ, навеянный, вероятно, ужасами революционного времени и также оставшийся незаконченным: «Ни сон, ни явь»⁵. Рассказы ему «не давались». Рассказы, находясь между поэзией — естественным для Блока способом выражения, и публицистикой, очень увлекавшей его, были, вероятно, для Блока той «золотой серединой», о которой он писал в поэме «Возмездие»:

А золотая середина
всё не давалась ему⁶.

Примечания:

¹ Журнал «Новое Слово» выходил в Петербурге ежемесячно в 1909-17 гг. как приложение к газете «Биржевые Ведомости». Редактировал его Иероним Иеронимович Ясинский (псевдоним: Максим Белинский). Он привлек к участию в журнале лучшие литературные силы, в том числе символистов. Блок напечатал в журнале ряд стихотворений, в том числе такие «центральные» в его творчестве, как «Россия» и т. д. Имя «Какнебут» расшифровать не удалось;

возможно, что это не фамилия, а чье-то шуточное прозвище. И обращение Блока «Михаил Михайлович» не дает никаких указаний.

² А. Блок: Дневник. Под ред. *П. Н. Медведева*. Л. 1928, стр. 210.

³ Там же и стр. 208, 209.

⁴ *М. А. Бекетова*: Александр Блок, биографический очерк. П. 1922, стр. 190, 19-.

⁵ Александр Блок: Собрание сочинений, т. IX. Л. 1936, стр. 199-217, также стр. 225-7 и 233.

⁶ А. Блок: Возмездие. П. 1922, стр. 56.

25   важный вечер
 рассказать по человечьи
 Пять часов
                       и с этих пор
 пуст
 30   людей
                       дремучий бор
 вымер
                       город заселенный
 слышу лишь
 35   свисточный спор
 поездов до Барселоны
 В черном небе
                       молний поступь
 гром
 40   ручней
                       в небесной драме
 Не гроза,
                       а это
                       просто —
 45   ревность
                       двигает горами
 Глупых слов
                       не верь сырю
 не пугайся
 50   этой тряски
 Я взнуздаю
                       я смирю
 Чувство
                       отпрысков дворянских
 55   Страсти корь
                       сойдет коростой
 но радость
                       неиссыхаемая
 Буду долго
 60   буду просто
 разговаривать стихами я.
 Ревность,
                       жены,
                       слезы, —
 65   ну их!
 вспухнут веки
                       впору вию

Я не сам
а я
70 ревную
за советскую россию.
Видел
на плечах заплаты
их
75 чахотка
лижет вздохом.
Что же
мы не виноваты
ста миллионам
80 было плохо
Мы
теперь
к таким нежны
спортом
85 выпрямишь не многих
вы и нам
в Москве
нужны
не хватает длинноногих
90 Не тебе
в снега и тиф
Шедшей
этими ногами
Здесь
95 на ласки
выдать их
в ужины с нефтяниками.
Что бояться
щурясь просто
100 из под выпрямленных дуг
Иди сюда
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук
105 Не хочешь?
Оставайся и зимуй
и это
оскорбление
на общий счет нанижем

110 Я всё равно

тебя

когданибудь возьму

Одну

или вдвоем с Парижем

В нью-йоркском журнале *Новоселье*, 1942 г., № 2, были напечатаны начало (строки 1-26) и конец (строки 72-114) этого стихотворения (стран. 60-62), 32 из 53 стихов или 8 из 13 строф, с вступительной заметкой Р. Якобсона «Неизвестные стихи Маяковского» (стран. 57-59). Рукопись стихотворения в годы войны оставалась во Франции, но в Нью-Йорке Т.-а восстановила отрывки из него по памяти и представила запись редакции *Новоселья*. Маяковского недаром изумляла в Т.-ой ее редкая память на стихи. Всё-же отдельные неточности не могли не вкрасься в этот список, в частности две строфы оказались переставлены (строки 81-89 ошибочно следовали за строками 90-97). Впрочем, отдельные разночтения *Новоселья* восходят, по словам Т.-ой, к вариантам стихотворения в читке самого Маяковского: 22 бровью к брови /100 из под вытянутых дуг/ 101 иди ко мне /107-108 мы эту боль/ 111-112 когданибудь тебя возьму. Т.-а сама подсказала Маяковскому вариант «мы эту боль», и по ее словам, он предпочел новую версию своему первоначальному тексту «и это оскорбление».

Нами сохранена орфография Маяковского. Знаки препинания в этом списке единичны, как и в прочих рукописях, не предназначенных поэтом для типографии. Ранние стихи его так и печатались без интерпункции, но в дальнейшем, под давлением корректоров и редакторов он для печати снабжал стихи знаками препинания. Все строфы и почти все полустрофы начинаются с прописной буквы. В единичных случаях и начало стиха внутри полустрофы означает прописной буквой. Прописною буквою вводятся и те единичные предложения, которые начинаются посреди стиха. Употребление прописной буквы в собственных именах в рукописи непоследовательно.

'Письмо Татьяне -ой' (начало фамилии мы опускаем) печатается здесь по записной книжке Маяковского, подаренной им Т.-ой в конце ноября 1928 г. Первые одиннадцать листов заняты стихотворением 'Тов. Кострову/ письмо /о/ любви'. Под заглавием 'Письмо тов. Кострову из Парижа о

дубога
супротиво збрания
справа воле
судей королю
но падоу
неучиваааааааааа
биду зоро
биду уроро
карокаркава гавана
Киноу,
мина,
супра
кука
всупрува бек
бропу буро

а не еале
а с
сепрупо
за колежоро поосу
Кидеа
не учирааааааааа
не
закоуа
супра гавана
Зро ме
не не учирааааааа
супра митроуа
Зоро мосо
Кин
супра
К пакааа неучира

супра
всупрувааааааааа
не а кааа
супра учирааа
не кааааааааааааа
не паа
супра а супра
Медина
Зоро учирааа
Зоро
на митро
супра не
супра с супрааааааааа

Зро супра
супра учираа
не под супрааааааааа
не супра
не не учирааааааа
супра супрааааааа
не супраааааааааа
не супра?
супрааааааааааааа
а супра
супрааааааааааааа
не супраааааааааааа
супра супраааааааааааа
супра супраааааааааааа

супра
не супрааааааааааааа

сущности любви' оно вышло в первом, январском номере журнала *Молодая гвардия* за 1929 г. и было перепечатано в Полном собрании сочинений Маяковского, т. VII (1935). По сравнению с печатным текстом, автограф дает несколько различий

14-15 и в бархат

и в бусы оправленная

26 я любил

строфа 35-43 следует за строкой 52

55 мне красавица

66-67 и над

волосьяными джунглями

88 мне

91 мне

117 Подымает площадь шум

138-39 из пивной

из паршивой столовой

149-50 горит

и блесит оперенье его

Следующие девять листков содержат 'Письмо Татьяне -ой'. На последнем из этих листков, под двумя заключительными строками стихотворения, нарисован манерно стилизованный цветок, а под ним вензель из WM, латинских инициалов Владимира Маяковского: буква W написана как опрокинутое M, так что головой вверх и головой вниз вензель читается одинаково. Дальнейшие листки книжки пусты, и только на последней страничке Маяковским записаны оба его московских адреса:

В. В. Маяковский
Лубянский Проезд
Д. № 3, кв. 12, Тел. 73-88

Воронцовская Ул.
Гендриков Пер.
Д. № 15, Кв. 5, Тел. 235-79

Оба стихотворения написаны Маяковским в ноябре 1928 г. 'Письмо тов. Кострову' он задумал в начале знакомства с Т.-ой и писал его почти до самого отъезда из Парижа, вынашивая строфы и сочиняя иногда всего по одной фразе за день. Письмо пополнялось очередными экспромтами Маяковского, отрывками из разговоров, откликами на злободневные

происшествия, как например, наехавший на поэта автомобиль, и наконец отголосками его постоянных приступов ревности. Написанное за одну ночь 'Письмо Татьяне -ой' в свою очередь полно ревнивых намеков то на салонные встречи с нефтепромышленниками, то на возможность ее поездки в Барселону, где в то время гастролировал Шаляпин, тоже возбуждавший ревность в Маяковском. Т.-а встретила уклончиво уговоры Маяковского ехать женой его с ним в Москву, и на следующий день за обедом в ресторане Petite Chaumière он прочел ей свои ночные стихи. К ее неудовольствию, он затем неоднократно декламировал их в русском обществе Парижа и соби-рался напечатать их, но она не дала согласия.

2.

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ ПРИ ПОСЫЛКЕ ЦВЕТОВ

(А)

Стихи в изящном стиле

Мы посылаем эти розы Вам
чтоб жизнь
          казалась
                          в свете розовом.
Увянут розы...
          а затем мы
к стопам
          повергнем
                          хризантемы

Маркиз WM

(Б)

П р и м е ч а н и е I

Один
(не воз!)
Пить водой.
Чтоб цвел
          и рос
вдвоем с Татой.

П р и м е ч а н и е II

Я в зависть взят:
проклятый —
        стой!
где мне
        нельзя
стоять с Татой.

Уезжая из Парижа в Москву в начале декабря 1928 г., Маяковский принял меры, чтобы парижская оранжерея еженедельно посылала цветы Татьяне -ой и для каждой такой посылки оставил записку в стихах и своеобразную визитную карточку — автопортрет в виде вола в костюме и шляпе. Сохранились два стихотворных послания и четыре рисунка, из них два с подписью *Вол*, каламбурное сокращение формы *Володя*.

3.

НАДПИСИ НА КНИГАХ МАЯКОВСКОГО

1) *Татьяне -ой*

На первом томе *Собрания сочинений*, вышедшем в Москве в ноябре 1928 г.:

Дарю
        моей
                мои тома я
Им
        заменять
                меня
                        до мая.

А почему бы не до марта?
Мешают календарь и *карта*?

WM
        10/XII 28 г.
        Москва

Маяковский попал в Париж уже в конце февраля 1929 года.

На втором томе *Собрания сочинений*, вышедшем в Москве в ноябре 1928 г. и посланном в Париж вслед за первым.

Второй. Надеюсь третий том
снесем

собственноручно в дом

WM

Том III вышел в январе 1929 г.

На четвертом томе *Собрания сочинений*, вышедшем в Москве весной 1929 г. с агитационными стихами времен гражданской войны.

со смыслом книга
да над ней
клониться ль Тане кареокой
сне —
дела минувших дней
преданье

старины
глубокой
Вол

II) *Роману Якобсону*

На книге *Все сочиненное Владимиром Маяковским*, вышедшей в Петрограде и подаренной в Москве в мае 1919 г.:

Тебе Ромка
хвали громко

Экземпляр утрачен.

На книжке *Маяковский для юлоса*, напечатанной в декабре 1922 г. в Берлине:

Милый Ромик!
для новых хвалений
новый томик.

20 VII 23

В Маяк

На поэме 'Хорошо', изданной в Москве в октябре 1927 г.:
Милым —

Ромику

Жене его
и его домику
Вол
Маяк

II. КОМЕНТАРИЙ К ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ МАЯКОВСКОГО

В творчестве Маяковского любовные поэмы и лирические циклы правильно чередуются с лиро-эпическими поэмами о

мировых событиях. Неизменно дотошный в оценках поэзии Давид Бурлюк внимательно отметил тяготение довоенных стихов Маяковского к городским натюрмортам, куда женщины входили разве лишь декоративным мотивом. Позже появляются женщины «облеченные в имя», — эту лирику Бурлюк назовет «судовым журналом», где ничего не выдуманно, и жизнь записана нестираемыми знаками¹.

С июня 1914 г. по июль 1915 г. Маяковский писал трапих 'Облако в штанах', на исходе года поэму 'Флейта-позвоночник' и весной 1916 г. стихи того же цикла — 'Ко всему' и 'Вместо письма', наконец поэму 'Дон-Жуан', уничтоженную автором, потому что Лиля Брик «рассердилась, что опять про любовь». Это первый вал его любовной лирики, за которым следует поэма общественника, 'Война и мир', дописанная к концу 1916 года. «В голове разворачивается 'Война и мир', в сердце 'Человек'», вспоминает автор². Лирик вторично взял верх в Маяковском.

Эта поэма о «немыслимой любви», *вещь*, в которой поэт, по собственным словам, «сердце флагом поднял», была задумана еще в конце 1916 г. и писалась с перерывами до октября 1917 г.³. А затем снова «лирика сердца» сменяется головною поэзией. В 1919 году, сообщает поэт, «голову охватила '150.000.000'»⁴. Он начал поэму летом, к концу года она была вчерне дописана, уже в январе 1920 г. он читал ее в Московском Лингвистическом Кружке⁵. Весною того же года Маяковский задумал новую социально-политическую поэму, впоследствии озаглавленную 'V Интернационал', работал над ней до 1922 г., но забросил, потому что «задумано: о любви».

Его сызнова влекло к личной лирике — в ноябре 1921 г. он принялся за свою единственную идиллическую поэму 'Люблю' — «стал писать и рад бы был пребывать в таком состоянии»⁶. «Мое это сердце / люблюсь моим я», проповедуют эти стихи, законченные в феврале 1922 г., а за следующую зиму Маяковский написал трагическую поэму 'Про это', «вещь наибольшей и наилучшей обработки», по собственному признанию автора⁷.

Эта тема ко мне заявила гневная,
приказала:

— Подать
дней удила! —

Посмотрела, скривясь, в мое ежедневное

на поэтическом песке.
Вред — мечта,
и бесполезно грезить,
надо
ведь
служебную нуду.
Но бывает —
жизнь
встает в другом разрезе,
и большое
понимаешь
через ерунду.
Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой.
Но поэзия —
пресволочнейшая штуковина:
существует —
и ни в зуб ногой¹¹.

Этот безлюбный песок, только промелькнув в 'Юбилейном', вырастает в тему роковой отмели в прощальных стихах Маяковского: «море уходит вспять».

Период работы на социальный заказ затягивается: весной 1926 года Маяковский задумал, а летом следующего года закончил поэму, посвященную десятой годовщине октябрьской революции, и если заглавие 'Ста пятидесяти миллионов' было полемическим ответом на 'Двенадцать' Блока, тот же поэт подсказал Маяковскому и заглавие второй поэмы о революции — 'Хорошо'¹².

Апрельским вечером 1927 г. в пражском трактире Нездара, славившемся старым токайским, Маяковский уверял меня, что неизменным остался ритм чередования жанров, и за октябрьской поэмой опять последует настоящая лирика. В то время он только что кончил сценарий 'Как поживаете'. «Тема — 24 часа жизни человека», в последней редакции откровенно принявшего фамилию Маяковского, и на этой побочной колее, под прикрытием киноэксперимента, автор сохранил и развил символику своих прежних лирических поэм, чтобы

сарю — богу богово» — стих из полноударных слов отдает каждому из них его равноценную значимость¹⁶. Разбивая слитное речение, он возвращает чортово чорту в затасканной формуле, сделавшей из него своего рода неопределенное местоимение.

Если не
                    человечьего рождения день,
то чорта ль,
                    звезда,
                            тогда еще
                                    праздновать!¹⁷

Если в сочетании «взял и сказал» форма «взял» — полнозначный глагол, значит — быть при нем прямому, близкому объекту, а не отдаленному, косвенному: не «девушке / взял и сказал», а «девушку взял / и сказал» — этого требует поэтика и жизнь поэта. А вопрос — «правильно сказал или неправильно?» — обращен в простое послесловие.

Людские рассказы про эту любовь «человеческую, простую» передает Виктор Шкловский: «они были так похожи друг на друга, так подходили друг к другу, что люди в кафе благодарно улыбались при виде их. Приятно видеть сразу двух хорошо сделанных людей».

«Ты одна мне / ростом вровень // стань же рядом», говорило 'Письмо Татьяне', отклик Маяковского и заголовком и сутью на классический образец, как это не раз бывало в его поэзии. Он всегда был под обаянием онегинских строк, которые, по его словам будут помниться «даже в тот момент, когда смерть будет накладывать... петлю на шею» и которые под его ретушью звучали:

Я знаю; жребий мой измерен,
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я¹⁸.

Третьего декабря 1928 г. Маяковский уехал в Москву закончить работу над феерической комедией 'Клоп', довести эту пьесу до постановки и вернуться в Париж. Шлет туда письма, еще чаще телеграммы. Часть из них сохранилась: 7 писем с 27 декабря 1928 г. по 5 октября 1929 г. и 25 телеграмм с 3 декабря по 3 августа.

Он пишет, и эти слова отзовутся в его прощальных стихах: «Письма такая медленная вещь а мне так надо каждую минуту знать что ты делаешь и о чем думаешь. Поэтому телеграмлю. Телеграфь, шли письма — ворохи того и другого». (28 XII 28). «Ты же единственная моя письмовладелица», отвечает он на упреки за дни без почты. «Ты все говоришь, что я не пишу, а телеграммы собаки что ли?». Ждет писем: «Твои строки — это добрая половина моей жизни вообще и вся моя личная» (3 I 29).

В середине января 1929 г. Маяковский начал лекционное турне по Украине, но после двухдневных выступлений в Харькове отменил семь дальнейших анонсированных гастролей «вследствие болезни горла» и вернулся в Москву¹⁹. «Я бросил разъезжать», — писал он в Париж — «и сижу сиднем из боязни хоть на час опоздать с чтением твоих писем. Работать и ждать тебя это *единственная* моя радость». Таковы две единственные темы писем Маяковского.

28 декабря, в самый день чтения комедии 'Клоп' актерам, автор сообщает в Париж: «Что о себе? Мы (твой Waterman и я) написали новую пьесу. Читали ее Мейерхольду. Писали по 20 суточных часов без питей и ед. Голова у меня от такой работы вспухлая (даже кепка не налазит). Сам еще и выценить не могу как вышло а прочих мнений не шлю во избежание упреков в рекламе и из гипертрофированного чувства природной скромности (Кажется все таки себя расхвалил? Ничего. Заслуживаю). Работаю как бык наклонив морду с красными глазами над письменным столом. Даже глаза сдали и я в очках! Кладу еще какую то холодную дрянь на глаза. Ничего. До тебя пройдет. Работать можно и в очках. А глаза мне все равно до тебя не нужны потому что кроме как на тебя мне смотреть не на кого. А еще горы и тундры работы. Дорабатываю и рванусь видеть тебя. Если мы от всех этих делов повалимся (на разнесчастный случай) ты приедешь ко мне. Да? Да?.. Что ты пишешь про новый год? Сумасшедшая! Какой праздник может быть у меня без тебя. Я работаю. Это *единственное* мое удовольствие». Следующее письмо о том же: «Работаю до ряби в глазах и до треска в плечах. Сейчас к писанию прибавились еще ежедневные читки пьесы и репетиции. Надеюсь в месяц скрутить всю работу. Отдохну потом. Когда я совсем устаю я говорю себе «Tatiana» и опять взвешиваюсь в бумагу» (3 I 29).

Близится к окончанию пьеса 'Клоп', самая антилирич-

ная из всех вещей Маяковского, между тем как стихия лиризма снова овладела поэтом: «Я не растекаюсь по бумаге (профессиональная ненависть к писанию) но если бы дать запись всех, моих со мной же, разговоров о тебе, неписанных писем, невыговоренных ласковостей, то мои собрания сочинений сразу бы вспухли втрое и все сплошной лирикой» (З I 29).

Еще накануне поездки в Харьков Маяковский телеграфировал в Париж: «Начале февраля надеюсь ехать лечиться отдыхать. Необходимо Ривьеру...», и в литературной хронике Катаняна так и значится: «Последние числа марта-начало апреля (?) — поездка в Ниццу и Монте-Карло». Согласно этой хронике, он уехал за границу на следующий день после московской премьеры 'Клопа', состоявшейся 13 февраля²⁰, а по словам Т-ой, еще накануне премьеры. 15 февраля Маяковский телеграфировал из Негорелого: «Еду сегодня остановиться в Праге Берлине несколько дней». Он заехал в Берлин заключить договор с издателем на перевод своей прозы и день гостил у меня в Праге. Я позвал критика Кодичка, в то время заведовавшего репертуаром Виноградского театра, прослушать 'Клопа' в авторском чтении. Тот был восхищен и драматической отвагой Маяковского и его мастерским чтением, но в возможности добиться согласия театральной дирекции на постановку усумнился. Все это, надо сказать, мало трогало торопившегося на запад поэта. В Париж была послана телеграмма: «Приеду завтра двадцать второго два часа голубым экспрессом». В Ниццу он не ездил, а остался в Париже, заглянув всего лишь в Paris Plage.

Развивая мотивы ноябрьских стихов, он еще из Москвы предупреждал: «Обдумай и посбирай мысли (а потом и вещи) и примерься сердцем своим к моей надежде взять тебя на лапы и привезть к нам, к себе в Москву. Давай об этом думать а потом говорить. Сделаем нашу разлуку проверкой. Если любим — то хорошо ли тратить сердце и время на изнурительное шагание по телеграфным столбам? 'Правильно я сказал или неправильно?'».

В Париже они были постоянно вместе, только подчас его одолевала неугомонная страсть к игре. Кто встречал их вместе, помнит, каким бережным и застенчивым был он с ней и как остерегался всякой грубости и двусмысленности. Восхищался ее, как он называл это, «абсолютным слухом» к поэзии и охотно читал ей по памяти Пастернака, порой Есенина, а чаще всего свои стихи. Искал в ней поддержки

собственной вере, что «забывает Пушкина». Себя и вообще русских он привык ставить выше Запада, которого по словам Т.-ой, собственно не знал. Когда не был в себе уверен, подсмеивался и отшучивался. Через Т.-у он снова полюбил Париж. Маяковского эстетически привлекало, что она не парижанка, а русская парижской чеканки — Tatiana, эlegantная и воспитанная и одновременно способная за себя постоять с силой и бесстрашием, так непохожими на привычную ему женскую хрупкость. Толков о политике он с Т.-ой избегал, а когда заходил разговор на эту тему, несловоохотливо поддерживал официальную линию, но соприкосновение с парижской жизнью и французским культурным миром на него, по отзыву Т.-ой, невольно начинало действовать, и уклад московской жизни, уверяет она, временами терял свою первоначальную привлекательность.

Дольше конца апреля он не мог оставаться во Франции в виду сроков виз. К тому же его присутствие в Москве требовалось для получения денег необходимых ему и всем тем, кто дома состоял на его попечении.

Слова Пушкину — «я теперь свободен» — были сущей правдой, но прошлое тяготело над ним. «Мешают календарь и карта?» — знал ли Маяковский всю сокровенную трагичку этой надписи Татьяне на книге его стихов? Время «стопудовыми гирями» прошлого и пространство безвозвратной крутизной пограничного рва заграждали ей путь. Второго мая Маяковский вернулся в Москву, снова один и снова надеясь скоро попасть в Париж.

«Стараюсь увидеться скорее», телеграфирует он 25 мая. Ропщет на медленный темп. «Работать только что начинаю, буду выписывать свою 'Баню'» (15 V 29). «Начал писать Баню (с дьявольским опозданием!). И пока еще даже не все фамилии действующих придумал» (8 VI 29). Тут же жалуется, что «не написал ни одной стихотворной строки. После твоих стихов прочие кажутся пресными». *Твои стихи* это оба его ноябрьских лирических послания, из *прочих* достаточно напомнить стихи 'Вонзай самокритику', вышедшие за несколько дней до его цитируемого письма и охарактеризованные в *Полном собрании сочинений* Маяковского, X (1941), стр. 392, как «поэтическая перефразировка слов Сталина».

«На работу бросаюсь», продолжает Маяковский, «помня, что до октября не так много времени но работа ужасно твердая и я от нее отскакиваю только набив на лбу шишки недоумения и уважения к теме». Ссылка на октябрь расшиф-

ровывается в письме 12 июля: «Дальше октября (назначенного нами) мне совсем никак без тебя не представляется. С сентября начну себе приделывать крылышки для налета на тебя». Это намек на строки 'Письма тов. Кострову': «Тут бы /и у медведей/выросли бы крылышки» (134-6). Письмо развертывает медвежий образ: «Я такой высокий косолапый и антипатичный. Сегодня еще и очень хмурый». Он снова сетует: «пишу совсем мало. Голова не работает. Нужно обязательно поничегонеделать». Телеграфирует: «Тоскую стараюсь увидеть скорее (25 VI), повторяя ту же жалобу на все лады: «очень затосковал»; «тоскую невероятно»; «бесконечно тоскуем»; «абсолютно скучаю»; «тоскую по тебе совсем небывало»; «по тебе регулярно тоскую, а в последние дни даже и не регулярно, а еще чаще».

«Не может быть» — хочет верить Маяковский и знает, что куда он жив, воистину не может быть — «такого случая, чтоб мы с тобой не оказывались во все времена вместе» (8 VI). Зовет ее приехать «инженерницей» куда-нибудь на Алтай: «Давай, а!?» (12 VII). Но трагедия надвигается «весомо, грубо, зримо». Если осенью 1928 г. жизнь в Париже была для Маяковского полна «многочисленных подробностей», теперь на вопрос из Парижа о подробностях его московской жизни он отрывисто возражает: «Подробностей нет».

Украинский поэт Тычина, побывавший в Москве в начале 1929 г., вспоминает, до чего тогда были в моде нападки на Маяковского²¹. Посылая в печать 'Письмо т. Кострову', автор вполне понимал, что в рапповской обстановке оно будет бомбой. И действительно ему этого не простили, враждебность к поэту все росла, шла травля явная и скрытая.

Всего за две недели вернувшийся в Москву, молит Маяковский: «пожалуйста не ропщи на меня и не крой — столько было неприятностей от самых мушковых до слонячих размеров что право на меня нельзя злоститься» (15 V 29).

'Баня' доделана в срок, ко второй половине сентября, но «нельзя пересказать и переписать всех грустностей делающих меня еще молчаливее», по своему четко осведомляет автор в последнем из сохранившихся писем — пятого октября. Наступил тот месяц, о котором прежде писал Маяковский, что «дальше» отсрочка встречи невозможна, а писатель упорно молчалив. В Париже чувствуют, как почва уходит из под ног, в тупик зашли отношения. В том же октябре человек получит из Парижа письмо бесповоротно прощаль-

ное. Несколько месяцев пройдет и жизнь поэта оборвется прежде, чем в Париже узнают от приезжих из Москвы, что в разрешении на выезд за границу Маяковскому было в сентябре наотрез отказано.

«Еще одна лошадь кончилась», говорит человек, получивши письмо. Это из скакового арга, а кроме того из 'Хорошего отношения к лошадям'. Вскоре друзья устроили Маяковскому шуточный домашний юбилей. Поздно ночью упросили его прочесть какие-нибудь прежние стихи. По рассказу очевидца²², «он долго отнекивается, жалуется, что глотка сдала. Его упрашивают дружным хором, умоляют, увещевают... Он встает и взявшись рукой за угол шкафа, обведя нас медленным, навсегда запоминающимся взглядом, читает негромко и с внезапной угрюмостью:

Били копыта.
Пели будто:
— Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб. —

Он читает, постепенно добрея, строка за строкой отпуская голос... И разом все посерьезнели вокруг. Уже не шутка, не веселые именины поэта, не вечеринка приятелей — всех нас вдруг прохватывает, как сквозняк пройдя по всем извилинам мозга, догадка, что минуту эту надо запомнить... А он читает, глядя куда-то сквозь стены:

«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка.
Все мы немножко лошади,
Каждый из нас по-своему лошадь»²³

и ворочает саженными плечами, словно впряженный в какие-то огромные оглобли, словно круто ступая в гору... Мягко отодвигаясь, как бы боясь повредить кому-нибудь, он уходит в другую комнату и долго стоит там, облокотившись на бюро, стиснув в руке стакан с недопитым чаем. Что-то беспомощное, одинокое, щемящее, никем тогда еще не понятое проступает в нем».

Все наперед известно, но случается все неожиданно. «И гигант постойт секунду и рухнет, // под записочной рябью себя погребя»²⁴.

«Меня рвут, кромсают, от меня отрывают людей с мясом», говорит накануне нового года Маяковский²⁵. «Дико устал», записывает о нем в феврале Лиля Брик, и новые стихи свои 'Во весь голос' он вопреки обыкновению «читал по бумажке и через силу»²⁶. «Что-то неладное» заметил в марте шофер Маяковского: «настроение редко когда улучшалось»²⁷. В начале апреля в Кремлевской больнице недугу «дали название — нервное истощение»²⁸.

Судьбу Маяковского скрепила та же неразрывная слитность жизни и творчества, которая восхищала поэта в его учителе Хлебникове. Первого февраля 1923 г., среди затворнической, лихорадочной работы над поэмой 'Про это', Маяковский открылся в письме к Лиле Брик: «Любовь это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи, и дела, и все пр. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается лишним, ненужным. Но если сердце работает, оно не может не проявляться во всем... Но если нет 'деятельности', я мертв»²⁹. В парижской лирике Маяковского новая любовь гудела «про то, // что опять / в работу пущен // сердца выстывший мотор», и остановка сердечной деятельности означала на этот раз не метафорическую, а реализованную смерть, как бы ни пытался поэт сыскать рухнувшей большой любви «крошечную» заместительницу.

Накануне последней поездки в Париж Маяковский заключил договор с театром на 'Комедию с самоубийствами', тема которой, по словам писателя, «столкновение лоб в лоб европейской культуры с советской». 2 октября 1929 г., за три дня до последнего письма к Т.-ой, он рассказывал представителям Художественного театра содержание задуманной пьесы, уделяя главную роль «углубленному диалогу двух действующих лиц о любви». Как сообщала газета Правда, 14 апреля 1930 г. самоубийство Маяковского помешало и ему и театру осуществить Комедию с самоубийствами³⁰.

Как-то утром в девятнадцатом году шли мы вдвоем с Лилей Брик Охотным рядом. «Не могу себе представить Володю старым», говорил я по какому-то поводу. Последовала обрывчатая, изумленная реплика: «Володя до старости? Никогда! Он уже два раза стрелялся, оставив по одной пуле в револьверной обойме. В конце концов пуля попадет». В

Америке этот способ называется «русской рулеткой». Четырнадцатого апреля, пуля, попережнему одинокая в обойме, с одного выстрела пробила сердце. Маяковский жил и погиб игроком. Очень верно сказал Кассиль: «Влюбляется ли он или ссорится, пишет стихи или играет в бильярд, поккер и маджонг — он входит в это занятие всем своим раскаленным нутром... Ему дорог самый азарт игры, ее кипятик, ее нерв и риск»³¹.

Восприятие мира сквозь метафорику игры уже в первой строфе печатного дебюта Маяковского:

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты³².

В стихах 'Про это' та же «игроческая» символика вырастает в Jeu suprême:

Вся жизнь
на карты окон легла —
Очко стекла —
и я проиграю.
Арап —
миражей шулер —
по окнам
разметил нагло веселия крап.
Колода стекла
торжеством яркоогним
сияет нагло у ночи из лап³³.

Характерное заглавие этого куска поэмы — «Деваться некуда» — повторяет стих 'Облака' — «уже некуда деться» — и предваряет слова предсмертного письма — «выходов нет». Ставка — жизнь, «Или — или//пропал или пан»³⁴: в этом подноготная суть гипнотически непреодолимой, сокрушительной воли Маяковского выиграть, «взять и открыть другую страну», «вырвать радость у грядущих дней»; здесь же ключ к его пафосу подвижничества и мученичества и к неустанному сознанию конечной безысходности: «деваться некуда». Он брал жизнь мертвой хваткой. Пошляки на подножном корму у быта злостно называли это wishful thinking. «Набрасывающийся Маяковский», как он сам себя обозначает

в сценарии³⁵, выращен на убеждении, что «армии подвижников обреченным добровольцам / от человека пощады нет»³⁶.

Свое первое собрание стихов, первоначально названное 'Пять распятий'³⁷, Маяковский открыл анафематствующим посланием:

Теперь —
клянусь моей языческой силой! —
дайте
любую
красивую,
юную, —
души не растрачу,
изнасилую
и в сердце насмешку плюну ей!
Око за око!³⁸

«Красивую, юную» он встретил, но вместо надругательств, два дня — с 12го по 14ое апреля 1930 г. — Маяковский носил в кармане предсмертное письмо «всем», заключенное стихами:

Как говорят —
«инцидент исперчен»,
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.

Эта строфа — с знаменательной заменой сочетания «с тобой мы» словами «я с жизнью» — заимствована Маяковским из его последних стихов. В январе он закончил свой прощальный монолог к товарищам потомкам, озаглавленный 'Во весь голос' и слывший первым вступлением в будущую поэму, о замысле которой, по словам биографа, «ничего неизвестно»³⁹. За этим гражданским, антилирическим вступлением должно было следовать второе — чисто лирическое. В записных книжках поэта сохранились отрывочные наброски. Почти все без труда складываются в один сводный текст с легкими вариациями⁴⁰.

Любит? не любит? Я руки ломаю
 и пальцы
         разбрасываю разломавши
 так рвут загадав и пускают по маю
 венчики встречных ромашек
 Пускай седины обнаруживает стрижка и бритье
 Пусть серебро годов вызванивает уймою
 Надеюсь верую вовеки не придет
 ко мне позорное благоразумие
 Уже второй
         должно быть ты легла
 А может быть
         и у тебя такое
 [вар. В ночи млечпуть серебряной окою]
 Я не спешу
         и молниями телеграмм
 мне незачем
         тебя
         будить и беспокоить
 море уходит вспять
 море уходит спать
 [последние две строки в другом варианте опущены]
 как говорят
         инцидент исперчен
 любовная лодка
         разбилась о быт
 с тобой мы в расчете
         и не к чему перечень
 взаимных болей
         бед и обид
 Ты посмотри какая в мире тишь
 Ночь обложила небо звездной данью
 В такие вот часы встаешь и говоришь
 [вар. Когда встаешь растешь и говоришь]
 векам истории и мирозданию

Эти стихи замыкают четвертый и последний лирический цикл деятельности Маяковского, начатый парижскими посланиями 1928 г. и связанный общей героиней⁴¹. Ему привычно «на всякий случай дать прощальный концерт»⁴². Тема лирического эпилога повторна в его поэзии: «Дай хоть / последней нежностью выстелить // твой уходящий шаг»⁴⁸.

Вообще преемственность символики сочетает все четыре цикла в один неразрывный тетраптих.

Две противоположных силы — подавление и воскрешение лиризма постоянно соучаствуют в творчестве Маяковского. Стихи как «Любит? не любит?» разительно контрастируют с его одновременным выступлением на собственной выставке '20 лет работы': «Почему я должен писать о любви Мани к Пете, а не рассматривать себя как часть того государственного органа, который строит жизнь?..... Поэт не тот, кто ходит кучерявым барашком и блеет на лирические любовные темы...» (25 III 30)⁴⁴.

В одно время с 'Письмами' Татьяне -ой и Кострову в том же Париже сочинялся и вскоре в Москве был закончен рвущимся обратно в Париж поэтом 'Клоп', жесточайшая сатира на лирическую стихию вообще и на лирику Маяковского в частности. 'Клоп' — заверяет автор — «это театральная вариация основной темы, на которую я писал стихи и поэмы...»⁴⁵.

Заключительной частью поэмы 'Про это' было прошение автора, адресованное в будущую «мастерскую человечьих воскрешений» товарищу химику тридцатого века. Упреждая его возможные сомнения, воскрешать ли Маяковского, поэт закликает: «Я свое, земное не дожил, // на земле / свое не долюбил»... «Воскреси — свое дожить хочу!»..... «Что хотите, буду делать даром — //.... У вас / зверинцы // есть? / Пустите к зверю в сторожа. // Я люблю зверье. / Увидишь собачонку — // .... из себя / и то готов достать печонку. // Мне не жалко, дорогая, ешь!»

Герой 'Клопа' — Присыпкин, «махровый образец мещанина»; его сватовство — «бегство из окопов трудового быта». Он предпринимает то, в чем поэма 'Про это' корит самого поэта голосом его страдальческого прошлого: «Ты, может, к ихней примазался касте? // Целуешь? / Ешь? / Отпускаешь брюшко? // Сам / в ихний быт, / в их семейное счастье // намереваешься пролезть петушком». Эротические гротески феерической комедии подстать гоголевской 'Женитьбе'. Пожар на свадебном пиршестве «уничтожает всех действующих лиц». Неотведавший брака Присыпкин оказывается «заморожен в ливне воды пожарных»⁴⁶, и его обнаруживают полвека спустя, в 1979 году. После дискуссии «федерация земли» решает воскресить его. «Институт человеческих воскрешений» осуществляет опыт. Вместе с человеком прошлого, воскрешают исчезнувшие загадочные недуги, и снова ширится «древняя болезнь» влюбленности. С другой стороны, «все попытки

сделать из Присыпкина будущего человека разит неудача... Существо протестует, что его разморозили для того, чтобы засушить» в рациональном быте нового мира. Клоп, помощной зверь, случайно размороженный совместно с Присыпкинским, спасает положение. Присыпкин приведен в «радужные чувства», когда его принимают в зоосад и сажают в клетку «для ежедневных обкусываний» и для содержания свежеприобретенного клопа «в нормальных зверьих условиях».

Высмеяна постоянная мечта молодого Маяковского о будущем. Если в '150.000.000' он верил, что в «новом свете раскроются / поэтом опоганенные розы и грезы, // всё / на радость / нашим / глазам 'больших детей!', то в 'Клопе' разъясняется воскресшему Присыпкину: «Про что ты говорил, этого нет, и никто про это не знает. Есть про розы только в учебниках садоводства, есть грезы только в медицине, в отделе сновидений». На лозунг 'Человека' «Я для сердца», подхваченный размороженным Присыпкиным, последний получит от гражданки будущего неумолимый ответ: «не знаю, что это такое».

Комедия Маяковского завершает ту полемику с любовной лирикой комсомольского поэта Молчанова, которую он начал осенью 1927 г. в своих сатирических стихах, 'Письмо к любимой Молчанова, брошенной им' и 'Размышления о Молчанове Иване и о поэзии', и в сценарии 'Позабудь про камин', прообразе 'Клопа'. Но высмеивая в 'Клопе' молчановские строки «Я, милая, люблю другую — // Она красивей и стройней»⁴⁷, Маяковский сам парафразирует их в 'Письме тов. Кострову': «я видал / девиц красивей, // я любил / девиц стройнее», ослабляя сходство в печатной версии подстановкой «видал» вместо первоначального «любил»⁴⁸. Маяковский отвечал Молчанову — «Любите / и Машу / и косы ейные, / это / ваше дело семейное»⁴⁹, и в 'Клопе', в репортаже будущего поколения, он издевался над «древней болезнью, когда человечья половая энергия, разумно распределяемая на всю жизнь, вдруг скоротечно конденсируется в неделю в одном воспалительном процессе, ведя к безрассудным и невероятным поступкам». Одновременно в 'Письме тов. Кострову' тот же «воспалительный процесс» подан в терминах оды:

Ураган,
огонь,
вода
подступают в ропоте.

Кто
сумеет
совладать?
Можете?
Попробуйте.

Тема вздымающейся, ширящейся влаги, водной массы и мощи, тесно сплетаясь с эротическими мотивами, проходит сквозь поэзию Маяковского. В конце трагедии 'Владимир Маяковский' (1913) дети-поцелуи приносят груды слез, и поэт с непосильной ношей слез бредет «туда, / где в тисках бесконечной тоски / пальцами волн / вечно / грудь рвет / океанизувер». В первой части 'Облака в штанах' у поэта украли Джиоконду-Марию: «мама! / у него пожар сердца». Он не хочет пожарных: «Нельзя сапожища! / ...Я сам. / Глаза на слезнённые бочками выкачу». В лирических строках «Кроме любви твоей / мне / нету моря»⁵⁰ образы обоих планов явно слиты.

Василий Каменский, вспоминая о своем черноморском турне с Маяковским в январе 1914 г., рассказывает про его одесское увлечение Марией: «(Володя) нервно шагал по комнате, не зная, как быть, что предпринять дальше, куда деться с этой вдруг нахлынувшей любовью. Впервые в жизни познавший это громадное чувство, он метался из угла в угол и вопрошающе твердил вполголоса: — «Что делать? Как быть? Написать письмо? Но это не глупо?... «Я вас люблю. Чего же боле...» Сказать все сразу? Она испугается... И всем будет страшно... Скажут — желтая кофта и вдруг...» И он нежно, *по-детски*, почти беспомощно, обратился к нам: «Мне что-то очень беспокойно... Давайте пойдем к морю...»⁵¹

«Маяковский играл с морем, как мальчик», вспоминает Виктор Шкловский встречи с поэтом в Нордерне летом 1923 года⁵². В вышедшей в то время поэме 'Про это' — образ намокшей постели (в черновиках он выдавал свою инфантильность даже детскими оборотами, в чистовом тексте стертymi): «Откуда вода? / Почему много? // Сам наплакал. / Плакса. / Слякоть // Неправда — / столько нельзя наплакать». Протекающая комната превращается в реку, «буря бавит — не осилит вовек» (ср. в 'Письме тов. Кострову' «Кто сумеет совладать?»). «Река кончилась — / море росло. // Океан — / большой до обиды». Вереница нарастающих водных образов сливается с мотивом недолюбленной, неисчерпаемой, «небывшей любви»⁵⁴.

«Гром мирового приboя» только раз сменится в лирике Маяковского картиной отлива. «Море уходит вспять // море уходит спать». Эта тема спада обрамляет образ разбившейся любовной лодки в поэтическом эпилоге Маяковского, втором вступлении в ненаписанную поэму.

Первое вступление — взволнованный ответ товарищам потомкам на их вероятный исторический приговор Маяковскому, «что жил-де такой / певец кипяченой // и ярый враг воды сырой»⁵⁵. Воображаемый вывод профессора будущих времен основывался бы на строках Санплатата, выпущенного Маяковским в 1928 году: «Сырую воду / смени кипяченой! // ...Одно из важнейших / культурных благ — // водой / кипяченой / наполненный бак»⁵⁶.

Эти плакаты и рекламные тексты в творчестве Маяковского — нарочитейший антитезис его лирики. Свои и чужие слова и образы с изумительной устойчивостью жили в Маяковском⁵⁷. Весной 1924 г. когда он писал для Чаеуправления «В нашей силе — / наше право. // В чем сила? — В этом к а к а о»⁵⁸, он несомненно помнил свои строки из 'Облака в штанах': «Хорошо, / когда брошенный в зубы эшафоту, // крикнуть: / «Пейте какао Ван-Гутена!» Страницы поэмы 'Про это' об эшафоте поэта принадлежали недавнему прошлому. «Темой его стихов почти всегда были его собственные переживания», справедливо отмечает Л. Брик, и действительно это «относится ко всем его стихам», вплоть до рекламных текстов⁵⁹.

В перемежку с плакатами для Чаеуправления Маяковским написаны полные горечи стихи Пушкину с шуточным предложением тоже работать для Жиркости и Гума: «Было всякое: / и под окном стояние, // письма, / тряски нервное желе. // Вот / когда / и горевать не в состоянии — // это, / Александр Сергеич, / много тяжелей. // Айда, Маяковский! / маячь на юг! // Сердце / рифмами вымучь — // вот / и любви пришел каюк, // дорогой Владим Владимыч»⁶⁰. Как эти стихи, так и плакаты для Чаеуправления ставят крест над прошлогодней лирикой 'Про это'.

В трагедии 'Владимир Маяковский' автор рассказывает, как «искал / ее / невиданную душу», и раз нашел: «вышла / в голубом капоте, // «Садитесь! / Я давно вас ждала. / Не хотите ли стаканчик чаю?»⁶¹. Чаепитие в символике Маяковского — эмблема ритуализованной обыденщины. «Что интересного в писательской жизни», говорил он, «встаем утром, чай пьем»⁶². Но «глупые истории», науськанные современ-

никами, опять таки ошибутся, если эта «скушная и неинтересная жизнь» с неизменным «утренним кофе», эта бытовая личина «замечательного поэта», заслонит чудеса и страсти его подлинного бытия.

В фантастической реальности 'Про это' Маяковский медведем, в звериных муках, скитается по рекам и морям и заплывает в некую заснеженную «Грен / лап / люб-ландию?» Испуганные родные зовут успокоиться. «Но я им // на этот семейственный писк голосов://—Так что ж?!/Любовь замените чаем?» Маяковскому мерещится кошмар мирового семейственного чаепития: «Париж, / Америка, / Бруклинский мост, // Сахара, / и здесь /с негритоской курчавой // лакает семейкой чай негритос». Безлиций парад непроветренного быта: «Все так и стоит, столетья, / как было. // Не бьют — / и не тронулась быта кобыла». Помощные звери затхлого быта, «с матрацев, / вздымая постельные тряпки, // клопы, приветствуя, подняли лапки. // Весь самовар рассиялся в лучики — // хочет обнять в самоварные ручки». В первоначальной редакции каламбурно ассоциируются с самоваром «огромные чайные розы с обоев». Иисус, Маркс, и в черновике Ленин, вынуждены «тащить обывательскую ляжку». На этом чайном фоне писатель в ужасе опознает собственного бытового двойника⁶³.

Злой пародией на эту воинствующую символику прозвучали год спустя, когда поэт «свободен от любви» и «скурой / ревности медведь / лежит когтист», плакатные двустишия Маяковского: «Эскимос, / медведь / и стада олени // пьют / ч а и / Ч а е у п р а в л е н и я. / До самого полюса // грейся / и пользуйся». Или же такой ответ бытового двойника автору 'Про это': «Милый, / брось слова свои, — // что мне / эти пеняя?! // Мчи / в подарок мне чай // Чаеуправления»⁶⁴. Из горемыки мореплавателя медведь превращается не то в подножный ковер, не то в истового чаевника, пока его не окрылит новая волна лирики в 'Письме тов. Кострову'. Кстати, краткий путь в это самое Чаеуправление (для погашения аванса) был тем «резким и нужным контрастом», который подсказал Маяковскому его стих на смерть Есенина: «Вы ушли, / как говорится, / в мир иной. // Пустота... / Летите, / в звезды врезываясь. // Ни тебе аванса» итд⁶⁵.

Первая часть 'Облакаі в штанах' связана с одесской Марией, а 'Флейта позвоночник' и последующая лирика, кончая поэмой 'Про это', обращена к Лиле Брик. «Но где, любимая, / где, моя милая, // где / — в песне! / любви моей изменил

я? // Здесь / каждый звук, / чтоб признаться, / чтоб кликнуть. // А только из песни — ни слова не выкинуть». Так написал Маяковский в поэме 'Про это'⁶⁶, и с этого момента лирика на годы упраздняется до 'Письма Татьяне -ой' и дальнейших стихов того же нового цикла.

Есть четвертая женщина в лирике Маяковского, московская героиня последней части тетраптиха 'Облако', перенявшая имя девушки, воспетой в его первой части: «Мария! Мария! Мария! / Пусти Мария!» Этот облик как будто исчез из поэзии и жизни поэта, когда тетраптих, недавно законченный, получил новое посвящение: «Тебе, Лиля». С Маяковским связана своей тематикой вся живопись московской Марии, в действительности именовавшейся Т. Г-на, а также и ее неопубликованная лирическая проза 'Двое в одном сердце'. Вещи, выставленные весной 1919 года на ее московской погребальной выставке вскоре после добровольного конца художницы, близко напоминают по мотивам и трактовке основную часть автобиографического сценария 'Как проживаете', и герой у них тот же. Сценарий, написанный в конце 1926 г., в период лирического безмолвия Маяковского-поэта проникся его лирической проблематикой⁶⁷. Эта «кинодеталь» под названием 'Натуральная любовь' начинается образом стоячей, болотной воды, подобно тому как в раннем отходе молодого Маяковского от городских натюрмортов — в его стихотворении 1913 года 'Любовь' — «девушка пугливо куталась в болото»⁶⁸. От кинутого в воду камня «правильные круги болота» расходятся по экрану. Круг людей вокруг свадьбы и другой вокруг пожара. Одна из первого круга — девушка, один из второго — Маяковский. Круги сходятся, девушка и Маяковский выходят каждый из своего круга. Радужно любовная сцена, построенная на изобразительных средствах русского фольклора и первой, феерической части 'Человека'. Линька феерии: «комната, пришедшая в норму обычного грязного вида... Человек достает часы. Двадцать две минуты десятого. Стрелки в разные стороны. Человек показывает девушке указательные стрелки, прощается. Расходятся в противоположные стороны».

Сценарий заранее показал развязку: Маяковский читает отдел происшествий; из темного угла газеты выходит фигура девушки, револьвер к виску, нажимает курок. Поэт старается схватить и отвести руку с револьвером, но поздно, — девушка падает. Он «сжимает газету, брезгливо отодвигает чай и откидывается на стул». О гибели московской Ма-

рии говорил Маяковский с неожиданной, искусственно жестокой брезгливостью и в Пушкине летом девятнадцатого года и в Париже почти двадцать лет спустя, в дни 'Письма тов. Кострову'.

С брезгливой ненавистью противопоставлены в сценарии разнообразные гротески чаепития водным массам — обрамляющему фильм образу предрассветного моря или напряженной работе центрального водопровода. Под заголовком 'Истребители воды' он изображает «поражающий тщедушием водопроводный кран», из которого «Маяковский цедит воду в самовар». Свинообразное семейство с папашей, у которого «отрастает борода и шерстка на зажавшей стакан с чаем лапе» и с малышом сыном, хвастающим «длсированной» собачкой, которая «моцит не когда она хоцит, а когда я захоцу». Чайник, который свистит, дрожит, возвышаясь и смехотворно «имитируя» извергающийся вулкан. Убогая скудость дозированной, разверстанной жижи, как в сценарии 'Позабудь про камин', где «меланхолический дворник старается добрызнуть» до свадебного пожара ручным бранспойтом. С темой самодовольного обывательства и матримониального благополучия мотив мелководности слился и в поэме 'Владимир Ильич Ленин': «Мы / спим / ночь. // Днем / свершаем поступки. // Любим / свою / тоloch // воду / в своей ступке»... Нравимся своей жене / и то / довольны донельзя»⁶⁹.

В ноябре 1926 г. Маяковский гастролировал в Ростове и беседовал в тамашней больнице с молодой поэтессой, тяжело раненной при попытке покончить с собой⁷⁰. Вероятно под влиянием этой встречи отстоялась словом память о Марии в сценарии, начатом тотчас по возвращении в Москву.

В поздней поэзии Маяковского снова всплыл центральный мотив стихов 'Облака', адресованных московской Марии: «Птица / подбирается песней, // поет, / голодна и звонка, // а я человек, Мария, / простой, / выхарканный чахоточной ночью в грязную руку Пресни. // Мария, хочешь такого? / Пусти, Мария! / Судорогой пальцев зажму я железное горло звонка!»⁷¹. В стихах 'Во весь голос' поэт вновь появляется в непосредственной ассоциации с «чахоточными плевками» и в разобщении с песней, и поступок поэта подан в метафорических терминах удушья: «Но я / себя / смирял, / становясь // на горло / собственной песне»⁷². Правда, тема судорожного порыва к несбыточной любви как будто сменилась темой истребляемой лирики, но в черновой записи этих строк они неслучайно соседят с игровыми словами лирического отчаянья:

Где сыщешь любовь при такой неперке
всё равно что в автомобильном Нью-Йорке
искать на счастье подкову...⁷³

Тема женского самоубийства лирически выступает у Маяковского единственно под прикрытием киносценария, тогда как сатирически тему трактуют газетные стихи 'Маруся отравилась' (1927) и комедия 'Клоп'. Но в поэме 'Про это' «в шелк / рук / сталь» — внезапное самоубийство мальчишки, которому не в силах помешать Маяковский, переключается с «происшествием» в сценарии.

Первая из трех частей поэмы 'Про это' названа 'Балладой Редингской тюрьмы': «При чем тюрьма? / Рождество. / Кутерьма. // Без решоток окошки домика! // Это вас не касается. / Говорю — тюрьмы». В черновике еще резче и откровеннее: «Это вас совершенно, / никого кроме меня, / не касается. / Это дело мое / частное»⁷⁴. Комментаторы ссылаются на обстоятельства, сопутствующие написанию поэмы: разлука с близкими и добровольное двухмесячное затворничество Маяковского⁷⁵. Эти указания объясняют, при чем тюрьма, но связь с Редингской тюрьмой остается в тени.

Для баллады Уайльда характерна не столько тюрьма, о которой и в которой она написана, а повесть об осужденном и его казни: «Кто жил не жизнь одну, а больше, // Не раз один умрет», согласно брюсовскому переводу баллады, читанному Маяковским. Трагическая развязка поэмы 'Про это' — «последняя смерть», казнь поэта: «в конце концов — / всему конец. // Дрожи конец тоже». И над обоими казненными палаческое «веселье клокочет». В поэме Маяковского, на дне ее сложнейшей тематики, «день истемнившей в темень», отложилась и посылка баллады о Рединге:

От ту убил, кого любил он,
И вот за то умрет.
Возлюбленных все убивают, —
Так повелось в веках, —
Тот — с дикой злобою во взоре,
Тот — с лестью на устах,
Кто трус — с коварным поцелуем,
Кто смел — с клинком в руках!

П р и м е ч а н и я :

¹ Д. Бурлюк, "Три главы из книги «Маяковский и его современники»,» Красная стрела (Нью Йорк, 1932), стр. 11.

² «Я сам», Владимир Маяковский, I (1928), стр. 23.

³ В Полном собрании сочинений Маяковского, I (1939), стр. 466, работа над «Человеком» ошибочно отнесена к 1916 г. и началу 1917 года. Еще в феврале 1917 г. Маяковский рассказывал мне о «Человеке» как о своем новом замысле: см. сб. Смерть Маяковского (Берлин, 1931), стр. 11. Когда в конце января 1918 г. он читал поэму нескольким писателям, он говорил о ней как о недавно законченной вещи. Слова автобиографии — “16-й год. Окончена «Война и мир». Немного позднее «Человек»” — одна из иллюстраций к предупреждению автора: «свободно плаваю по своей хронологии». Некоторые из этих неточностей в датировке у поэта умышлены. Ср. В. Перцов, Маяковский (Москва, 1951), стр. 153. Любопытно, что Маяковский в черновике поэмы «Про это», над которой он работал на рубеже 1922 и 1923 г. воссоздает заглавного героя своей прежней поэмы: «прикованный мною стоит человек», и тот взмаливается к поэту: «Пять лет я стою / и смотрю в эти воды, // Привязан к перилам веревкою строк, // Пять лет с меня глаз эта пропастка не сводит». При дальнейшей обработке поэмы Маяковский заменяет этот правильный подсчет фиктивным «семь лет»: Полное собрание сочинений, V (1934), стр. 135. Правда, события 1917 года не нашли отражения в «Человеке». Только на вопрос о жителях нашего мира — «Что им / кровью поля поливать?» — Маяковский в небе, смеясь, отвечает: «Шут с ними! / Пусть поливают, / плевать!» (537-8, 540-2). Точно так же злободневные отклики почти отсутствуют в «Облаке», писавшемся в начале мировой войны.

⁴ «Я сам», стр. 24.

⁵ В. Катанян, Маяковский — Литературная хроника (Ленинград, 1948), стр. 124, гадательно приурочивает окончание поэмы к февралю или марту 1920 г.

⁶ Письмо Маяковского к Лиле Брик 5 XII 21: Катанян, Маяковский, стр. 159.

⁷ Полное собрание сочинений, II (1939), стр. 507.

⁸ Полное собрание сочинений, V (1934), стр. 145.

⁹ «Я сам», стр. 26.

¹⁰ Катанян, Маяковский, стр. 214.

¹¹ «Юбилейное», 49-79, Полное собрание сочинений, II (1939), стр. 333 сл.

¹² «Умер Александр Блок», Полное собрание сочинений, II (1939), стр. 474.

¹³ «Что я делаю?», Полное собрание сочинений, X (1941), стр. 267.

¹⁴ «Я сам», стр. 28.

¹⁵ В. Катанян, Маяковский, стр. 361; он же, Рассказы о Маяковском (Москва, 1940), стр. 298.

¹⁶ «Себе любимому посвящает эти строки автор», стихи, написанные не в начале 1916 года, как утверждает редактор Полного собрания сочинений, I (1939), стр. 447, а лишь год спустя. Маяковский читал мне его в феврале 1917 года как только что написанное. В хронологию писаний Маяковского вкрались и другие неточности. Напр. «Ода революции» отнесена в Полном собрании сочинений, II (1939), стр. 550, к началу 1918 г., а я с Эльзой Триолэ слышал, как автор читал ее вместе с «Нашим маршем» с эстрады Кафе поэтов в декабре 1917 г.

¹⁷ «Человек», 57-62.

¹⁸ В. Шкловский, О Маяковском (Москва, 1940), стр. 215; Катанян, Маяковский, стр. 207.

¹⁹ Катанян, Маяковский, стр. 367.

²⁰ Катанян, Маяковский, стр. 370.

²¹ Катанян, Маяковский, стр. 368.

²² Л. Кассиль, Маяковский — сам (Москва, 1940), стр. 144.

²³ «Хорошее отношение к лошадям» (1918), 1-6, 35-40.

²⁴ «Про это» (1923), 31-34.

²⁵ Кассиль, стр. 146.

²⁶ Л. Брик, «Из воспоминаний о стихах Маяковского», Знамя, 1941, № 4, стр. 235.

²⁷ Катанян, Маяковский, стр. 451-2.

²⁸ В. Шкловский, О Маяковском (Москва, 1940), стр. 216.

²⁹ Л. Брик, стр. 232.

³⁰ Катанян, Маяковский, стр. 367, 379.

³¹ Кассиль, стр. 119.

³² «Ночь» (1912).

³³ «Про это», 1109-1119.

³⁴ «150.000.000», 447-448.

³⁵ «Как поживаете», Полное собрание сочинений, XI (1947), стр. 168.

³⁶ «Ко всему» (1916), 54-5.

³⁷ Катанян, Рассказы о Маяковском, стр. 29.

³⁸ «Ко всему», первоначально напечатанное под заглавием «Анафема», 57-66.

³⁹ Катанян, Маяковский, стр. 387.

⁴⁰ См. Полное собрание сочинений, X (1941), стр. 187-190, 419-420 и фотографии четырех отрывков перед стр. 189 и 421.

⁴¹ Вопреки редакторской предвзятой подсказке в Полном собрании сочинений, X (1941), стр. 412, 419.

⁴² «Флейта-позвоночник» (1915), 10-11.

- ⁴³ «Вместо письма» (1916), 64-6, Полное собрание сочинений, I, стр. 116.
- ⁴⁴ Полное собрание сочинений, X, стр. 373.
- ⁴⁵ Заметка, напечатанная в январе 1929 г.: Полное собрание сочинений, XI (1947), стр. 423.
- ⁴⁶ В сценарии «Позабудь про камин», первой версии «Клопа», «муж с гитарой, описав в воздухе сальтомортале, валится в яму какого-то погребца», и снег засыпает его: Полное собрание сочинений, XI (1947), стр. 225.
- ⁴⁷ *Ив. Молчанов*, «Свидание», Комсомольская правда, 21 IX 27, Ср. «Клоп», реплика 58.
- ⁴⁸ Таков текст в записи Маяковского для Т.-ой и в его московской записной книжке; см. Полное собрание сочинений, VII, стр. 450.
- ⁴⁹ «Размышления о Молчанове Иване и о поэзии» (1927), 15-20.
- ⁵⁰ «Вместо письма» (1916), 34-6.
- ⁵¹ *В. Каменский*, Жизнь с Маяковским (Москва, 1940), стр. 89.
- ⁵² *В. Шкловский*, стр. 177.
- ⁵³ «Про это», 390-6, Полное собрание сочинений, V (1934), ср. замечание *Н. Асеева*, стр. 41.
- ⁵⁴ См. «Про это» — Варианты и черновики, стр. 165, 176.
- ⁵⁵ «Во весь голос» (1930), 14-16.
- ⁵⁶ Полное собрание сочинений, IV, часть 2 (1936), стр. 436 сл.
- ⁵⁷ Интересные примеры привела *Л. Брик*, стр. 282.
- ⁵⁸ Полное собрание сочинений, IV, ч. 2, стр. 406.
- ⁵⁹ *Л. Брик*, «Маяковский и чужие стихи», Знамя, 1940, № 3, стр. 161.
- ⁶⁰ «Юбилейное» (1924), 121-36.
- ⁶¹ «Владимир Маяковский», 185-7, 195-202.
- ⁶² *Катанян*, Маяковский, стр. 3; «Человек», Рождество Маяковского.
- ⁶³ «Про это», 772-7, 790-6, 886-9, 898, 908, 915-21. Ср. Варианты и черновики, стр. 151.
- ⁶⁴ Полное собрание сочинений, IV, ч. 2, стр. 403-4.
- ⁶⁵ «Как делать стихи?». Полное собрание сочинений, X (1941), стр. 230; «Сергею Есенину», VIII (1936).
- ⁶⁶ «Про это», 1238-47.
- ⁶⁷ Полное собрание сочинений, XI (1947), стр. 146-68, 452-79. Образы сценария в сопоставлении с поэтической символикой Маяков-

ского подробно рассмотрены в диссертации *В. Руди, Majakovskij and film art* (Harvard University, 1955).

⁶⁸ Полное собрание сочинений, I, стр. 48.

⁶⁹ «Владимир Ильич Ленин», 114-22, 135-8, Полное собрание сочинений, VI (1934).

⁷⁰ Об этой встрече рассказывает *Шкловский*, стр. 202-3.

⁷¹ «Облако в штанах», 567-85.

⁷² «Во весь голос», 62-4, 209-10.

⁷³ Полное собрание сочинений, X (1941), стр. 414.

⁷⁴ «Про это», 104-9; Варианты и черновики, стр. 121.

⁷⁵ *Н. Асеев*: «Работа Маяковского над поэмой Про это», Полное собрание сочинений Маяковского, V (1934), стр. 31. Ср. *Л. Брик*, *Знамя*, 1941, стр. 232.

ПИСЬМА М. И. ЦВЕТАЕВОЙ Ю. П. ИВАСКУ (1933-1937 гг.)

Приготовил к печати Ю. П. Иваск

Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве, 26-го сентября 1892 г. Ее отец, профессор И. В. Цветаев, был сыном сельского священника. Мать урожденная Мейн была немецко-балтийского и польского происхождения. Первые сборники стихов Цветаевой вышли в 1911 и 1912 гг. (Вечерний Альбом, Волшебный Фонарь и Из двух книг). В начале 10-х гг. она вышла замуж за С. Я. Эфрона.

В 1922 г. Марина Ивановна, с дочерью Асей, уезжает из Москвы за границу, где после долгой разлуки встречается с мужем, который принимал участие в гражданской войне в качестве офицера Белой армии. Эфроны живут сперва в Берлине, потом в Праге и затем поселяются во Франции, под Парижем.

В 20-х гг. вышли следующие книги Цветаевой:

1922 г. — «Версты» 1, Госиздат, Москва; «Царь-Девича», изд. «Эпоха», Петроград-Берлин; «Стихи к Блоку», Огоньки, Берлин; «Разлука» и «Ремесло», Геликон, Москва-Берлин; «Психея», Гржебин, Берлин; 1924 г. — «Молодец», Пламя, Прага; 1928 г. — «После России», Париж.

Ряд стихотворений, поэм и очерков Цветаевой были опубликованы в русских эмигрантских журналах: Русская Мысль, Современные Записки, Воля России, Версты, Русские Записки и др.

В 1939 г. Марина Ивановна, вместе с сыном (Муром) вернулась в Россию, где, кажется, было опубликовано только одно ее стихотворение (Старинная песнь, в журнале «30 дней», в 1941 г.).

По данным, сообщенным Ф. А. Степуном и Ек. Еленевой, Марина Ивановна повесилась в Казани, в 1941 г. (М. Цве-

таева, «Проза», изд-во имени Чехова, Нью Йорк, 1953 г., стр. 16). Причины самоубийства неясны и дата смерти точно не установлена.

Часть своего архива М. И. Цветаева передала на хранение проф. базельского университета, Е. Э. Малер (Dr. Elsa Mahler). Материалы о жизни и творчестве Цветаевой собирают Ек. Еленева (Вашингтон), К. С. Елита-Вильчковский (Ренн, Франция), М. Л. Слоним (Нью Йорк) и я.

Весной 1933 г. я написал М. И. Цветаевой. Между нами завязалась переписка. Она жила тогда под Парижем, в Клармаре, и позднее в Ванв. А я жил в Эстонии, в Ревеле и потом в городке Печеры.

В моих письмах я постоянно запрашивал Марину Ивановну о ее поэтическом ремесле, а также и о ее жизни, вкусах. Иногда она отвечала мне «по пунктам».

Жилось ей во Франции очень трудно. За стихи свои и очерки она получала ничтожные гонорары. Муж ее, С. Я. Эфрон, болел и не мог работать. Дочь Ася вскоре уехала в Россию. Сын Мур (Георгий) учился во французской школе.

В конце 1938 г. я провел около двух недель в Париже. Почти ежедневно встречался с Мариной Ивановной. Она жила тогда с сыном в жалком отеле. Муж пропал без вести; может быть, скрылся в Россию. Перед моим отъездом, она сказала мне, что собирается уехать в Москву, но печататься в России не предполагает: я еду туда по обстоятельствам семейным, а зарабатывать буду переводами...

Ниже я печатаю отрывки из 12 писем М. И. Цветаевой (1933-1937 гг.). Полностью печатать их нельзя: в письмах упоминаются лица, еще живущие. Круглые скобки (...) означают пропуск части текста, квадратные [ ] — дополнения издателя. Все эти 12 писем в настоящее время являются собственностью Houghton Library.

1.

Clamart, 4-го апреля 1933 г.

Написать Вам исчерпывающее письмо в ответ на Ваше — было бы отказаться от всякого: знаю себя, — стала бы, как всегда, когда пишу — что бы ни писала добиваться формулы,

а время бы шло, а его у меня вообще нет — ни на что — и в конце концов — очень далеком конце очень далеких концов — получилась бы лирическая статья, вернее очередная моя лирическая проза, никому здесь не нужная, а до Вас бы — за стыдом такого запоздания — и физически бы не дошедшая.

Раскрываю Вашу статью¹ и записываю на полях все непосредственные отзвуки и реплики.

Вы говорите, я — прерываю.

— Так?

Стр. I — Блистательное определение писательского слога (и словаря) Шипковым². Эти строки я ощущаю эпиграфом к своему языку.

Стр. II (низ) — Под влиянием В[ячеслава] Иванова не была никогда — как вообще ни под чьим. Начала с писания, а не с чтения поэтов.

Стр. III. М. б., Вам интересно будет узнать, что оба Георгия — кузминский и мой — возникли одновременно и ничего друг о друге не зная. С Кузминым у меня *есть* переключка, только он отродясь устал, а с меня хватит еще на 150 миллионов жизней. Федры Кузмина не читала никогда³. Источники моей Федры и вообще всей моей мифики — немецкий пересказ мифов для юношества Густава Шваба⁴. Верней (источники то я сама, во мне) — материалы. Равно как материалы Царь-Девичь и Мблодца⁵ — соответствующие сказки у Афанасьева⁶.

Стр. III (оборот). Эренбург⁷ мне не только не «ближе», но никогда, ни одной секунды не ощущала его поэтом. Эренбург — подпадение под всех, *бесхребтовость*. Кроме того циник не может быть поэтом.

Стр. III (оборот). — *Очень важное*. Психея⁸ совершенно не важна для уяснения моего поэтического пути, ибо *единственная* из моих книг — не этап, а сборник составленный по приметам *явной* романтики, даже романтической *темы*. Чуть ли не по руслу *физического* плаща. В том же 16 г. у меня были совершенно иступленные стихи (и размеры), от которых у меня *сейчас* волосы дыбом.

Стр. IV. — Ничего не поняла из «сложных размеров», как никогда не понимала никакой теоретики, просто — не знаю, правы ли Вы или нет. Пишу исключительно по слуху — Но вижу, что работу Вы проделали серьезную⁹.

Отр. IX — стр. X. — Если Октябрь для Вас символ мятежа, больше — стихии — очень хорошо, что поместили меня внутри (как внутри — пожара!). Спасибо, что не причисли-

ли меня в «детях буржуазии» — футуристам. «Пользоваться» и «наслаждаться» чем бы то ни было — до жизни включительно — всегда было моим обратным полюсом (...).

XIII (низ). *Веское возражение*. Ученику¹⁰ не мало Учителя. Мало только когда взаимно, и на этой земле. Ученик не на земле. Ученик не на земле, а на горе. А гора не на земле, а на небе (NB! Не только эта — всякая гора. Верх земли и низ неба. Гора — в небе). Ученик — отдача без сдачи, т. е. полнота отдачи.

Тезею¹¹ не мало Ариадны, ему — мало земной любви, над которой он знает большее, которой он сам больше — раз может ее перешагнуть. Тезей не через спящую Ариадну шагает, а через земную — лежащую любовь *лежащего себя*. — Ваше наблюдение о малости — верно, но — не те примеры, не тот упор. Еще — не женщина «соблазняется» лавролобьм, а лавролобый — оспаривает и отстаивает ее у земного. Это — разное. И, если хотите, только лавролобый-то ей и *ведом*, только в нем-то она и уверена, все земные — призраки.

Стр. XIII (оборот). «Третий» Вами не так понят. Говорю здесь о помехе самой жизни. Говорю о том, что *между*, а не о том, что *над*. *Над* есть желательный исход. Вакх, Лавролобый и Сонмы — есть исход и выход. В «Наязде» я о помехе говорю, которая есть — жизнь и исчезнет вместе с нею. Я говорю о третьем с *маленькой* буквы, о предмете, о бытие — хотя бы этот быт — был *мыс*; между оком и горизонтом¹².

Не надо «в принципе согласен». Найдите лучшее.

Очень хорошо: как бы перерастает самое себя. Только не «как бы», просто — перерастает.

XIV. — Самовлюбленность — плохое слово, ибо сродни самодовольству. Лучше: влюбленность в самого себя.

Ваше определение вражды *мне* абсолютно чуждо. Вражда — прежде всего избыток сил. Никогда не недохват. Всегда — растрата. (Я недавно об этом много думала и писала).

XIV. — Чему же предшествует «Одиночество»¹³? Не есть ли оно — итог, последняя колыбель всех рек?

XIV (оборот). — Очень хорошо: страсть сама страдает. Вакхический рай — хорошо. Знаете ли Вы моего «Мблюдца»?

До — мой:

В огонь синь.

О спартанском небе тоже хорошо. Вообще, эти Ваши исходы — хороши. И хороша иерархия: Вакхический рай — Спартанский утес — Рильке¹⁴. Стоило бы эти главы разработать внимательно.

XV. — Хорошо сопоставление *последнего рыцаря* — Блока и *единоличного бойца* (Вы этого не говорите, но это напрашивается) — меня.

Но конец стр., голубчик, ужасен (*Не сердитесь!*) (...). Мрамор, если хотите, люблю (*слово* люблю достоверно) — но не больше булыжника старой Сухаревки, вообще люблю камень, твердое, но вовсе не как символ дворянской эпохи. Или даже римской. *Мрамор старше дворян!* Мрамор старше времен. Мрамор — либо само время, либо (где-нибудь на Урале) — та достоверная радость твердости, на которую наступаем. Либо — *вечность*, либо — *природа*. И меньше всего — Николай 1. Не делайте меня Мандельштамом: я *проще* и *старше*, и этим — моложе.

А уж «позолота»... Золота *физически* не переносу, даже у меня осень, вопреки зримости:

Березовое серебро,
Ручьи живые!¹⁵

Хуже золота для меня — только платина.

Золото — *жир* буржуазии, платина ее смертный налет. Я о золоте *много* и *враждебно* писала. Разве-что — золото Рейна! (*Меня*, вообще, ищите — *там*) (...).

Не верю в форму (об этом *много* писала), никогда ее не встречала, кроме как в виде *разбитой скорлупы* или три дня лежащего покойника. Если мои стихи о том мире *сильны*, то только потому-что я никогда не ощущала его «формы», всегда — *живы*, жизнью — будь то XVIII в. или 17 год (до-17 год!).

«Драгоценные вина»¹⁶ относятся к 1913 г. Формула — наперед — всей моей писательской (и человеческой) судьбы. Я *всё* знала — отродясь.

NB! Я *никогда* не была в русле культуры. Ищите меня *далее* и *раньше*.

XVI (оборот). Нет, голубчик, меня не «не-помнят», а просто — не знают. *Физически* не знают. Вкратце: с 1912 г. по 1920 г. я, *пиша непрерывно*, не выпустила, по литературному равнодушию, вернее по отсутствию во мне *литератора* (этой общественной функции поэта) — *ни одной книги*. Только несколько случайных стихов в петербургских «Северных Записках»¹⁷. Я жила, книги лежали. По крайней мере три *больших*, *очень* больших книги стихов — пропали, т. е. никогда не были напечатаны. В 1922 г. уезжаю за-границу, а

мой читатель остается в России — куда мои стихи (1922 г. — 1933 г.) *не* доходят. В эмиграции меня сначала (сгоряча!) печатают, потом опомнившись, изымают из обращения, почуяв не-свое: тамошнее! Содержание, будто «наше», а голос — *иный*. Затем «Версты»¹⁸ (сотрудничество у Евразийцев), и окончательное изгнание меня отовсюду, кроме эсеровской Воли России¹⁹, Ей я *многим* обязана, ибо не уставали печатать — месяцами! — самые непонятные для себя вещи: всего Крысолова²⁰ (6 месяцев!), Поэму Воздуха²¹, *добровольческого* (эсеры, ненавидящие белых!) Красного Бычка²², и т. д. Но Воля России — ныне кончена. Остаются Числа²³, *не* выносящие меня, Новый Град²⁴ — любящий, но печатающий только статьи и — будь они прокляты! — Соврем. Записки²⁵, где дело обстоит так: — «У нас стихи, вообще, на задворках. Мы хотим, чтобы на 6 стр. — 12 поэтов» (слова литер. редактора Руднева — мне, *при свидетелях*). И такие послания: — «М[арина] И[вановна], пришлите нам, пожалуйста, стихов, но только *подходящих* для нашего читателя. Вы уже знаете...» Большею частью я не знаю (знать не хочу!) и ничего не посылаю, ибо за 16 строк — 16 франков, а больше не берут и не дают. Просто — не стоит: марки на пересылку дороже! Нищеты, в которой я живу, Вы себе представить не можете, у меня же никаких средств к жизни, кроме писания. Муж болен²⁶ и работать не может. Дочь²⁷ вязкой шпачек зарабатывает 5 фр[анков] в день, на них вчетвером (у меня сын 8-ми лет, Георгий) живем, т. е. просто медленно подышаем с голоду. В России я так жила только с 1918 г. по 1920 г., потом мне большевики *сами* дали паек. Первые годы в Париже мне помогали частные лица, потом надоело — да еще кризис, т. е. прекрасный предлог прекратить. Но — Бог с ними! Я же их тоже не любила.

Итак, здесь я — без читателя, в России — без книг.

XVI (...) Вы может быть хотите сказать, что моя ненависть к большевикам для нее [т. е. для эмиграции. Ю. И.] слаба? На это ответчу: *иная* ненависть, инородная. Эмигранты ненавидят п. ч. отняли имения, я ненавижу за то, что Бориса Пастернака могут (так и было) не пустить в его любимый Марбург²⁸, — а меня — в мою рожденную Москву. А казни, голубчик — все палачи — братья: что недавняя казнь русского²⁹, с *правильным* судом и слезами адвоката — что выстрел в спину чеки — клянусь, что всё это одно и то-же, как бы оно не звалось: мерзость, которой я *нигде* не подчиняюсь, как вообще никакому организованному насилию, во имя чего бы оно ни было и чьим именем бы оно ни оглавлялось.

— Я — с Утверждениями?³⁰ Уж звали и слышали в ответ: там где говорят: еврей, а подразумевают: жид — мне, собрату Генриха Гейне — *не место*. Больше скажу: то место меня — я на него еще и не встану — само не вместит: то место меня чует, как пороховой склад — спичку

Что же касается младороссов — вот живая сценка. Довлад бывшего редактора и сотрудника В[оли] России (еврея) М. Слонима: Гитлер и Сталин. *После* доклада — явление младороссов в полном составе. Стоят, «скрестивши руки на груди». К концу прений продвигаюсь к выходу (живу за-городом и связана поездом) — так что стою в самой гуще. Почтительный шопот: «Цветаева». Предлагают какую-то листовку, к-ой не разворачиваю. С эстрады Слоним: — «Что же касается Г[итлера] и еврейства...» Один из младороссов (если не «столп» — так *столб*) — на весь зал: «Понятно! Сам из жидов!» Я, четко и раздельно: — «Хам-ло!» (Шопот: не понимают). Я: — «хам-ло!» и разорвав листовку пополам, иду к выходу. Несколько угрожающих жестов. Я: — «Не поняли? Те, кто вместо еврей говорят жид и прерывают оратора, те — хамы. (Паузы и, созерцательно:) Хам-ло». Засим удаляюсь (С каждым говорю на его языке!).

Если я жила вне русла культуры, то, м. б., потому, что оно *по мне* не пролегло.

Нет, голубчик, ни с теми, ни с этими, ни с третьими, ни с сотыми, и не только с «политиками», а я и с писателями, — *не*, ни с кем, одна, всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей, — без круга, без среды, без всякой защиты, причастности, хуже, чем собака, а зато —

А зато — всё.

До-свиданья! О конце Вашей рукописи — очень значительном — допишу в следующий раз. Сейчас как будто устала — и бумага кончается (Пишу разведенными чернилами, т. е. почти водой, — оскорбительно!) (...).

О многом, очень важном, м. б. самом важном, еще не сказала ни слова.

М. Цветаева

Мне думается, Вы знаете $\frac{1}{2}$ моего печатного материала, а он *весь* — $\frac{1}{4}$ моего написанного, если не меньше.

Писать обо мне по *существу* — не отчаялся бы только немец.

Замечательные, исключительные стихи — Бенедиктова³¹. Спасибо.

«Иск[усство] при свете совести» по требованию редакции сокращено ровно наполовину. Читаю — и сама не понимаю (связи, к[отор]ая в оригинале — *была*)³².

2.

Clamart, 3-го апреля 1934 г.

Короткая отпись, потому что завтра крайний срок сдачи моей рукописи о Белом в Совр[еменных] Записках (апрельский номер)³³, а переписываю я вот таким почерком (всю жизнь!), а в рукописи около четырех печатных листов (...).

Теперь на-спех, по существу:

Может быть мой голос (*la portée de ma voix*) соответствует эпохе, я — нет. Я ненавижу свой век и благословляю Бога (я знаю, что нельзя благословлять Бога, но так говорила в детстве, и чуть-только не подумаю, и сейчас говорю) — что родилась еще в прошлом веке (26-го сентября 1892 г. ровно в полночь с субботы на воскресенье, в день Иоанна Богослова, у меня об этом есть стихи, кажется — в Психее (...).

И другие: о субботе и воскресении, нигде не напечатанные. Кстати, отказались взять «Посл[едние] Новости»³⁴, которые вообще просили стихов не присылать. Итак, благословляю Бога за то, что застала *то*, конец *того*, конец царства человека, т. е. Бога, или хотя бы — божества: верха *над*.

Ненавижу свой век потому что он *есть организованных* масс, которые уже не *есть* стихия (...). Изнизу — организованных, не упорядоченных, а именно «организованных», т. е. ограниченных и лишенных органичности, т. е. своего *последнего*.

Пишите обо мне что хотите, Вам видней, да я и не в праве оспаривать, т. е. лично вмешиваться: вставать как буйвол перед Вашим паровозом, но *знайте* одно: мне в современности и в будущем — места нет. *Всей* мне — ни одной *пяди* земной поверхности, этой малости — мне — во всем огромном мире — ни пяди (Сейчас стою на своей последней, незахваченной [пяди? пропущено слово. Ю. И] только потому, что на ней *стою*: твердо стою: как памятник — собственным весом, как столпник на столпу).

Есть (мне и всем подобным: они *есть*) только щель: в глубь, из времени, щель ведущая в сталактитовые пещеры доистории: в подземное царство Персефоны и Миноса — туда, где Орфей прощался, — в А-и-д. Или в блаженное царство Frau Holle (NB *то-же!*) (Holle-Hölle...)³⁵.

Ибо в *ваш* воздух, машинный, авиационный, пока что экскурсионный, а завтра — сами знаете, в *ваш* воздух я *тоже* не хочу.

— Но кто Вы, чтобы говорить «меня», «мне», «я»?

— Никто. Одинокий дух. Которому нечем дышать (И Пастернаку — нечем. И Белому было нечем. *Мы* есть. Но мы — последние).

Эпоха не только против меня! (ко мне *лично* она, как всякая мною в жизни встреченная, хотя бы самая чуждая, сила — еще «добра») — не столько против меня, сколько *я* против нее, я ее действительно ненавижу, всё царство будущего, на нее наступаю — не только в смысле военном, но — ногой: пятой на главу Змия.

— Вот. —

С сказанным мной считайтесь только *внутри* (...).

До-свиданья. Посылаю не перечитывая (...).

Рада буду, если напишете.

Марина Цветаева

Эпоха против меня не лично, а пассивно, я — против нее — активно. Я ее ненавижу. Она меня — не видит.

3

Clamart, 12-го мая 1934 г.

Конечно — старого³⁶, во мне нового ничего, кроме моей поэтической (*dichterische*) отзывчивости на новое звучание воздуха. За меня бы дорого дали, если бы я существом отзывалась, как *дорого* дали — за Маяковского³⁷ и, дорого дав, и то не удержали!

Как я могла родиться — нового?! — дважды, как *факт* и как суть. Неужели Вы думаете, что я могу снизить до перевода, прибавки тринадцати дней — и ради чего, чтобы оказаться рожденной по ненавистному мне, не-моему календарю, которого тогда и в помине не было, а в моем помине (помине обо мне) и не может быть и не смеет быть!

Да еще в сентябре — вместо октября!

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний
Иоанн Богослов.
Мне и поныне
Хочется грызть
Красной рябины
Горькую кисть.

(Москва, 1916 г.)

Вот одно из моих самых любимых, самых *моих* стихов. Кстати, ведь могла: *славили*, могла: *вторили*, — нет, — *спорили*! Оспаривали мою душу, которую получили *все* и *никто* (Все *боги* и ни одна *церковь*!).

Кстати, родилась я *ровно в полночь с субботы на воскресенье* (26-го на 27-е), у меня и об этом есть стихи:

Между воскресеньем и субботой
Я повисла, птица вербная,
На одно крыло — серебряная,
На другое — золотая...

Москва, 1920 г.

Но я приобщила себя *субботе, кануну, концу*, — невольно, конечно, только сейчас, когда пишу, осознала, как и *спор* колоколов.

Конечно, Толстого не люблю, т. е. люблю его жизнь и смерть, его одинокую муку, его волчиное сердце, но почти — *сочувственно*, как *grand camarade de malheur* — и еще сундук с Наташей Ростовой, и «поцелуйте куклу», и танец, и окно, но это уже — *Mignon*, а не Толстой.

(И неизмеримо больше Толстого люблю — Гёте).

Достоевский мне в жизни как-то не понадобился, но узнаю себя и в Белых Ночах (разве Вы не видите, что все Белые Ночи его *мечта*, что никакой Вареньки не было, т. е. *была* — и *прошла* (мимо, а он этим *мимо* — жил) и, главное, запомните, — в Катерине Ивановне с шалью и голыми детьми, на французском диалекте. Это я — дома, и в быту, и с детьми, и в Сов[етской] России и в эмиграции, я в той достоверной, посудной и мыльной луже, которая есть моя жизнь с 1917 г. и из которой — сужу и грожу.

И — кажется последнее будет вернее всего — я в мире люблю не самое глубокое, а самое высокое, потому русского страдания мне дороже гётевская радость, и русского метания — *то* уединение. Вообще, не ошибитесь, во мне мало русского (NB! сгоряча ошибались все, да я и кровно — слишком — смесь: дед с материнской стороны (Александр Данилович Мейн — Меун) — из остзейских немцев, с сербской приправой, бабушка (урожденная Бернацкая) — чистая полька, со стороны матери у меня России вовсе нет, а со стороны отца — *вся*³⁸. Так и со *мною* вышло: то вовсе нет, то — вся. Я и духовно — полукровка.

Толстого и Достоевского люблю, как больших людей, но ни с одним бы не хотела жить, и ни в курган, ни на остров их книг не возьму — не взяла же.

Из русских книг больше всего люблю Семейную Хронику и Соборян, — два явно — *добрых* дела. За *добрую* силу.

Время года? Осень, конечно, с просветами и просторами, со *сквозью*, с собственными большими шагами, всегда большими, а осенью — гигантскими. Я — рожденный ходок. Кстати мне недавно вернули из Совр. Записок мою «Оду пешему ходу», уже набранную, — в последнюю секунду усумнились в понятности «среднему читателю». Хотите — на память?

Стихи Милонова³⁹ восхитительны; уже от первой строки одной (совдохновения) (...).

М. Цветаева

4.

Стамарт, мая 1934 г.

(...) Откуда у Вас страсть к стихам? В Вас ведь двое: стихолюб и архивист. Ведь надо же *вырыть* те стихи к Державину⁴⁰. Кто в роду — любил? У меня — достоверно — мать и дед (ее отец), стихотворная моя жила оттуда, а чисто филологическая — от отца, моя мать тоже была предельно одарена — знала пять языков, не считая родного русского, а шестой (испанский) выучила еще незадолго до смерти (умерла молодая, как все женщины по ее польской материнской линии (...)).

М. Ц.

5.

Стамарт, 4-го июня 1934 г.

«...Но души не отдам». [...] — Что значит? Отдать. Не от-
дать. Разве *ты можешь* отдать — не от-дать? Разве — ты отда-

ешь? Разве ты хозяйин, а она собака, ты владелец, а она — вещь? Это *она* тебя отдает, *предает* Богу или человеку в руки, не ты ее (...).

Мое «лучшее не отдавай» значит: будет больно, но что — не больно? И боль разве — зло?? (...) Я же, знающая цену слову, всю невозвратность и страшность его, знала, что получила — все (мне могущее быть данным, т. е. *желание* отдать душу, в котором *никогда* не сомневалась). Так море не сомневается в рожденном желании реки: влиться и раствориться и не спрашивает у реки, *почему* не влилась, а напротив — соболезнает... (Да большинство *не* доходит! Иссякают или приняв другую реку, чуть побольше, за море...). Морю важно желание рек: большой воде — желание малой воды (малой количественно, а не качественно)*, ему не важно, влилась или нет, ему с нее не прибавиться и не убавиться... И всякая река, пожелавшая уже *влилась!* Так в меня вливались человеческие души, и я их *все* несу, а тела (с делами) оставались и остались — где-то.

Река, влившись в море, стала больше на целое море, на целого Бога, на целое все.

Река стала морем (...).

Когда-нибудь, в каких-вб. «Последних Новостях» или dans un autre maucvais lieu прочтете, как я, лет трех иступленно желала потеряться — и потерялась в Александровском пассаже, где-то между белым медведем и гипсовым крашеным негром над сухим фонтаном. Потому мне так *дика* непонятен Ваш страх. И всю жизнь я только этого хотела: потеряться, раствориться — *в чем бы ни было*. Когда прочтете «Поэму Конца» немножко лучше ее поймете (...).

Слово эгоизм (...) не люблю, потому-что серьезно, на глубину взятое оно требует слишком долгих разъяснений, т. е. уже не слово, не то слово, ибо на каждую вещь должно быть свое слово — *и одно*, взятое же элементарно — не заслуживает даже собственного звучания и моего ушного слышанья. Просто — миную. Но, чтобы Вы меня хорошо поняли, снизойду на этот раз до нескольких пояснительных слов: эгоизм, это сосредоточение не на том себе, сосредоточение на *не-том*: на своем желудке, напр. или на своей (физической) болячке (...).

Духовного эгоизма — нет. Есть — эгоцентризм, а тут уже все дело в *вместительности* его, посему, величине (ёмко-

---

* Grosse gewässer, kleine gewässer, а все — одно.

сти) *центра*. Большинство эгоцентриков, т. е. *все* лирические поэты и *все* философы — самые отрешенные и не-себялюбивые в мире люди, просто они в *свою* боль включают всю чужую, еще проще — *не различают*.

Пишу Вам кстати с безумною болью в обеих ногах, я уже два месяца больна — истощение перекинулось в нарывную полость, затронуты железы и жилы, и вот через день (хожу? пропущено слово. Ю. И.) в бесплатную (1 фр.) лечебницу для безработных русских, вспрыскивание нынче второе (...) Это после Оды пешему ходу⁴¹! Да, друг, это и есть искуc, со мною дружбы: я насквозь вижу — человека, т. е. сочувственна, и требую этого от другого (не для себя, а для него!), а если не нахожу — ухожу (...).

Вы спрашиваете — любимая еда. Разве это важно? *Не навизижу каши*, все, кроме черной, и даже в Москве 1920 г., в самый лютей год *пшена не ела*. А так, очень скромна и проста, ем все, и даже мало отмечаю, чем во времена нашей дружбы сердечно огорчала Мирского⁴² (страстного едока и ценителя, как, часто, очень одинокие люди), водившего меня по лучшим — тайно, знатовщически — лучшим ресторанам Парижа и Лондона. — Вы все говорите! сокрушенно воскликнул однажды он, и Вам все равно, что есть: Вам можно подложить *сена!* Но не пшена. —

Никогда не выброшу ни крохотнейшего отгрызка хлеба, если же крошки, — в печь. Корка — в помойке — чудовищно, так же как опрокинутый вверх дном [1 слово неразборчиво. Ю. И.] или воткнутый в хлеб нож. Меня из за этого в доме считают скупой (объедки), я же *знаю*, что это — другое. Неприязнительность и от отца и от матери: не снисходившей, не снижавшейся до *любимого блюда* (вообще — протестантки и спартанки!) — и не подозревавшей, что может быть не-любимое.

Как отношусь к пожиранию мяса? *Чудесно*, т. е. охотно «пожираю», когда могу, когда не могу — обхожусь (Все мое отношение ко всему внешнему миру, т. е. ко всему, что со мною здесь может случиться, ко всему хорошему — *вне* — в этом слове «обхожусь», и даже теперь кажется уже в праве сказать: — обошлась).

Ученик написан (тогда 65-летнему, ныне 75-летнему) князю Сергею Михайловичу Волконскому⁴³ (внуку декабриста, писателю), который этих стихов никогда не читал — я никогда не *посмела*, да он бы и не понял: есть люди, очень глубокие, тонкие, и одаренные, но которым стихи (понимать) мешают. Он

очень любит поэтов и постоянно их цитирует, но — по другому (не цитирует по другому, а любит). *Латинский склад*. Подружились с ним в Москве 1921 г. и тогда переписывала ему начисто — из чистейшего восторга и благодарности — его рукописи, — трех его больших книг и вот таким почерком, и ни строки своей не писала — не было времени — и вдруг прорвалась Учеником: Ремеслом...

Достаньте Быт и Бытие кн. С. Волконского, там есть большое, вводящее посвящение мне. Тогда поймете нашу дружбу — и Ученика — и все. Книга доступна, м. б. есть в библиотеке (...).

Ваши сны до жути правильны. Всегда (как впервые, — с родным) много-много говорю и гляжу мимо. Это (минование) — мое основное свойство, моя отмета. Даже старый князь Волконский мне, однажды: — о *Вас* не говорю, во-первых — Вы вне суда, во-вторых — Вы просто говорите *в профиль* (До этого он говорил о необходимости все время глядеть прямо в глаза собеседнику. Я иногда тоже гляжу но тогда уж *совсем* не вижу, вижу — другое, выходит — гляжу сквозь).

(...) До свиданья — в письме. Ремесло⁴⁴, конечно, перелом, нет не *перелом*, — новый речной загиб, а, м. б., и разгиб — творческой *жилы*. Переломов у меня в жизни — не было. Процесс древесный и речной: рост, кажется?

М. Ц.

Во мне все сосуществовало, создано было с самого начала: с самого моего двухлетия и рождения и до-рождения, с самого замысла матери, хотевшей, решившей сына Александра (оттого я и вышла поэт, а не поэтесса). Поэтому Вы правы, хронология не подходит, но она все же — дорожный посох. Кроме того, напоминаю, Психея единственная из моих книг — сборник, т. е. составлена мной по примете чистого и даже женского лиризма (романтизма) — из *разных* книг. Она — не этап, а итог (...).

Просто — Гржебин⁴⁵ в Москве 1921 г. заказал небольшую книжку. Я и составила Психею, выбрала ее из *огромного* неизд. материала 1916-1921 г.г. Выделила данную, эту, *такую* себя. (Из меня, вообще, можно было бы выделить по крайней мере *семь* поэтов, не говоря о прозаиках, родах прозы, от сушайшей мысли до ярчайшего живописания. Поэтому-то я так и трудна — как *целое*, для охвата и осознания. А ключ прост. Просто поверить, просто понять — *чудо*).

Принять (...).

6.

Vanves⁴⁶, 8-го марта 1935 г.
пятница

(...) Самолюбуются — когда *нечем*.

А не знать себе цены, зная цену всему остальному (особенно высокому!), из всего ценного не знать цены именно себе — это какая-то местная слепота или корыстнейшее лицемерие. *Все* настоящие знали себе цену — с Пушкина начиная (*До* Пушкина! Или, м. б. — кончая, ибо я первая после Пушкина кто *так* радовался своей силе, так открыто, так — бескорыстно, так — непереубедимо!). Цену своей силе. Свою силу (*Не* свою!).

«Я — последний из последних» есть предательство и чернейшая неблагодарность (Не понимаю Серафима Саровского и вообще ни одного смиренного святого). Понимаю Апостола Павла: *Il faut obeir à Dieu plutôt qu'aux hommes*. Если красавица невинно уверяет Вас, что она *не* красавица — она слепая. Или кокетка. Или дура. То же об уме. *Не* то же, ибо ум есть прежде всего зрячесть. Умный, не видящий своего ума только потому — что это *он* — дурак (Красавица же остается красавицей).

Ум (дар) не есть личная принадлежность, не есть взятое на откуп, не есть *именное*. Есть вообще — дар: во мне и в сосне. И какая *мелочность* — не радоваться ему, п. ч. он у *тебя* под черепом! Какое себялюбие! Какое сведение *всего* к только — сему.

Нельзя не знать своей силы. Можно только не знать ее пределов. Нельзя не знать.

Внешняя скромность — только воспитанность. Именно потому, что я Рокфеллер, мне у тебя в гостях — все нравится. Но не подавай мне жареной подошвы, п. ч. я — тоже человек.

Вся наша жизнь — сплошное свисхождение (человека в нас, а может быть — божества) к малым сим. Но как иногда от сих *малых* — тошнит и как хочется — великих тех! Не глотать. Встать во весь рост — не боясь испугать: убить.

Итак, нарцисс — 1) достоверный и звездообразный, бывают белые и желтые — цветок, которым зимой и летом, пахло в конце нашего пансионского коридора, возле огромной чугунной печки, гудевшей от моего бега — 1903-04 г. Лозанна, Ouchy (3, Boulevard de Grancy, 3 Pensionnat de M-lles Lacaze).

2) Миф о юноше, отчаявшемся когда-либо встретить *еще* такую красоту и обреченном на эту неизбежность: любить — себя, которого *нельзя* любить.

Милый друг, я ведь сама, в оны дни, выла (о, не громко! в стихах и внутри) от того, что я — я, я, а не мой сосед. Как бы я себя любила — и человека, и поэта, и все *innombrable* и *innomable*, что я емь — если бы не была я. Но *не* смогла (и Нарцисс не смог, хотя его дело было несравненно — проще) и всю жизнь напролет пролюбила — не тех, в моем мире (единственном мною ценимом) меньших, слабейших, неравных, неровень (Есть другой мир, где я слабейшая, последняя из последних, но этот мир для меня сам — последний из последних: активизм, строительство — «жизни» и заводов, и т. д.). Из равных себе по силе я встретила только Рильке и Пастернака. Одного — письменно, за полгода до смерти, другого — незримо. О, не только по силе поэтической! По силе *всей* + силе поэтической (словесно-творческой). Ибо вся сила вне словесной *для меня* не может быть. Для меня (во мне и в моих требованиях) она — одна. *Немного* себя — и Р[ильке] и П[астернака] — я себе *не* мыслю. Я на всех (кроме Наполеона, который знал: — *Je désire que mes cendres reposent sur les bords de la Seine, au milieu de ce peuple français que j'ai tant aimé!* —) на всех, кроме Наполеона, в каком-то смысле гляжу как на глухонемого, которому не дано осознать, кто он и потому — сказать. А *они* на меня (те *иные* великие: великие действия) — как на безрукого. Которому ничего не дано *сделать*.

Об этом — с иного края — Вы говорите, говоря о *бескрылых* вождах и *крылатых* ведомых (Я дострила Вашу фразу. А можно и: о *бескрылых* тиранах — и *крылатых* рабах. А можно и — *крылатых* когоргах. Так, кажется, всего лучше. Но формула (наблюдение, начало сопоставления) — Ваша)⁴⁷.

О Н. П. Гронском⁴⁸. Вы правы, Гронский был *моей* породы. Откуда вы знаете о нашей дружбе и ее платцдарме (ибо дружба была — боевая) — медонском королевском лесе и, даже лесах? (...). Это был мой *физический* спутник, пешеход, тоже горец, а не морец (...).

Я читала его тетрадку, которая выйдет книгой (всех будет — три). И выйдет — в Ваших краях. Кажется, в нашем бывшем Юрьеве.

(Отец сидел и читал его письма ко мне, а я его тетрадку — тоже ко мне). Там *одно* посвящено мне (м. б., есть *маленькая* неточность, привожу по памяти)

Посв. М. Ц.

Из глубины морей поднявшееся имя,
Возлюбленное мной, как церковь на дне моря,
С тобою быть хочу во сне, на дне хранимым
В глубинных недрах твоего простора.

Ушел в сон с собором черным
И ангелы морей мне будут вторить хором.

Когда же в день Суда, по слову Иоанна,
Совьется небо превратившись в свиток
Я буду повторять во сне: — Осанна!
Оставленный и в день Суда забытый*.

(1928 г., 18 лет)

(...) Уцелела *вся* наша переписка. «Письма того лета» — так бы я назвала. А то лето было — тысяча девятьсот двадцать восьмое. Я была на море, он — в Медоне. Двадцать семь его писем и, кажется, столько же моих (своих, естественно, не считала).

---

* Привожу полный текст стихотворения:

Посв. М. Ц.

Из глубины морей поднявшееся имя,
Возлюбленное мной, как церковь на дне моря,
С Тобою быть хочу во сне — на дне хранимым
В глубинных недрах Твоего простора.

Так, веки затворив, века на дне песчаном,
Ушел в просторный сон с собором черным,
Я буду повторять во сне — «Осанна!»
И ангелы морей мне будут вторить хором.

Когда же в день Суда, по слову Иоанна,
Совьется небо, обратившись в свиток,
И встанут мертвые, я буду говорить: — «Осанна»,
Оставленный на дне — и в день Суда — забытый.

Я написала о Белла-Донне⁴⁹ короткий исчерпывающий отзыв (Посмертный подарок), который до сих пор лежит — три месяца! — валяется в Последн. Новостях. О *их же* поэме, о сыне *их* сотрудника и даже больше — и *не* хотят: молча, как ничего (всего) *моего*. Статья разрублена мною — пополам, по подневольному требованию отца, — пополам, просто под трехсотой печатной новостной строкой — подпись. Остаточная часть, по тайному сговору с П. П. Гронским⁵⁰ воровски должна была идти под другим названием (Корни поэзии) с ввинченной вводной фразой. Ибо *двойного* фельетона *мне не* дадут, а вещей с продолжением — *не* печатают. Но и это не помогло [...]. Были уже статьи Адамовича и Бема (в Мече). Надо мной здесь *лито* издеваются, играя на моей *гордыне*, моей *нужде* и моем *бесправии* (Защиты — нет). Мою последнюю вещь (Сказка матери) — *изуродовали*: сорок самовольных редакторских сокращений посреди фразы. Убирали эпитеты, придаточные предложения, иногда просто *два слова* (главных! то, ради чего — вся фраза. Ведь это — *детская* речь!).

Сказка матери⁵¹ — *не моя вещь*. Отказываюсь (...).

Письмо не кончаю, обрываю. Если быстро отзоветесь — напишу еще. Сколько подчеркнутых мест. Я *вся* — курсивом. До свиданья — в письме.

М. Ц.

7

Vanves, 26-го февраля 1935 г.

Пишу Вам наспех — это письмо совсем не *то* — но *те* письма так и остаются и корреспондент не получает ничего — кроме обид.

Пишу Вам среди рукописи — даже [неразборчиво. Ю. И.] — целых трех! — о Гронском, которые должна слить — сбить — в одну. Одна была для П[оследних] Н[овостей] (не взяли, т. е. завалили и я взяла), другая для сербского Русского Архива (мы с Гронским — в архив! Si jeu-eunes. Ож — éternellement, но я кажется — тоже — éternellement...), а третья — собственные мысли. Все это буду читать 10-го, в Salle de Géographie — его и моим друзьям. Это моя единственная гласность. М. б. — потом — возьмет Сербский Архив — по сербски. *По русски мне о Гронском сказать не дали.*

Наспех — ответ:

Vanves — banlieue — пригород, в 15 м. ходу от последнего парижского метро. Развалина — 200 лет — каштан в окне — я.

Н. П. [Гронский] трагически *погиб* (случайность), но никаких «трагических обстоятельств» не было, — в полном цвете и силе. Обо всем этом пишу, а Вы — не прочтете.

(...) Обрываю. Пишите.

М. Ц.

8.

Vanves, 11-го октября 1935 г.

(...) У Гронского — отца (тоже писала) был удар, *даже* два, один на Пасху, другой летом, сейчас он в санатории и, в общем, конченный человек, во власти *первого* сильного волнения. Ему даже запрещена карточка сына. Книгой ведает мать⁵² — и книга выйдет.

Мать лепит его большую голову — по прежним своим работам — и карточкам. *Он*, но — собирательный, основной, и — жестче, чем в жизни. Он — черт, не он — выражений. Да этого д[олжно] б[ыть] скульптура дать не может.

Последовательность [книг М. Цветаевой. Ю. И.]⁵³: Вечерний Альбом (1910 г.), Волшебный Фонарь (1912 г.), Юношеские стихи (неизданные: 1912-1916 г.), Версты I (изданные частично в советском сборнике того же имени: моем сборнике), Версты II (неизданные: 1916 г.-1921 г.), Ремесло (1921 г.), После России (1921 г.-1925 г., кажется) После 1925 г. не издано ничего. Ясно? *Это* — мои этапы: мои тетради. А Психею из разных тетрадей, т. е. разных лет. Психею, как все, что написала — *очень* люблю. Вот уж не:

— Я вас не писал никогда!⁵⁴

Не люблю только привередливости, внюхивания, предпочтения одного *в ущерб* другому. Скажем, не люблю Психею в известных руках: самых рук не люблю!

По поводу чувства (NB! Наивный вопрос: есть ли у меня чувства) — чувство у меня всегда было умное, т. е. зрячее, поэтому всю жизнь упреки: Вы не чувствуете, Вы рассуждаете.

Коли чувство есть слепость — я *никогда* не чувствовала. (Das Gefühl seiner Jugend ist schon übersinnliche Jugend).

Все мои Gefühle были — übersinnlich, потому они и были — Gefühle.

А Sinne — их, кажется, 5, нет — 6 (Orientierungssinn). Единственное острое (до болезненности) — слух. Зрение — никакое (*никогда* бы не взяли в солдаты), осязание — среднее (обоняние впрочем — исключительное, но оно так сразу становится душевным состоянием, что я его никогда отдельно не ощущала) — пошла спрашивать Мура⁵⁵, какое пятное: он деловито высунул язык, итак вкус — самый непритязательный. И — *минус* — чувство места: *идиотизм на места*: чувство контр-направления.

И основное — над всеми и под всеми — чувство КОНТР — чисто-физическое: наступательное — на пространство и человека, когда он в количестве. Отсюда — мое пешеходство и полное одиночество: передо мной все отступает.

...«Чувства» много в После России, почти сплошь. Если *это* не чувства, то у меня нет чувства.

«По русски *трудно* мыслить». — По русски (по всячески) чудно мыслить. Были бы косточки, а мясо вырастет.

О кубизме *ничего* не знаю: мне пришлось бы не говорить, а слушать.

Стихи двух родов, — о не двух: больше. Есть чистая лирика, есть гражданские страсти (1917 г.-1920 г.) — Царская семья — Перекоп (заграница), есть песни, — чего — *нет*??

Неудачи в Молодце и Переулочках??⁵⁶. Здесь придется воззвать к большинству голосов моего читательского меньшинства (+ мой голос: большой, большинство *моих* голосов, ибо я — не забывайте — довоенная *Россия* по составу народонаселения!).

Переулочки (Вы этого не знали?) — история последнего обольщения (душою в просторечии: высотой).

Если Вы не любите этих вещей — Вы просто чужды русской народной стихии. Стихии.

С. *Маковский*⁵⁷ (оцените эпоху: Аполлон, Золотое Руно, Весы, примат *Петербурга*) мне — обо мне, в 1924 г. — Это

не всегда стихи, но это всегда — стихия! Русская стихия *во мне* обескровлена? обездушена?

О Молодце только один отзыв: — Живой огонь! — Что это? Революция? Любовь? Так говорят *самые* неискушенные. Вы бы прочли отзыв Пастернака.

Мне Ваш отзыв просто смешон, как если бы мне сказали: — Такая брюнетка, как Вы.

До того — не по адресу!

В «греческом»⁵⁸ Вы обольщены из за Вашего тяжкомыслия, — думя (у Вас *Schwerblut* и, вообще, *Geist der Schwere*, это не плохо, — я только отмечаю...).

Вам труднее всего понять непосредственное.

«Народный элемент»? Я сама народ, и никакого народа кроме себя — не знала, даже русской няни у меня не было (были — немки, француженки, и часть детства — к отрочеству — прошла за границей) — и в русской *деревне* я не жила — никогда. В русской природе — да. И отец — владимирский: (из старого, непрерывного и непрерывавшегося) священнического рода: дремучего. Мы, по отцу, с Бальмонтом — земляки.

Лучшая вещь Гронского — Белла-Донна. Вещь его 18-19-20-летия: когда дружил со мной. О его *книге* я сейчас написать не взялась (...). После меня он впал в церковность, а от священников — какие стихи?? У Гронского *одна* вещь: Белла-Донна (Впрочем, *Стинозы* — я не знаю): Есть кажется еще одна *моя* (т. е. сильная — и в *мои* времена) — о летчике. Отец мне читал отрывки. Но *увидите*, что Б[елла]-Д[онна] — лучшее.

Слух без ушей, взгляд без очей⁵⁹...

Жатвы без рук, клятвы без губ⁶⁰.

(М. Ц. — те самые Переулочки).

И еще в 1 ч. Тезея-Ариадны, — сейчас не помню, но *то же самое*.

Когда вещь *сильна*, она не переимчивость, а — приемственность.

В слабой вещи — о лесах севера — у Г[рон]ского явное подражание Блоку (...).

Гронского в Бела-Донне я чувствую своим духовным сыном. Он был *собой* — пока был *мною*.

(...) Простите, что перепутала страницы, но писала с зверской головной болью: отписывалась, зная, что если не сразу — то никогда.

М. Ц.

Пример «дубасят» (М-ский и Ц[ветаева] «дубасят»)

Никто никогда не отнял:
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас — через — сотни
Разъединяющих верст!

Это, по-моему, называется — *петь*. И таких примеров — *тома*.

(...) Вам придется либо признать простое чудо, либо — сознательно его искажать — и, третье либо:

— отказаться.

В Ваших стихах хороши строки:

И в потомстве ты не тот,
И в раю — не тот, не ты...⁶¹

9.

Vanves, 23-го ноября 1936 г.

понедельник

(...) Вчера у меня был молодой поэт А. Штейгер⁶², очень больной, хотя вид — здоровый, — впервые в Париже после 1½ года санатории — я спросила, что он делает, когда лежит (лежит — всегда) — ответ: — составляю антологию русской поэзии, от самых ее истоков — для себя. — Тогда я подумала о Вас (эта антология — просто тетрадь его любимых стихов),

знающем столько чудных старых, и дала ему Ваш адрес, чтобы послал Вам свои книги (он давно собирался), но никто из друзей (а по мне «друзей») ему Вашего адреса по небрежности или другому чему — не давал, а я сама предложила, и он страшно обрадовался, и Вы наверно на-днях получите от него письмо и книги. С ним *стоит переписываться*, и, во всяком случае ему нужно ответить, он очень доброкачественен, несмотря на любовь к Поплавскому и дружбу с Адамовичем. И — не забудьте — *трудно-больной*.

А нынче получила книжку Катена⁶³ с переводами моего Прохожего. По моему — у меня — проще. Я бы нашла *дву-словный* возглас (лейт-мотив всей вещи) — Прохожий! Остановись. — Говорю, что нашла бы, п. ч. только и делаю, что ищу и нахожу, переводя на французский Пушкина (стихами, конечно, и *правильными* стихами). М. б. некоторые мои переводы появятся, тогда пришлю Вам, — это сейчас моя главная работа.

Итак, статья не дошла и очевидно не пойдет без моего просмотра! В добрый час! Во всяком случае Вы первый (за 25 лет печатания и добрых 30 серьезного непрерывного писания) который отнеслись ко мне всерьез. Сердечный привет и благодарность.

М. Ц.

10.

Vanves, 18-го декабря 1936 г.,
пятница.

(...) Вы заинтересовались Штейгером — расскажу Вам о нем. Это — обратное Гронскому — и м. б. я уже все рассказала — и сказала. Я с ним дружила (письменно) все лето, теперь встретились, и мне с ним трудно потому — что он ничего не любит и ни в чем не нуждается. Все мое — лишнее. Но Вы все-таки попытайтесь, Вам (...) — он, м. б., и откроется, приоткроется. Живет он далеко, в русском доме отдыха. (...) — Ну, попытайтесь, м. б. и воскресите — не его (думаю его тайна: *Und wir sind von jenen Asren — Welche sterben wenn sie lieben*⁶⁴, я его тайны не выдаю, она в каждой его напечатанной строке) — не его, а что-то — в нем, хотя бы интерес к самому себе. *Мне это не удалось*, и я с этим интересом к нему одна осталась. Если когда-нибудь встретимся — расскажу (...).

(А Штейгер не хочет ни в Испанию, ни в Россию, ни в Германию, ни ко мне в Ванв, ни главное *к себе*).

Дать можно только богатому и помочь можно только сильному — вот опыт всей моей жизни — и этого лета.

Но не слушайте меня, Юрий Павлович, — попытайтесь. М. б. Ваши дары (в меру) — и придутся.

Бальмонт совсем выздоровел, провела с ним недавно три часа в восхищенной им беседе (...).

О себе. Писпу Мой Пушкин (прозу) и жду у моря погоды с моими пушкинскими переводами, за устройство которых (с любовью) взялись Слоним и Вейдле, но о которых еще ни слуху, ни духу.

Еще о себе: погибаю под золой трех дымящихся печей *qui prennent le plus clair de mon temps* (пол-утра сжигают!) — *и под грудями штотки — сын растет и рвет, а у меня нет Frau Aja⁶⁵*, которая посылала, как — помните? «*Da — die neuen Nembten [так!] für den lieben August. Mag er sie gesund und fröhlich verwachsen und zerreißen...*» и под грудями посуды — и под грудями стирки; нас четверо, а руки одни — мои.

Сначала 1917 г.-1922 г. — зола России, потом: 1922 г.-1937 г. — зола эмиграции, не иносказательная, а достоверная, я вся под нею — как Геркуланум — так и жизнь прошла.

Не жалейте!

М. Ц.

11.

Vanves, 25-го января 1937 г.

(...) В Переулочках Вы просто *ничего* не поняли —

Раскройте былины и найдете былину о Маринке, живущей в Игнатьевских переулочках и за пологом колдующей — обращающей добрых молодцев в туров — задурающей. У *меня* — словами, болтовней, под шумок которой все и делается: уж полог не полог — а парус, а вот и речка, а вот и рыбка, и т. д. И лейт-мотив один: соблазн, сначала «яблочками», потом речною радугою, потом — огненной бездной, потом — седьмыми небесами... Она — *мороза* и играет самым страшным.

А конь (голос коня) — его богатейство, зовущее и ржущее, пытающееся разрушить чары, и — как всегда — тщетно, ибо одолела — она:

Турий след у ворот⁶⁶ —

т. е. еще один тур — и дур.

Эту вещь *из всех моих* (Молодца тогда еще не было) больше всего любили в России, ее понимали, т. е. от нее *обмирали* — все, каждый полуграмотный курсант.

Но этого Вам *не дано*.

(...) Да, я в 1916 г. первая так сказала Москву. (И пока что последняя, кажется). И этим счастлива и горда, ибо это была Москва последнего часа и раза. *На прощанье*. «Там Иверское сердце — червонное — горит». И будет гореть — вечно. Эти стихи были — пророческие. *Перечтите* их и не забудьте *дат*.

Но писала его не москвичка, а бессмертный дух, который дышет, *иде хочет, рождаясь* в Москве или Петербурге — дышет, *иде хочет*. Поэт есть бессмертный дух.

А Москва, как темперамент — тоже *мелко, не та мера*. И, главное, сейчас, плачевно-провинциально: новинка с опозданием на 20 лет: на целое поколение.

Этой статьей в доброй ее половине Вы попадаете в «сердце» Монпарнасса — и соседство России не уберегло!

Жаль!

Со Штейгером я не общаюсь, все, что в нем есть человеческого уходит в его короткие стихи, на остальное не хватает, сразу — донышко блестит. Хватает, м. б., на чисто-литературную переписку — о москвичах и петербуржцах. Но на это я своего рабочего времени не отдаю. Всё, если нужна — *вся*, ничего, если нужны *буквы*: мне мои буквы — самой нужны: я ведь так трудно живу [...].

Всего доброго — от всей души.

М. Ц.

Когда говоришь о громкости, нужно говорить и о тихости: у меня есть стихи *тишайшие*, каких нет ни у кого.

Меня вести можно *только* на контрастах, т. е. на всеприсутствии *всего*. Либо — брать часть. Но не говорить, что эта часть — всё. Я — *много* поэтов, а как это во мне спелось — это уже моя *тайна*.

12.

Paris, 27-го февраля 1937 г.

Милый друг — как странно, верный — *не* странно, ибо со мной так случается — каждый день — всю жизнь — и мой

ответ — не удивление, а — узнавание: вчера вечером (...) я долго рассказывала о Вас (...) — XVIII русский век — Печеры⁶⁷ — линия Печеры-Париж — снега — те и эти (...).

Все мои непосредственные реакции: — *обратные*. Преступника — выпустить, судью — осудить, палача — казнить, и у меня чувство, что все, за редчайшими исключениями, родились *мимо* (...).

И, чтобы кончить об этом — у меня вечное чувство, что не я — выше среднего уровня человека, а они — ниже: что я и есть — средний человек.

Есть средняя собака, средняя лошадь, а я — средний человек, и моя необычайная «сила, про которую мне столько пели (на мне катаясь!) — самая — «обычайная», обычная, полагающаяся, Богом положенная — что *иде-то* — все такие.

Когда однажды, в 1920 г., в Москве — был потоп и затопило три посольства — все бумаги поплыли и вся Москва пошла босиком! — С. М. Волконский предстал в обычный час — я, обомлев: — С. М.! Вы? В такой потоп! — «О! Я очень люблю дождь. И... мы ведь сговорились....».

— Я знала свое, себя, свой рост, свою меру человека — и всё же была залита благодарностью.

Но так как *такое* (не такие потоны, а такие приходы) — раз в жизни, а обратное — каждый день, все дни, я так до конца и не решила: кто *из нас* урод? я? они? (...).

М. Ц.

П р и м е ч а н и я:

¹ Моя статья о поэзии Цветаевой была в сокращенном виде опубликована в журнале *Новь*, 6, Ревель, 1934 г., 61-66.

² Цветаева имеет в виду нижеследующие две цитаты из шишковского *Рассуждения* (заимствованные мной не из оригинального текста):

1) «Уметь высокий Славянский слог с просторечивым так искусно смешивать, чтобы высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого»;

2) «Уметь в высоком слогe помещать низкие слова и мысли... не унижая ими слога и сохраняя всю важность оногo».

³ О Кузmine в воспоминаниях Цветаевой: *Нездешний вечер* (Современные записки, 61, 1936 г., 172-84). Ему же посвящены стихи Цветаевой: *Два зарева!* — нет зеркала! (19-го июня 1921 г., *Ремесло*, 37). Стихотворение Кузмина «Георгий» (кантата) опубликовано в его сборнике *Нездешние вечера* (Петербург, 1921 г., поме-

чено 1917 г.). Цикл цветаевских стихов «Георгий» включен в сборник «Ремесло» (стр. 39-50) и помечен датой 26-го июня — 1-го июля 1921 г. Следовательно, кузминский «Георгий» и цветаевский написаны в разное время, а не одновременно, как утверждает Цветаева.

⁴ Schwab, Gustav (1792-1850), автор книги *Die schönste Sagen des klassischen Altertums* (I-III, 1338-39).

⁵ Царь-Девица, поэма-сказка, Петроград-Берлин, 1922 г., стр. 159. Молодец, сказка, Прага, 1924 г., стр. 105.

⁶ Какими сказками Афанасьева Цветаева пользовалась, невыяснено.

⁷ Эренбургу Цветаева посвятила стихотворение Сугробы, 10-го февр. 1292 г. (Ремесло, 125).

⁸ «Психея (романтика)», сборник стихов, Берлин 1923 г., стр. 111.

⁹ Я послал Цветаевой метрический разбор ряда ее стихотворений.

¹⁰ «Ученик» — цикл стихов (Психея, 95-102 и Ремесло, 7-14), посвященный князю С. М. Волконскому (1860-1937). Он в этом цикле «учитель».

¹¹ «Тезей», трагедия (Версты, 2, 1923 г., 5-83).

¹² Третий — «Вечно-Третий в любви» в трагедии Тезей (см. выше) и в других стихах Цветаевой. Какая «Наяда» не выяснено.

¹³ Цветаева имеет в виду стих из цикла «Ученик»: Ты — одиночества верховный час! (Ремесло, 8).

¹⁴ Цветаева обсуждает следующий текст в моей статье:

«У Цветаевой даны три образа исхода:

1. *Вакхический рай*, увековеченная, обессмерченная земная страсть в ее напряженнейшем моменте. В этот рай — Вакх-Дионис уносит Ариадну, покинутую Тезеем на острове Наксосе. Это рай вечной юности — бессмертия и красоты (трагедия «Тезей»).

2. *Спартанское небо* (см., напр., берлинский цикл стихов в сб. «После России») — вечность бесстрастия, «царство теней», в которое страсть перелилась, изошла — в корне изменив свою сущность:

Здравствуй, бесстрастье душ!
В небе тарпейских круч,
В небе спартанских дружб!

Здесь страстное утверждение бесстрастия. Отблеск, ответ этого небесного бесстрастия — в земных дружбах — братьев, брата и сестры, отроков... Но в земном плане опасность: в бесстрастии каждой из этих дружб — тлеет уголек страсти.

3. Бог, который дан Цветаевой в образе разрастающегося баобаба («Письмо к Рильке») — некто, совмещающий страсть и бесстрастие: Бог-рост, Бог-движение через жизнь и смерть. Тема лишь отчасти намеченная. —

Ибо бег он — и движется.
Ибо звездная книжица
Вся: от Аз и до Ижицы —
След плаща его лишь.

(«Бог», сборн. «После России»).

Ю. Иваск «Цветаева» Новь, Ревель, 1934 г., 6, 65-66.

Стихи Цветаевой на смерть Рильке (Новогоднее) в Верстах, 3, 1928 г., стр. 14-19. Несколько писем Рильке в переводе Цветаевой были опубликованы в Воле России, 2, 1929 г., стр. 23-45.

¹⁵ Березовое серебро... (После России, 32).

¹⁶ Драгоценные вина... См. ответ Цветаевой на литературную анкету журнала Числа (5, 1931 г., 288):

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет —
Моим стихам, как драгоценным винам,
Наступит свой черед.

Москва 1913 г. — Париж 1931 г.

¹⁷ Северные Записки, литературно-политический ежемесячник, Петроград, 1914-17 гг.

¹⁸ Версты, литературно-художественный журнал т. н. евразийцев, выходил под редакцией кн. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского и С. Я. Эфрона (мужа Цветаевой), 1926-28 гг., I-III.

¹⁹ Воля России, журнал политики и культуры, издавался эсэрами в 1921-1932 гг.; редактор литературного отдела М. Л. Слоним.

²⁰ Крысолов: Воля России, 1925 г. — IV, 25-31; V, 41-46; VI, 37-48; VII-VIII, 38-56; XII, 20-35; 1926 г., I, 60-70.

²¹ Поэма Воздуха: Воля России, 1 1930 г., 1, 16-26.

²² Красный Бычок: Воля России, 1928 г., XII, 35-38.

²³ Числа, сборники, выходившие под редакцией Н. А. Оцуца и И. В. де Манциарли, 1930-34 гг.

²⁴ Новый Град, журнал, выходивший под редакцией Г. П. Федотова и И. И. Фондаминского (Бунакова), 1931-39 гг.

²⁵ Современные Записки, общественно-политический и литературный журнал, 1921-1940 гг.

²⁶ Муж Цветаевой — Сергей Эфрон, бывший офицер Белой Армии, евразиец. В 1938 г. исчез из Франции.

²⁷ Ася, дочь Цветаевой, художница, см. цикл цветаевских стихов «Психея — стихи моей дочери» (Психея, 105-111). В 30-х гг. уехала в Советский Союз.

²⁸ Пастернак до I Мировой войны учился в Марбурге. См. очерк о нем Цветаевой: «Световой Ливень, поэзия вечной мужественности», Эпопея, 3, 1926 г., 10-32.

²⁹ Горгулов, убил французского президента Р. Думэ, в 1932 г., был казнен.

³⁰ Утверждения, журнал объединения пореволюционных течений, Париж, 1931-32 гг.

³¹ Стихотворение Бенедиктова Переход, на другие его стихи непохожее, меня восхищало и я послал его Цветаевой (Сочинения Бенедиктова, 1902 г., 226-27).

³² «Искусство при свете совести» Современные Записки.

³³ Очерк о нем Цветаевой «Пленный Дух» (Современные Записки, 55, 1934 г., 198-255, а также в сборнике «Проза Цветаевой», Нью Йорк, 1953 г. 286-352).

³⁴ Последние Новости, газета, выходившая под редакцией П. Н. Милокова, в Париже (до 1940 г.).

³⁵ Frau Holle: сказка из собрания братьев Grimm Kinder-und Hausmärchen. «Блаженное царство» Frau Holle находится на дне колодца.

³⁶ Стиля.

³⁷ О Маяковском стихи Цветаевой, ему посвященные: Превыше крестов и труб... (5-го сент. 1921 г.; Ремесло, 65).

³⁸ Семья Цветаевой: см. ее очерки Дом у старого Пимена, Мать и музыка, Чорт (Современные Записки, 54, 1934 г., 212-56; 57, 1935 г., 241-66; 59, того же года, 205-26).

³⁹ Цветаева имеет в виду посланное ей мною стихотворение Милонова (М. В., 1792-1821) «На кончину Державина (элегия)», в котором я выделил заключительную строку.

По отзывам лиры ценят времена.
(Сочинения Милонова, СПб, 1849 г., 98-100).

⁴⁰ Стихи к Державину, см. предыдущее примечание.

⁴¹ Ода пешему хождению, хранится в Houghton Library. В печати не появлялась.

⁴² Святополк-Мирский, Д. П.

⁴³ Волконскому Цветаева посвятила цикл стихов «Ученик», см. примечание 12-ое. Его книга «Быт и Бытие», Медный Всадник, 1924 г., стр. 211.

⁴⁴ Ремесло, книга стихов, Москва-Берлин, стр. 166.

⁴⁵ Гржебин, З. И., издатель.

⁴⁶ Vanves (Seine), под Парижем; туда Цветаева переселилась из Кламара. Ее адрес в Ванве был: 33, rue Jean Baptiste Potin.

⁴⁷ Я имел в виду современных вождей (тоталитарных государств) и обманываемую ими молодежь (об этом в моем стихотворении Младший брат, Северный берег, Варшава, 1938 г.).

⁴⁸ Гронский, Н. П. (1909-1934), поэт, друг Цветаевой.

⁴⁹ Белла-Донна — «Беладонна», поэма Николая Гронского (1929-31 гг.), «Стихи и поэмы», посмертное издание, Париж, 1935 г. (?).

⁵⁰ Гронский, П. П., профессор государственного права, член IV Государственной Думы, сотрудник Последних Новостей, отец поэта Николая Гронского.

⁵¹ «Сказка матери», вероятно была опубликована в Последних Новостях.

⁵² Мать Николая Гронского, Нина Николаевна, скульптор (Париж).

⁵³ Книги Цветаевой, см. библиографию в сборнике «После России», и мое предисловие. В письме же Цветаевой допущены ошибки.

⁵⁴ Молчите проклятые книги,
Я вас не писал никогда!

Заключительные строки стихотворения Блока *Друзьям* (1908 г.), с эпиграфом из стихотворения А. Майкова *Менестрель* (1859 г.):

Молчите, проклятые струны!

⁵⁵ Мур, — Георгий Эфрон, сын Цветаевой, род. в 1925 г.

⁵⁶ «Переулочки», в сборнике *Ремесло*, 147-160 (Москва, апрель 1922 г.).

⁵⁷ Маковский, С. К., поэт, редактор журнала *Аполлон* (1909-1917 гг.).

⁵⁸ В греческом вы обобщены: в письмах и в утерянной статье я говорил о Цветаеве «греческой» (цикл *Ученик*, трагедии *Тезей* и *Федра* и все вообще ее торжественные, патетические стихи) и о Цветаеве «русской», фольклорной (*Царь-Девича*, *Молодец*, *Переулочки*): первой я отдавал предпочтение перед второй.

⁵⁹ Слух без ушей, взгляд без очей... *Беладонна* Гронского (Стихи и поэмы, 74).

⁶⁰ Жатвы без рук, / Клятвы без губ... «Переулочки», *Ремесло*, 159.

⁶¹ И в потомстве ты не тот... Ю. Иваск, *Царская осень*, 25.

⁶² Штейгер, А. С., барон (1907-1944 г.), поэт.

⁶³ *Катеп*, польский литературный журнал, выходивший в 30-х гг., под редакцией Казимира Яворского, в Люблине. В этом журнале

были помещены переводы стихов Цветаевой, Гронского и др. русских поэтов.

⁶⁴ Стихи Гейне. Цветаева цитирует ошибочно. В тексте:

Und mein Stamm sind jene Asra,
Welche sterben, wenn sie lieben.

(Romanosco, I Buch, Historien, Der Asra).

⁶⁵ Frau Aja. Не установлено.

⁶⁶ Турий след у ворот... «Переулочки», Ремесло, 160.

⁶⁷ Печеры, местечко в Псковской губернии, потом город в Эстонии (где я жил в то время).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>«Морю», стихотворение Пушкина, рукопись второй редакции</i>	
Приготовил к печати Дм. Чижевский.	5
<i>Два письма кн. П. А. Вяземского.</i>	
Приготовил к печати Ю. П. Иваск; заметка о французском языке Вяземского — Рене Галлана.	40
<i>Два письма Н. В. Гоголя.</i>	
Приготовил к печати Дм. Чижевский.	56
<i>Отрывок черновика «Записок из мертвого дома» Достоевского.</i>	
Приготовил к печати Дм. Чижевский.	59
<i>Записки и письма И. С. Тургенева к Н. А. и М. А. Милютиным.</i>	
Приготовил к печати Дм. Чижевский.	82
<i>Письма Н. С. Лескова к Э. М. Диллону и О. И. Лесковой.</i>	
Приготовил к печати Ю. Маклейн.	133
<i>Письмо А. А. Блока.</i>	
Приготовила к печати Е. К. Стенбок-Фермор.	170
<i>Новые строки Маяковского.</i>	
Приготовил к печати Р. Якобсон.	173
<i>Письма Марины Цветаевой к Ю. П. Иваску (1933-37).</i>	
Приготовил к печати Ю. П. Иваск.	207

Факсимиле рукописей:

I-II	<i>«Морю» Пушкина .....</i>	8—9
III	<i>Начало черновика 2-ой главы 2-ой части «Записок из мертвого дома» .....</i>	81—82
IV	<i>Начало письма Тургенева к М. А. Милютиной, от 15 декабря 1872 г. ....</i>	81—82
V-VI	<i>«Письмо к Татьяне ...ой» Маяковского. ....</i>	177—178

CONTENTS

	Page
Foreword	3
<i>"To the Sea" — Second Manuscript Version of Pushkin's Lyric.</i>	
Edited by Dmitry Čiževsky.	5
<i>Two Letters of Prince P. A. Vjazemskij.</i>	
Edited by George Ivask, with a note on Vjazemskij's French by René Galland.	40
<i>Two Letters of N. V. Gogol.</i>	
Edited by Dmitry Čiževsky.	56
<i>A Fragment From the Rough Draft of Dostoevskij's Notes From the House of the Dead.</i>	
Edited by Dmitry Čiževsky.	59
<i>Ivan Turgenev's Notes and Letters to N. A. and M. A. Miljutin.</i>	
Edited by Dmitry Čiževsky.	82
<i>N. S. Leskov's Letters to E. J. Dillon and Ol'ga Leskova.</i>	
Edited by Hugh McLean.	133
<i>A Letter of Aleksandr Blok.</i>	
Edited by Elizabet Stenbock-Fermor.	170
<i>Unpublished Verses by Vladimir Majakovskij.</i>	
Edited by Roman Jakobson.	173
<i>Marina Cvetaeva's Letters to George Ivask (1933-37).</i>	
Edited by George Ivask.	207

PLATES

	Facing pages
I-II "To the Sea" by Pushkin	8 — 9
III Dostoevskij, <i>Notes From the House of the Dead</i> , Begining of Part II, Chapter 2	81 — 82
IV Begining of Turgenev's Letter to Maria Miljutin, 15 december 1872	81 — 82
V-VI Majakovskij, "Letter to Tatiana ..."	177 — 178

Printed by
RAUSEN BROS.
142 E. 32nd Street
New York 16, N.Y.

Цена: \$ 4.00